

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (7)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2011**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 1 (7)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2011**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Рябов В.В. председатель	ректор ГОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Атанасян С.Л.	проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор
Русецкая М.Н.	проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В. главный редактор	доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Данилов А.А.	доктор исторических наук, профессор
Кириллов В.В.	директор Института гуманитарных наук, кандидат исторических наук, профессор
Корнилов В.А.	заведующий кафедрой отечественной истории, кандидат исторических наук, профессор
Карпачев С.П.	профессор кафедры отечественной истории, доктор исторических наук, профессор
Леванов Б.В.	профессор кафедры отечественной истории, доктор исторических наук, профессор
Митрофанов К.Г.	заведующий кафедрой методики преподавания истории, кандидат педагогических наук, доцент
Михайловский Ф.А. составитель	доктор исторических наук, профессор
Пашенцев Е.Н.	доктор исторических наук, профессор
Ртищева Г.А.	кандидат исторических наук, доцент
Уколова В.И.	доктор исторических наук, профессор
Хаванов Е.И.	заведующий кафедрой всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Революционные движения

- Касаров Г.Г.* Стачки рабочих в Саратовской губернии
(июль 1914 г. – февраль 1917 г.) 8

Экономическая история

- Ковылин Д.А.* Деятельность сельскохозяйственной кооперации
в Кубанской области в начале XX века 23

История России дореволюционного периода

- Андреев И.Л.* Дворянство и власть в XVII веке:
проблемы «диалога» 35
- Кубрик А.Д.* Восприятие жилищных условий крестьянами
Московской губернии в 1860–1870-е годы 48

История России советского периода

- Шалыгина Н.В.* Немецкие спецпоселенцы на Русском Севере
в 1946–1956-е годы 59

История культуры

- Давыдова А.Б.* Египетские артефакты на территории
александрийского Серапеума 70
- Барышев И.С.* Русская диаспора в Бразилии 75

Историография

- Куликова И.Б.* Поле жертвоприношений и Поле тростника:
к историографии проблемы 83

История международных отношений

- Агуреев С.А.* Политика европейских держав в Эфиопии
в конце XIX века и Россия 96

Из истории современности

- Базаркина Д.Ю.* Угроза терроризма как проблема
международной безопасности 108

Научная жизнь

- «Декабрь – 1941: за нами Москва» 118

Аннотации и ключевые слова 120

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».**
2011, № 1 (7) 125

CONTENTS

Revolutionary Movements

- Kasarov G.G.* Workers' Strikes in Saratov province
(July 1914 – February 1917)8

Economy History

- Kovylin D.A.* The Activities of Cooperating Farming in Kuban Region
at the Turn of the XX-th Century.....23

History of Russia of the Pre-revolutionary Period

- Andreev I.L.* Nobility and Power in the XVIIth Century:
Problems of Dialogue35
- Kubrik A.D.* Perception the Housing Conditions by Peasants
of Moscow Region in 1860–187048

History of Russia of the Soviet Period

- Shalygina N.V.* German Special Settlers in the Russian North
in 1946–1956 59

History of Culture

- Davydova A.B.* Egyptian Artifacts of the Territory of the Serapeum
in Alexandria..... 70
- Baryshev I.S.* Russian Diaspora in Brazil 75

Historiography

- Kulikova I.B.* The Field of Offerings and the Field of Reeds:
to the Historiography of the Problem 83

History of International Relations

- Agureev S.A.* The Policy of European Countries in Ethiopia
in the End of XIX Century and Russia 96

Contemporary History

- Bazarkina D.Yu.* Threat of Terrorism as One of the Main Problems
of the International Security 108

Scientific Events

- «December – 1941: Moscow is Behind» 118

Annotations and Key-words 120

- Authors of «Vestnik of MCPU», Series «Historical Studies»,
2011, № 1 (7)** 125

Г.Г. Касаров

Стачки рабочих в Саратовской губернии (июль 1914 г. – февраль 1917 г.)

Пролетариат Саратовской губернии был активной революционной силой России в годы Первой мировой войны. Рабочие губернии внесли заметный вклад в революционное движение в стране. Однако до настоящего времени всестороннего изучения и обобщения опыта стачечного движения в губернии в годы Первой мировой войны еще нет. Исследователи анализировали революционную борьбу отдельных отрядов рабочих Саратовской губернии, особенно рабочих Царицына [2: с. 87–89; 3; 10: с. 275–276]. Следовательно, актуальность изучения истории стачечного движения в данном регионе не вызывает сомнений.

Особенностью губернии было то, что рядом с крупными промышленными центрами, такими как Саратов и Царицын, находилось много мелких и мельчайших промышленных заведений, расположенных во многих населенных пунктах, где работали по несколько десятков рабочих [1: с. 76–77]. Естественно, это отразилось на размахе стачечной борьбы в губернии.

Положение рабочих промышленных предприятий было тяжелое. Почти на всех фабриках и заводах была низкая заработная плата, длинный рабочий день, вводились сверхурочные рабочие часы. Стачечной борьбой рабочие стремились добиться снижения рабочего времени, повышения заработной платы и изменить условия труда, улучшить свое материальное и политическое положение [3, 11]. Рабочие Саратовской губернии проявили высокую политическую активность.

22 июля 1914 г. произошло кровавое столкновение в Царицыне между женами и родственниками призываемых в армию рабочих-новобранцев, требовавших выдать пособие, и конвойной командой. Последние открыли огонь по безоружной толпе. В результате были убиты 19 человек и 25 ранены. Антивоенные выступления проходили в Камышине, Вольске и других городах Саратовской губернии [9: с. 17]; (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 370. Л. 4, 6).

В начале Первой мировой войны стачечное движение несколько спало. Сказались усталость революционного пролетариата, участвовавшего в революционной стачечной борьбе весной и летом 1914 г., массовые репрессии царизма, использовавшего начало войны как средство для объявления промышленных центров на положении чрезвычайной охраны. Не последнее место занял и шовинистический угар, охвативший значительные слои населения. И все же стачечная борьба рабочих России не прекратилась. Так, с 31 июля по 5 августа бастовали 9 рабочих паровой мельницы «Торгового дома К. Рейнеке и сыновья» в Саратове. Стачечники потребовали увеличить заработную плату (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1133. Л. 72–72 об., 74). С 11 по 17 августа шла забастовка 400 рабочих (из 500) на лесопильном заводе Максимовского лесопромышленного и торгового акционерного общества, расположенном на железнодорожной станции Ельшанка Царицынского уезда Саратовской губернии. Забастовщики потребовали увеличить зарплату. Администрация отказала рабочим, закрыла завод и снизила заработную плату [4: с. 21; (ГАСО.Ф. 20. Оп.1. Д. 1133. Л. 68–71, 74–74)]. В конце сентября забастовали 8 рабочих-присучальщиков на суконной фабрике Казеева в Кузнецком уезде Саратовской губернии. Рабочие добивались увеличения зарплаты. Администрация не удовлетворила требования забастовщиков, рабочие были арестованы полицией, из них 6 человек посажены на два месяца в тюрьму (ГАРФ. Ф. 102. ДП; 4 Д. 1914. Д. 108, ч. 62. Л. 3–3 об.).

В октябре 1914 г. в губернии стачек не было. 20 октября Саратовский губернатор писал в Департамент полиции, что наблюдаемое спокойствие нельзя считать прочно утвердившимся, «что патриотические настроения довольно скоро улягутся и на их место снова вернется прежнее настроение, способное при первом удобном случае перейти в открытые выступления» (ГАРФ. Ф. 102. ДП; Д. 1914. Д. 108, ч. 62. Л. 16). Губернатор оказался прав. Спокойствия не наступило. 12 ноября в Саратове было две забастовки на мукомольных мельницах товарищества братьев Шмидт. На обеих мельницах бастовали по 50 человек, протестуя против понижения заработной платы. Требования забастовщиков частично были удовлетворены (ГАРФ. Ф. 102. ДП; Д. 1914. Д. 108, ч. 62. Л. 19-19 об.). 6 декабря 1914 г. произошла стачка в типографии Волкова в городе Вольске. Владелец типографии потребовал от рабочих трудиться в выходной день, настаивал, чтобы они приступили к работе. 16 декабря Волков оштрафовал каждого забастовщика в размере двухдневного заработка. Рабочие вновь забастовали. 17 декабря Волков уволил всех рабочих, чтобы нанять новых. Рабочие же в свою очередь потребовали, чтобы их в табельные дни не заставляли работать, летом предоставляли недельный отпуск с сохранением зарплаты и чтобы во время болезни не высчитывали за прогул. Но Волков и в этих требованиях им отказал (ГАРФ. Ф. 6864. Оп. 1. Д. 214. Л. 76–77).

В январе 1915 г. в Саратове бастовали 12 рабочих мукомольной мельницы «Торгового дома К. Рейнеке и сыновья». Забастовщики добивались увеличения зарплаты. Владелец отказал рабочим [6: с. 77]. В губернии бастовали

8 рабочих лесопильного завода Н.Г. Балина. Рабочие потребовали облегчить условия работы, расчистить дорогу от снега и льда для доставки бревен на завод. После расчистки дороги работы возобновились [4: с. 39].

В феврале – марте 1915 г. в Саратовской губернии сложилось тяжелое положение с продовольствием. Сообщая в Департамент полиции о положении с продуктами питания, Саратовский губернатор писал, что злободневен «вопрос о борьбе с возрастающей дороговизной предметов первой необходимости». Установленные в Саратове таксы на продукты питания не достигли цели (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1915. Д. 62. Л. 19–19 об. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 59). Сложившаяся продовольственная ситуация заставляла рабочих систематически защищать свои интересы стачечной борьбой. 12 февраля забастовали работающие на дому 23 человека магазина готового платья «Лейбнер и К» в Саратове. Они потребовали улучшить условия труда и повысить заработную плату. Владелец магазина отказался удовлетворить требования забастовщиков. 13 февраля работники вернули в магазин неоконченную работу (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 59). В феврале были забастовки на деревообделочном заводе М.М. Макарова, где бастовали 10 рабочих, и на цементном заводе акционерного общества «Железо-цемент», на котором забастовали 18 человек. Рабочие добивались увеличения заработной платы. Администрация заводов отказала рабочим [4: с. 43].

В марте 1915 г. стачечная борьба рабочих продолжалась. Так, 13 марта началась забастовка 237 человек завода «Сотрудник» в Саратове. Рабочие потребовали повысить зарплату. Администрация отказала им и уволила 140 рабочих. Стачка продолжалась до 17 марта (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9374. Л. 29). 14 марта забастовали 20 кочегаров на цементном Глухоозерском заводе в городе Вольске. Рабочие потребовали облегчить условия труда. Однако администрация отказалась выполнить их требования (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1220. Л. 36). В середине марта забастовали грузчики на заводе Машкина в Царицынском уезде. Они потребовали улучшить их материальное положение, но подрядчик отказал им и нанял других грузчиков (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9374. Л. 25).

19 марта вновь забастовали кочегары обеих смен на Глухоозерском цементном заводе в городе Вольске. В стачке участвовали 16 человек. Они потребовали улучшить условия труда. Дирекция заявила, что если они не встанут на работу, то через две недели будут уволены (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1220. Л. 35). В марте забастовали 9 бондарей на цементном заводе Саратовского акционерного общества в городе Вольске [6: с. 105; (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1220. Л. 36)], были забастовки на лесопильном заводе М.М. Макарова, где бастовали 12 человек, на лесопильном заводе П. Медведева, где в стачке участвовали 8 рабочих. В Царицыне бастовали рабочие на лесопильной фабрике Лапшина, два дня бастовали 15 рабочих завода товарищества маслобойного производства, 24 человека на мукомольной мельнице «Торгового дома К. Рейнеке». Все эти забастовки окончились неудачно для рабочих [4: с. 48–49; (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9374. Л. 25)].

В апреле 1915 г. в Саратовской губернии было 29 забастовок. В основном бастовали рабочие лесопильных заводов, добивавшиеся увеличения зарплаты [6: с. 122–123, 125]. Бастовали 125 рабочих на табачной фабрике К.А. Штафа в Саратове, предъявивших требование об увеличении зарплаты. После удовлетворения их требований работы на фабрике возобновились (ГАСО. Ф. 1. Оп. 9623. Л. 83, 84).

13–14 апреля на территории Плугаревского казенного питомника около села Липовки Царицынского уезда забастовали 300 рабочих, выступивших против уменьшения заработной платы. Однако администрация отказала рабочим и установила новую оплату. Работы возобновились на условиях дирекции питомника (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д.402. Л. 36–36 об.).

В апреле забастовали высланные из Прибалтийского края 32 немца-колониста, работавшие на лесопильном заводе Торгового дома братьев Бауэр в Сарепте. Стачечники потребовали увеличить зарплату. После переговоров администрация увеличила зарплату (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 27). В апреле бастовали грузчики на лесопильных заводах в Бекетовке Царицынского уезда: на заводах Батаева, Шлыкова, Вараксина, князя Галицына, Бондарчука, Башенина, Долбежева, Левашова, Эпштейна. Бастовали 200 рабочих лесопильного завода Кистова. Забастовщики предъявили одинаковое требование об увеличении зарплаты. Стачка продолжалась 6 дней. Бастовавшие в эти дни 146 рабочих лесопильного завода С.И. Пулика протестовали против вычетов из зарплаты в больничную кассу. Стачка окончилась победой рабочих [6: с. 80–82]; (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 26).

В этот же период забастовали 98 женщин лесопильных заводов Максимовского лесопромышленного и торгового акционерного общества, работавших по погрузке леса в вагоны и потребовавших увеличить зарплату. Администрация им отказала. Стачка продолжалась с 14 до 30 апреля. 1 мая работы возобновились (ГАВО. Ф.6. Оп. 1. Д. 402. Л. 23, 24, 58). Бастовали 291 человек на табачной фабрике Левковича в Саратове, предъявившие требование о повышении заработной платы. Администрация сначала отказала рабочим. Однако владелец фабрики 22 апреля удовлетворил их требование, после чего работы возобновились (ГАСО. Ф. 1, Оп. 1. Д. 9623. Л. 103, 104). С 21 апреля по 1 мая была экономическая забастовка рабочих на мельнице С.И. Степашкина (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 104 а, 105), на паровой мельнице «Торгового дома К. Рейнеке» в Саратове (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 112), лесопильном заводе «Товарищество Кудасовых и компания». Стачечникам в их требовании было отказано (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 113). В апреле бастовали 122 рабочих в городе Вольске на цементном заводе Петроградского товарищества. Рабочие добивались увеличения зарплаты на 66 процентов [4: с. 56–57].

Напряженный характер носила стачечная борьба рабочих Саратовской губернии: в мае 1915 г. 1 мая в Саратове бастовали 16 рабочих печатни Ковалева, 18 рабочих механического и чугунолитейного завода И.А. Колесникова,

33 рабочих на заводе Беринга и 11 рабочих на механическом заводе администрации по делам торгового дома «Р. К. Эрт» [4: с. 61]; (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1915. Д. 120. Л. 12).

С мая экономические стачки стали нарастать. Так, с 4 по 8 мая бастовали 34 рабочих на лесопильном заводе Шлыкова в Царицыне (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 64); 7 мая забастовали 70 грузчиков барж, принадлежавших большой мельнице братьев Степашкиных. Владельцы барж отказали грузчикам в удовлетворении их требований. 8 мая грузчики приступили к работам на прежних условиях (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 117, 118). 8 мая 50 грузчиков, выгружавших зерно с барж при мельнице В.В. Богословского в Саратове, потребовали увеличить зарплату. Владелец отказал рабочим. После переговоров в тот же день грузчики приступили к работе (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 119).

26 мая забастовали 80 человек лесопильного завода Торгово-промышленного товарищества «Лапшин и кампания» в Царицынском уезде. Рабочие потребовали увеличить поденную плату. Утром 28 мая требования рабочих были удовлетворены и работы возобновились (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 77, 78). С 27 мая по 6 июня 1915 г. бастовали рабочие лесопильных заводов С.Н. Кистова, Н.В. Бараксина, и завода В.П. Бондарчука, расположенных в Бекетовке. Рабочие всех заводов потребовали увеличить зарплату (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 22; Д. 1211. Л. 7). С 29 мая до 2 июня бастовали 46 рабочих лесопильного завода А.А. Пишкова в Царицыне. Они тоже потребовали увеличить зарплату. Владелец удовлетворил требования забастовщиков и 2 июня работы возобновились (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1205. Л. 72, 73). 1 июня началась забастовка рабочих на трех лесопильных заводах Максимовского акционерного общества. В стачке участвовали 451 человек. Рабочие предъявили требование об увеличении зарплаты, но получили отказ. Стачка затянулась на целый месяц. После прибавки к зарплате рабочие приступили 2 июля к работам (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 91; ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 22). 2 июня 1915 г. забастовали 90 рабочих лесопильных заводов Дедушенко и 66 рабочих на лесопильной фабрике Лапшина в Царицыне. Рабочие добивались увеличения зарплаты (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 92).

В начале июня в Саратове бастовали 33 рабочих деревообрабатывающей фабрики М.М. Макарова, (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 135) и 400 рабочих на суконной фабрике «Товарищества И. Дебердеева с сыновьями» в Вольском уезде. Рабочие потребовали изменить систему работы на фабрике, устранить замену дневной смены ночной во время обеденного перерыва и не ходить на работу 2 раза в сутки. Рабочим удалось добиться удовлетворения своих требований [7: с. 158]; (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1205. Л. 35, 39). 2 июня бастовали рабочие на «Большой мельнице» Степашкина (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 145); на лесопильно-ящичном заводе братьев Бенинг в Саратове с требованиями увеличить зарплату (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 169).

В Царицыне на горчичном заводе торгового дома В. Воронина бастовали 29 женщин, потребовавших увеличить зарплату (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 104), 40 рабочих на Глухоозерском цементном заводе в Вольске с тем же требованием. Администрация удовлетворила их требования (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 26). 28 июня в Саратове бастовали рабочие лесопильного завода Медведева и рабочие лесопильного завода Оленева. Забастовщики добивались увеличения зарплат (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1915. Д. 62, ч. 2. Л. 6).

В июле 1915 г. рабочие завода металлоизделий акционерного общества русской железной промышленности в Саратове потребовали увеличить зарплату. Администрация увеличила ее на 10%. Однако часть рабочих сочла увеличение недостаточным и после обеда забастовала. В стачке приняли участие 16 человек дневной и ночной смен. В удовлетворении их требований было отказано. Забастовщики приступили к работам 2 июля (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 3, 4, 20). С 1 по 7 июля бастовали 156 рабочих машиностроительного завода «Сотрудник». Забастовщики потребовали увеличить зарплату на 30-40%. Однако дирекция завода отказала рабочим и 2 организатора стачки были арестованы. 6 июля часть рабочих приступила к работе. С 7 июля работы на заводе возобновились (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 16, 19, 20, 23; Д. 1211. Л. 212).

В ночь с 2 на 3 июля забастовали ломщики мела на Глухоозерском цементном заводе в городе Вольске (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 5, 6, 14, 22), с 4 по 7 июля бастовали 100 рабочих на мельнице «Торгового дома К. Рейнеке и сыновья» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 5, 7), 6-7 июля бастовали 32 женщины на Глухоозерском портланд-цементном заводе в Вольске. Забастовщики добивались увеличения расценки (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 9, 10, 23, 26; Д. 1211. Л. 19). На всех предприятиях зарплата была увеличена. В эти же дни была забастовка на лесопильном заводе П.П. Медведева. Рабочие потребовали увеличить зарплату. Забастовщикам было отказано. Через два дня они уволились (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 13, 24, 28; Д. 1211. Л. 18, 21). С 6 по 8 июля проходила стачка 8 рабочих — выносчиков леса на лесопильном заводе А.М. Оленева в Саратове. Стачечники добивались увеличения зарплат. Однако администрация и им отказала (ГАСО. Ф. 20, Оп. 1. Д. 1193. Л. 11, 19 об., 23; Д. 1211. Л. 18, 21).

7 июля забастовали 72 рабочих среднесортного цеха Французского металлургического завода «Урал-Волга» в Царицыне, потребовав увеличить зарплату. Дирекция рабочим отказала, 22 человека уволила. Остальные 9 июля на старых условиях приступили к работе (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 106, 112, 114-114 об.). С 7 по 16 июля бастовали 170 рабочих типографии «Печатни С.П. Яковлева» в Саратове». 7 июля рабочие предъявили требования: отменить табель о штрафах, увеличить зарплату на 30%, перевести рабочих с поденной на месячную оплату, отпускать кипяток за 15 минут и другие. После переговоров администрация частично удовлетворила требования рабочих. Зарплата была повышена

на 5%. 58 человек уволились. Остальные приступили к работе (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 18–19, 21; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 15, 30, 32, 33, 34).

В июле бастовали 320 рабочих табачной фабрики И.З. Левковича. Они потребовали увеличить зарплату на 20%. Директор предложил повысить ее на 10%, но рабочие не согласились. 10 июля работы на фабрике возобновились на условиях дирекции (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 28; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 18, 19 об., 21, 29). С 9 по 12 июля бастовали 510 рабочих завода металлоизделий Акционерного общества Русской железной промышленности в Саратове. Рабочие предъявили требование выдать 10-процентную прибавку к зарплате с апреля по июнь месяц, обещанную заводоуправлением еще в октябре 1914 г. Администрация обещала выдать прибавку в два срока. Рабочие согласились и встали на работы (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 22–22 об., 27; Ф. 20, Оп. 1. Д. 1193. Л. 17, 24 об.-25, 28).

В июле 1915 г. 95 рабочих на лесопильном заводе Максимовского акционерного общества при хуторе Ново-Никольском Царицынского уезда забастовали, потребовав увеличить зарплату. Администрация отказалась удовлетворить требования рабочих (ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 116, 117).

В середине июля 1915 г. рабочие ряда саратовских мельниц обратились к их владельцам с требованием изменить условия работы так, чтобы они начинались в понедельник утром, а не в 18 часов вечера в воскресенье. Владельцы всех мельниц отказали рабочим. Рабочие забастовали. Так, 19 июля 1915 г. 46 человек ночной смены на «Большой мельнице братьев Шмидт», 49 человек на малой мельнице братьев Шмидт, 50 — на мельнице «Торгового дома К. Рейнеке», 15 человек на мельнице акционерного общества Богословского, рабочие мельницы Степашкина забастовали. Всего в стачке участвовали 234 рабочих. Рабочие же дневных смен на этих мельницах в стачке не участвовали (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 34, 35; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1211. Л. 25 а, 26; Д. 1220 Л. 83, 63 об.). Воспользовавшись забастовкой рабочих саратовских мельниц, 40 рабочих мельницы К. Рейнеке потребовали увеличить зарплату, но им было отказано. Тогда рабочие тоже забастовали. И только 23 июля, получив прибавку по 5 рублей, рабочие возобновили работы (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 36, 39).

В ночь с 26 на 27 июля вновь забастовали 234 рабочих мельниц, бастовавшие 19 июля. К ним присоединились 33 рабочих мельницы Администрации торгового дома «Э.И. Борель» (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1206. Л. 2–2 об.).

30 июля владельцы мельниц провели совещание, на котором обсудили сложившееся положение. Они приняли решение: если еще раз рабочие забастуют, то их рассчитать и за дни прогула удержать зарплату, но не штрафовать забастовщиков (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1211. Л. 30). Однако, рабочие не прислушались к рекомендациям владельцев мельниц и в ночь со 2 на 3 августа снова 267 человек 6 мельниц забастовали. И в ночь с 9 на 10 августа, кроме Большой мельницы братьев Шмидт, забастовали 221 человек пяти мельниц (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1206.

Л. 2, 3; РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 377, ч. 1. Л. 52–52 об.). Несмотря на упорную борьбу, владельцы мельниц упорно отказывались удовлетворить требования рабочих, порой увольняя забастовщиков (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1206. Л. 7, 8, 9, 10, 11, 12). 30 июля в Царицыне на лесопильном заводе Кистова забастовали 20 рабочих, потребовавших увеличить зарплату. Владелец фабрики отказал забастовщикам. В этот же день бастовали 23 рабочих на лесопильном заводе Сыроватского. Рабочие добивались увеличения платы за каждое распиленное бревно. Хозяин отказал забастовщикам и уволил их (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 4; ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 119).

В начале августа забастовали 22 рабочих лесопильно-ящичной фабрики торгового дома «И.Л. Генинг с братьями» в Саратове, решив продлить воскресный отдых на 11 часов (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 9633. Л. 63; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1211. Л. 36). 10 августа забастовали 120 набойщиков табачной фабрики К.А. Штаф, предъявив требования об увеличении заработной платы. Стачка продолжалась 9 дней. Лишь после прибавки по 2 коп. на ящик табака работы возобновились 19 августа [7: с. 192]; (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 68, 69, 70). 20 августа на лесопильном заводе Максимовского лесопромышленного акционерного общества при хуторе Ново-Никольском 40 рабочих артели обратились к администрации с просьбой отдать им работы по подкатке бревен к заводу. Артели было отказано. Рабочие забастовали. Администрация уволила забастовщиков и на их место поставила других рабочих (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 122; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 11).

В середине сентября началась всеобщая забастовка рабочих лесопильных заводов Царицынского уезда. С 16 по 22 сентября бастовали 56 рабочих завода Н.В. Вараксина, 70 рабочих завода Ц.Ц. Эпштейна, 12 рабочих завода Башенина, 30 рабочих завода Галицына, рабочие завода Долбежкина. К ним примкнули рабочие завода Бауэр. Рабочие потребовали увеличить зарплату. На последнем заводе требования рабочих были удовлетворены и они приступили к работам. Остальным было отказано. Работы на них начались 21 сентября. Кроме того в сентябре 1,5 дня бастовали 47 рабочих лесопильных заводов П.И. Пименова и «Долбежев и сын», добивавшихся увеличения зарплат, 110 рабочих завода С.И. Пулик, 65 рабочих завода В.Ф. Сероватского с сыновьями. В это же время 4 дня бастовали 155 рабочих лесопильного завода С.И. Клестова и 5 дней 38 рабочих лесопильного завода В.В. Левашева, предъявивших те же требования (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 57, 72; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 3, 4, 9, 13, 18, 19, 20, 21). С 17 сентября в течение 5 дней бастовали 26 человек лесопильного завода Ф.С. Дедушенко в селе Ельшанка Царицынского уезда. Забастовщики потребовали увеличить заработную плату. Администрация отдельным рабочим увеличила зарплату, а части отказала (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 1). Всего по сведениям фабричного инспектора 16 и 17 сентября бастовали до 1 тыс. рабочих (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633.

Л. 114). 17 сентября в Царицыне на лесопильном заводе торгового дома «Лапшин и компания» забастовали 120 поденных рабочих, предъявивших требование повысить заработок. Администрация отказала забастовщикам, наняв рабочих со стороны. И только с 22 сентября работы возобновились (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 57, 58).

19 сентября 36 поденных рабочих предъявили владельцу лесопильного завода И.М. Богатенко в Царицыне требование об увеличении зарплаты. Рабочим было отказано. 21 сентября они забастовали. В эти же дни в Царицыне с аналогичными требованиями выступили 26 рабочих лесопильного завода Карпова, 20 рабочих завода Белоусова, 32 рабочих завода «Любины и Белкина», 46 рабочих завода Люпшина. Из солидарности с забастовщиками забастовали 40 человек на заводе Якимова, 51 на заводе № 1 и 27 на заводе № 2 А.И. Мыльцына, 40 на заводе Семиколенова и с 9 утра 22 сентября забастовали из солидарности 10 рабочих завода Костюкова. Всего в Царицыне бастовали 269 человек 9 лесопильных заводов (ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 58, 65; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 211, 213, 214–217; ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 125, 126–128 об.). Из солидарности с забастовщиками бастовали 5 дней 18 человек на лесопильном заводе В. Калашников и В. Першинов (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 12).

Во время забастовки рабочих лесопильных заводов 18 подростков Товарищества царицынских лесопромышленников по вывозке бревен потребовали увеличить оплату труда. Им было отказано. 21 сентября подростки забастовали (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 63).

В конце сентября бастовали рабочие трех лесопильных заводов в селе Дубовке Царицынского уезда. Еще 2 сентября 1915 г. рабочие лесопильных заводов торгового дома Н.П. Старцева и наследников И.И. Шемарина предъявили требование об увеличении зарплаты. Но администрация отказала им и работы продолжались на старых условиях (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 26). Узнав о забастовке рабочих лесопильных заводов в Бекетовке и Царицыне, 4 дня бастовали в Дубовке 30 рабочих на заводе И.И. Шемарина, 5 дней 31 рабочий на заводе Н.П. Старцева и 2 дня 42 рабочих на заводе А.М. Грязева. Рабочие потребовали увеличить зарплату, но владельцы заводов им отказали. Работы возобновились на старых условиях (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 5, 6, 7).

22 сентября 1915 г. 50 рабочих мельницы «Торгового дома К. Рейнеке», работающих по выгрузке пшеницы из барж, потребовали увеличить зарплату до 8 руб. за 1 000 мешков, при подъеме 1 000 мешков по лестнице на верхний этаж амбара до 15 рублей. Администрация предложила по 13 руб. за подъем на верхний этаж. Рабочие отказались. Тогда владелец мельницы решил пригласить 49 человек из деревни Березники, по 13 рублей за 1 000 мешков за выгрузку пшеницы, но забастовщики пригрозили тем неприятностями. 23 сентября в 7 часов вечера 100 рабочих мельницы «К. Рейнеке и сыновья» потребовали увеличить зарплату и забастовали. Администратор обещал дать ответ

в 7 часов вечера 24 сентября. Рабочим мельницы было объявлено, что с 1 октября их требования будут удовлетворены.

1 октября 1915 г. забастовали 39 рабочих по выгрузке леса из реки Волги на лесопильном заводе Максимовского акционерного общества при хуторе Ново-Никольском. Забастовщики потребовали увеличить зарплату. Дирекция отказалась удовлетворить требования рабочих (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 137; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 89).

27 октября забастовали 105 вагоновожатых и кондуктора царицынского трамвая. Они добивались увеличения оплаты их труда, но им было отказано. После 2-часовой забастовки администрация решила удовлетворить требования трамвайщиков. Движение трамваев возобновилось (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 138, 141).

В 1916 г. стачечная борьба рабочих Саратовской губернии продолжалась. 4 января в Бекетовке бастовали 86 рабочих лесопильного завода П.А. Башенина. Забастовщики добивались увеличения зарплаты на 50%. Администрация ее повысила на 20–50%. В этот же день забастовали 35 рабочих лесопильного завода В.В. Левашова. Они предъявили те же требования, что и рабочие завода П.А. Башенина. Стачка продолжалась 11 дней. Зарплата была повышена на 20%. 11 дней бастовали 86 рабочих лесопильного завода П.И. Пименова и торгового дома «Долбежев и сыновья». Их требования были аналогичны требованиям других заводов. На этих заводах на 20% была увеличена зарплата рабочим (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 2 об.-3). 5 января забастовали в Бекетовке 78 рабочих на лесопильном заводе торгового дома В.Ф. Сыроватского. Рабочие добивались увеличения зарплаты. После переговоров она была частично увеличена. Рабочие согласились с этим (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 7 об.-8).

7 января забастовали в Бекетовке 72 рабочих завода Н.В. Вараксина, 65 рабочих завода Ц.Ц. Эпштейна и 75 рабочих завода Лолочского лесопромышленного товарищества. На всех заводах рабочие потребовали, увеличить зарплату. Владельцы заводов удовлетворили требования забастовщиков (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4).

С 8 января 5 дней бастовали 500 рабочих на заводе металлических изделий в Саратове. Рабочие потребовали увеличить зарплату. После переговоров зарплата была увеличена на 20%. (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4). 8 января бастовали 46 рабочих типографии А.К. Подземского в Саратове. После прибавлении 10% к заработной плате работы на следующий день возобновились (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4). 11 января бастовали 80 человек лесопильного завода В.Г. Русакова. Рабочие потребовали повысить зарплату на 25%. Владельцем завода это требование было удовлетворено. Работы возобновились (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4).

18–19 января бастовали 30 рабочих лесопильного завода торгового дома «Любины и Белкина» в Царицыне. Было предъявлено требование о повыше-

нии зарплаты. Администрация отказала рабочим. 19 и 20 января бастовали 28 рабочих лесопильного завода С.П. Богатенкова в Царицыне, потребовавших увеличить заработок на 25%. И здесь рабочим было отказано (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4). 19-20 января бастовали 34 рабочих типографии «Союза Печатного дела» в Саратове. Рабочие заявили о необходимости повышения зарплаты на 15%. Зарплата была повышена частично (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4).

В январе 1916 г. бастовали рабочие лесопильных заводов Царицына. С 20 января 6 дней бастовали 53 человека на заводе «Наследники А.Н. Мыльцина», добивавшиеся увеличения зарплаты. Зарплата была увеличена; 7 дней бастовали 36 рабочих завода торгового дома И. Карпова. Были предъявлены те же требования. Зарплата была увеличена. 22 января бастовали четверть дня 24 рабочих завода Н.Р. Пишковой. Здесь зарплата тоже была увеличена. 25-26 января бастовали 32 рабочих завода «Любины и Белкина» и снова забастовали 24 рабочих завода Н.Р. Пишковой. На всех заводах забастовщикам зарплата была увеличена (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4, 4 об.-5). 25 января забастовали 35 рабочих типографии Е.Г. Жигмановской. Рабочие добивались увеличения зарплаты на 30%, но им было отказано. Они приступили к работе на старых условиях (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 10 об.-11).

В январе 1916 г. были забастовки и митинги рабочих, в железнодорожных мастерских в Саратове и в Князевке. Так, в Саратове в митингах участвовало более 1 000 человек [10: с. 263; 11: с. 247].

С 23 по 27 февраля бастовали 35 рабочих лесопильного завода Е.Д. Алабушева и А.А. Горбунова в Камышине. Рабочие добивались увеличения зарплаты. Дирекция частично удовлетворила их просьбу. 2 марта 4 часа бастовали 1 469 рабочих завода Донецко-Юрьевского металлургического общества в Царицыне, потребовавших увеличить зарплату на 50%. Дирекция завода пообещала ее увеличить. Три дня с 7 по 9 марта бастовали 197 рабочих глухоозерского портландцементного завода Петроградского товарищества в городе Вольске. Забастовщики добивались увеличения оплаты труда за каждый вагончик цемента. Рабочим было отказано (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 10 об.-11, 14).

28 марта в течение 2 часов бастовали 36 человек на глухоозерском портландцементном заводе Петроградского общества в городе Вольске. Рабочие потребовали увеличить зарплату. После переговоров зарплата частично была повышена (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 13 об.-14).

13 апреля 1916 г. забастовали 39 человек лесопильного завода Е.Д. Алабушева в городе Камышине. Рабочие потребовали увеличить зарплату. После удовлетворения их требования 14 марта они приступили к работе (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 16 об.-17). В тот же день началась забастовка 109 рабочих на лесопильном заводе «Ц.Ц. Эпштейн и сыновья» и 52 рабочих на лесопильном заводе «А. Башенин и сыновья» в Бекетовке. Забастовщики добивались увеличения зар-

платы. Через 5 дней владельцы заводов удовлетворили их требования, а забастовщики приступили к работе (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 20).

15–17 апреля была забастовка 87 рабочих на глухоозерском цементном заводе Петроградского товарищества в городе Вольске. Рабочие добивались увеличения оплаты за загрузку вагончика цементом. Администрация платы повысила частично. Недовольные 63 человека уволились (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 16 об.-17).

18 апреля начались забастовки на табачных фабриках И.З. Левковича в Саратове. На фабрике бывшей Штаф из 230 бастовали 150 человек. На другой фабрике из 590 забастовали 340 человек. Забастовщики добивались увеличения зарплаты. После переговоров она была повышена. Через 6,5 дней работы возобновились (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 17 об.-18). 18 апреля полдня бастовали 44 рабочих лесопильного завода товарищества Лапшина. Они потребовали увеличить зарплату. Владелец удовлетворил просьбу забастовщиков (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 16 об.-17). Одновременно начались забастовки на ряде лесопильных заводов в Царицыне. Бастовали 27 рабочих завода товарищества Лапшина, 70 рабочих завода А.Н. Мыльцына, 18-19 апреля бастовали 36 человек на заводе торгового дома И. Карпова, 65 рабочих завода С.Л. Танхиловича, 18 и 19 апреля 30 человек завода «Любины и Белкин». Рабочие предъявили требование об увеличении зарплаты. Владельцы всех заводов их требования удовлетворили (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 16 об.-17, 17 об.-18).

25 апреля бастовали 11 рабочих механического завода И.А. Колесникова в Саратове, потребовавшие увеличить зарплату. Сначала им было отказано, но 26 апреля рабочим было обещано повысить зарплату и они после обеда приступили к работе (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 18 об.-19; ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 22). 10 дней бастовали в апреле 15 рабочих мельницы акционерного общества Богословского. Рабочие добивались увеличения зарплаты (ГАРФ, Ф. 102. ДП 4Д. 1916. Д. 101, т. 1. Л. 49).

4 мая 1916 г. забастовали 53 человека типографии А.К. Подземского, потребовавших увеличить зарплату. Администрация увеличила зарплату на 10–20% (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 21 об.-22). 13 мая началась забастовка 565 рабочих на лесопильном заводе Максимовского акционерного общества в деревне Ново-Никольское. Рабочие добивались увеличения зарплаты. Через 5 дней они приступили к работам на старых условиях (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 21 об.-22). 21 мая забастовали работницы мелового отдела Русско-Балтийского химического завода К.Р. Шпехт при железнодорожной станции Лесопильный разъезд Рязано-Уральской железной дороги в Саратовской губернии. Забастовщики потребовали увеличить зарплату (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 33).

24 мая в 8 часов утра забастовали 1 305 рабочих Царицынского завода Донецко-Юрьевсклого металлургического общества. В 11 часов рабочие предъявили

требование о повышении заработной платы. После переговоров администрация пообещала дать ответ через две недели, забастовщики согласились подождать. После обеда работы на заводе возобновились (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 17 об.-18; ГАСО Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 31).

1 июня 1916 г. забастовали рабочие трех кожевенных заводов в Царицыне. На заводе Д.М. Кузнецова бастовали 30 человек, на заводе П.Н. Гуляева 12 и на заводе Д.Г. Коротина 10. Забастовщики на всех заводах требовали увеличить зарплату (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1916. Д. 101. Л. 66).

9–10 июня бастовали 3076 рабочих Царицынского завода Донецко-Юрьевского металлургического общества. Рабочие напомнили, что еще 24 мая дирекция завода обещала рассмотреть требование о повышении заработной платы. После переговоров зарплата была частично повышена. 11 июня рабочие приступили к работе (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1916. Д. 101. Л. 66 об.; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 54; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 26 об.-27). 21 июня забастовали 28 человек Русско-Балтийского химического завода К.Р. Шпехта, потребовавших увеличить заработную плату. Забастовка окончилась безуспешно для рабочих (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 26 об.-27). 23 июня началась забастовка всех 60 человек в типографии А.К. Подземского в Саратове. 24 июня рабочие предъявили требования о повышении зарплаты. Владелец типографии предложил частично ее увеличить. Рабочие не согласились, 25 июня стачка продолжалась. После переговоров, рабочие согласились с предложенной прибавкой. 26 июня они приступили к работе (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1916. Д. 101. Л. 66; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 26 об.-27; ГАСО. Ф. 20 Оп 1. Д. 1296. Л. 34).

С 2 по 4 июля 1916 г. бастовали 28 человек лесопильного завода М.Г. Балина в Саратове, потребовавших увеличить зарплату. Владелец отказал им и уволил забастовщиков (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 28 об.-29).

23 августа с 7 часов вечера забастовали 782 рабочих на Трескинской суконной фабрике А.В. Асеева, расположенной в Николаевском хуторе Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Рабочие предъявили требование об увеличении зарплаты от 40 до 100%. Стачка продолжалась 6 дней. Владелец повысил зарплату рабочим, работающим в механическом цехе на 25%, остальным на 20%. Работы начались 1 сентября. Несогласные 50 человек уволились (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 16; Оп. 1. Д. 115. Л. 255).

4 октября бастовали 36 рабочих лесопильного завода торгового дома А. Башенина в Бекетовке. Рабочие добивались увеличения оплаты своего труда. Забастовщикам в удовлетворении их требований было отказано (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 38 об.-39).

Во второй половине октября и в начале ноября в Царицынском уезде было 11 забастовок на лесопильных заводах. С 20 по 29 октября бастовали 40 рабочих завода Лолочского акционерного общества и 66 рабочих лесопильного завода торгового дома «Ц.Ц. Эпштейн и сыновья». С 24 по 30 ноября 72 ра-

бочих завода А. Башенина, 16 рабочих завода В.П. Бондарчука и 18 рабочих лесопильного завода торгового дома братьев Бабаевых. Рабочие всех заводов предъявили требования об увеличении зарплаты с 3 до 4 рублей в день. Владельцы на заводе Лолочского акционерного общества увеличили зарплату и частично увеличили зарплату на заводе А. Башенина, а на остальных заводах требования рабочих не были удовлетворены (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 41 об.-42, 45 об.-46).

В Царицыне 31 октября забастовали 10 рабочих лесопильного завода В.И. Яковлева, 64 рабочих лесопильного завода А.М. Мыльцына, 31 октября и 1 ноября бастовали 24 рабочих лесопильного завода И.М. Богатенкова. 1–2 ноября 16 рабочих на лесопильном заводе торгового дома «Любины и Белкин» и с 1 по 5 ноября бастовали 26 рабочих лесопильного завода С.Л. Танрилевича (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 41 об.-42). 9 и 10 ноября бастовали 72 рабочих лесопильного завода Ф.С. Дедушенко в селе Ельшанке Саратовской губернии. Рабочие боролись за увеличение зарплаты, но владельцы заводов им отказали (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 42 об.-43).

В конце декабря 1916 г. в Царицыне была стачка рабочих трамвайного парка. Рабочие собрались во дворе, выработали свои требования об увеличении зарплаты к администрации городского самоуправления. Собрание было окружено полицией. После переговоров городской голова повысил зарплату на 5 рублей в месяц (ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 5. Д. 34 в. Л. 1).

25 января 1917 г. забастовали 136 человек котельного цеха царицынского завода Донецко-Юрьевского металлургического общества. Рабочие избрали комиссию, которая предъявила требования администрации завода, главным из которых было повышение заработной платы всем рабочим цеха. После переговоров в 10 утра забастовщики приступили к работе, заявив, что будут ждать ответ до 28 января. Работающие в цехе 104 военнопленных в стачке не участвовали (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 462. Л. 1, 1 об.; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10110. Л. 11–11 об).

Подведем некоторые итоги. В годы Первой мировой войны рабочие Саратовской губернии принимали активное участие в стачечной борьбе с царизмом и буржуазией, с виновниками народных страданий, с беспощадной эксплуатацией трудящихся масс. Всего в Саратовской губернии за годы войны было 212 стачек, в которых приняли участие 19267 человек. Это был вклад рабочих в революционное движение российского пролетариата.

Литература

1. Волгоградская областная организация КПСС в цифрах 1917–1983. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1983. – 160 с.
2. Мантуров С. Из революционного прошлого Камышина (1905–1920) / С. Мантуров. – Волгоград: Волгоградское книжное издательство, 1963. – 148 с.

3. Очерки истории Волгоградской организации КПСС. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1977. – 704 с.
4. Рабочее движение в годы войны. – М.: Вопросы труда, 1925. – 362 с.
5. Российская империя: словарь-справочник. – СПб.: Изд-во им. А.С. Суворина, 1992. – 96 с.
6. Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны: материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917. – Т. I. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1986. – С. 3–144.
7. Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны: материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917. – Т. II. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1986. – С. 145–268.
8. Стачки в России в 1914 – феврале 1917. Хроника. – Т. I. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1989. – 296 с.
9. *Томарев В.И.* Пролетариат Царицына в борьбе против самодержавия / В.И. Томарев. – Волгоград: Волгоградское книжное изд-во, 1967. – 20 с.
10. *Томарев В.И.* Большевики Поволжья во главе борьбы пролетариата против царизма / В.И. Томарев. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1977. – 344 с.
11. *Ходаков Г.Ф.* Очерки истории Саратовской организации КПСС. Часть первая / Г.Ф. Ходаков. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967. – 226 с.

References

1. Volgogradskaya oblastnaya organizaciya KPSS v cifrax 1917–1983. – Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1983. – 160 s.
2. *Manturov S.* Iz revolyucionnogo proshlogo Kamy'shina (1905–1920) / S. Manturov. – Volgograd: Volgogradskoe knizhnoe izd-vo, 1963. – 148 s.
3. Oчерки istorii Volgogradskoj organizacii KPSS. – Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1977. – 704 s.
4. Rabochee dvizhenie v gody' vojny'. – M.: Voprosy' truda, 1925. – 362 s.
5. Rossijskaya imperiya: slovar'-spravochnik. – SPb.: Izd-vo im. A.S. Suvorina, 1992. – 96 s.
6. Stachechnoe dvizhenie rabochix Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny': materialy' oficial'noj statistiki za avgust 1914 – yanvar' 1917. – T. I. – M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1986. – S. 3–144.
7. Stachechnoe dvizhenie rabochix Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny': materialy' oficial'noj statistiki za avgust 1914 – yanvar' 1917. – T. II. – M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1986. – S. 145–268.
8. Stachki v Rossii v 1914 – fevrale 1917. Xronika. – T. I. – M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1989. – 296 s.
9. *Tomarev V.I.* Proletariat Caricy'na v bor'be protiv samoderzhaviya / V.I. Tomarev. – Volgograd: Volgogradskoe knizhnoe izd-vo, 1967. – 20 s.
10. *Tomarev V.I.* Bol'sheviki Povolzh'ya vo glave bor'by' proletariata protiv czarizma / V.I. Tomarev. – Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1977. – 344 s.
11. *Xodakov G.F.* Oчерки istorii Saratovskoj organizacii KPSS. Chast' pervaya / G.F. Xodakov. – Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1967. – 226 s.

Д.А. Ковылин

Деятельность сельскохозяйственной кооперации в Кубанской области в начале XX века

Отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы привели к развитию новых экономических отношений. Основная масса крестьян и казаков испытывала трудности, связанные с ведением хозяйства — остро ощущалась нехватка средств для покупки сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, семян для посева и т.д.

Особый интерес представляет вопрос о кооперативном движении на казачьих территориях с начала XX века, где доминировало общинное землевладение казаков и на которые не распространялась Столыпинская аграрная реформа.

Особенностью возникновения и развития сельскохозяйственной кооперации на Кубани было то, что инициаторами создания сельскохозяйственных кооперативных объединений, а также их участниками выступали казаки. Нередко они становились и их руководителями. Следует также отметить, что сельскохозяйственная кооперация в Кубанской области, как и во многих других казачьих регионах России, возникла позже остальных видов кооперации — уже в начале XX века.

Деятельность кооперации на Кубани вызывала интерес и внимание многих крупных ученых, кооперативное движение не могли обойти стороной известные историки и краеведы при создании фундаментальных научных работ по истории Кубани. Сельскохозяйственная кооперация не была исключением. Первые научные труды, посвященные истории кооперации на Кубани, в частности сельскохозяйственной, появились в начале XX века, то есть фактически со времени возникновения сельскохозяйственных кооперативов.

Один из первых исследователей, основательно изучивших историю возникновения и развития кооперации на Кубани — известный историк, статистик и общественный деятель Ф.А. Щербина. В своем наиболее известном труде «История Кубанского войска», изданном еще до 1917 г., он приводит статистические данные о кооперативах, как в целом по Кубанской области, так и по ее отдельно

взятым отделам и казачьим станицам. Описывая развитие сельского хозяйства в Кубанской области, Ф.А. Щербина достаточно убедительно показал важное и по сути дела решающее значение деятельности сельскохозяйственной кооперации в аграрном развитии региона [18: с. 683–688].

В работах других дореволюционных авторов по социально-экономической проблематике рассматривалось хозяйственно-экономическое положение казачьего хозяйства. Среди них можно отметить исследования Л.В. Македонова [9], В.А. Щербины [17: с. 1–54] по казачьим хозяйствам Закубанья. С 1883 по 1916 гг. на Кубани выходил «Кубанский сборник» — научно-краеведческое издание Кубанского областного статистического комитета, куда также вошли труды вышеназванных авторов. Всего был издан 21 том.

Экономическим возможностям казачьих хозяйств посвятили работы Л.М. Бобырь-Бухановский [2: с. 217–253], Л. Тмутараканский [15] и другие.

В периодических и продолжающихся изданиях были опубликованы и работы по истории отдельных населенных пунктов Кубанской области, в частности Ф.В. Арканникова [1: с. 542–548], П.О. Кириллова [7] и других.

Среди трудов советских историков, которые касались вопросов развития сельского хозяйства Кубани в рассматриваемый период, в том числе на территории казачьего войска, следует назвать работы В.С. Гальцева [3: с. 116–125], П.А. Шацкого [16: с. 3–319], В.П. Крикунова [8], В.Н. Ратушняка [12, 14].

Особо хотелось бы остановиться на исследованиях кооперативного движения Кубани 90-х годов XX века, когда возрос интерес как к казачьей проблематике, так и к истории кооперации. В 1990 г. выходит книга под редакцией А.М. Анфимова с участием крупнейших ученых, таких как В.Н. Ратушняк и Л.И. Футорянский, «Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма». В ней приводятся подробные статистические сведения о различных видах кооперативных объединений, в том числе сельскохозяйственных в Донской, Кубанской и Терской областях, говорится и о различных направлениях работы сельскохозяйственных кооперативных объединений [7].

В ряде работ, посвященных истории Кубани, известный ученый, историк и краевед, В.Н. Ратушняк уделил значительное внимание кооперации и ее роли в развитии экономики края, приводя важные статистические сведения и факты, относящиеся к работе кооперативов, включая сельскохозяйственные. Среди его работ следует назвать «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» [10], главы в книге «Прошлое и настоящее Кубани в курсе Отечественной истории» [11], «История Кубани в датах, событиях, фактах» [13]. В 2009 г. вышла в свет монография известного ученого А.П. Корелина «Кооперация и кооперативное движение в России 1860-1917 гг.» [6]. В ней автор приводит статистические данные по различным видам кооперации в ряде регионов страны во второй половине XIX – начале XX веков, в том числе и по Кубанской области (сельскохозяйственные кооперативы не исключение).

В основу данной работы легли материалы Государственного архива Краснодарского края и Центра Документации Новейшей истории, источники, свидетельствующие о развитии сельскохозяйственной кооперации в Кубанской области. К ним относятся фонды Хозяйственного правления Кубанского Казачьего войска (Фонд 318) и канцелярии Начальника Кубанской области (он же одновременно был Наказным атаманом Кубанского казачьего войска). В данных фондах имеются важнейшие документы, содержащие сведения о деятельности сельскохозяйственных кооперативов — отчеты о работе кооперативных объединений, их уставы, ходатайства об учреждении кооперативов, доклады Начальника Кубанской области Наместнику Кавказа и в военное министерство, приказы и распоряжения Наказного атамана, относящиеся к сельскохозяйственным кооперативам и другие.

В фонде областного статистического комитета автором обнаружены сведения, имеющие большое значение для исследования — конкретные статистические данные о различных видах сельскохозяйственных кооперативных объединений: обществах, товариществах, земледельческих артелях, их составе, численности. В фонде содержатся как обобщающие сведения о сельскохозяйственных кооперативах, по всей Кубанской области, так и по военным отделам и станицам Кубанского казачьего войска.

В коллекции документов по истории Кубани (Центр документации новейшей истории Краснодарского края) автор обнаружил ряд необходимых документов, содержащих подробное описание деятельности сельскохозяйственных кооперативных объединений, работы кооперативов в годы первой мировой войны, различные статистические сведения и факты.

Первое сельскохозяйственное кооперативное объединение возникло в Кубанской области 10 апреля 1903 г., в этот день в станице Лабинской начало свои действия сельскохозяйственное общество, на момент открытия его численность составила 345 человек, в том числе 269 казаков. (Государственный архив Краснодарского края, далее — ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 39. Л. 160–164).

На первом общем собрании Общества Председателем правления был избран полковник А.В. Гришанов. Общество начало свою работу согласно приказу Начальника Кубанской области Я.Д. Маламы. Основанием для издания приказа о разрешении к открытию Лабинского сельскохозяйственного общества послужило ходатайство учредителей во главе с полковником А.В. Климовым. В ходатайстве говорилось о необходимости создания общества для совместного ведения хозяйства. основополагающим документом, регламентирующим работу данного объединения, стал его устав.

Стремительный рост кооперативных объединений после событий 1905–1907 гг. наблюдался по всей России, особенно в казачьих областях. Развитие сельскохозяйственной кооперации на Кубани имело свои отличительные особенности. В Кубанской области сельскохозяйственные кооперативы создава-

лись в своей основной массе в казачьих станицах, большинство участников составляли казаки, а в других казачьих регионах (Оренбургская губерния, Сибирь) сельскохозяйственные кооперативные объединения возникали не в казачьих станицах, а в селах, в их составе преобладали крестьяне.

К 1908 г. на территории Кубанского казачьего войска действовали 12 сельскохозяйственных товариществ, 3 сельскохозяйственных общества, общая численность их участников на 1 января 1908 г. составила 4 530 человек.

Развитие кооперации на Кубани во всех ее формах связано с именем Начальника Кубанской области, Наказного атамана генерал-лейтенанта Михаила Павловича Бабыча. Он приступил к исполнению своих обязанностей 3 февраля 1908 года и на протяжении всей служебной деятельности много внимания уделял развитию кооперации на Кубани (в том числе сельскохозяйственной кооперации). Об этом свидетельствуют соответствующие приказы и распоряжения Наказного атамана, касавшиеся работы кооперативных объединений на территории Кубанского казачьего войска, его переписка с атаманами казачьих станиц и военных отделов, с председателями правлений кооперативных объединений, Наместником Кавказа, доклады и донесения Начальника Кубанской области в Штаб Кавказского округа, военного округа и в военное министерство (ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 45. Л. 210–212).

Согласно архивным документам, М.П. Бабыч всегда одобрял ходатайства об учреждении кооперативных объединений, всячески содействовал им. В докладах и выступлениях он неоднократно подчеркивал, что необходимо создавать сельскохозяйственные кооперативы в казачьих станицах (ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 51. Л. 134–136).

Решение об учреждении сельскохозяйственных кооперативных объединений принималось Наказным атаманом, он же утверждал уставы сельскохозяйственных кооперативов, имел право вносить изменения и дополнения в проекты уставов, которые ему представляли для рассмотрения учредители кооперативов. О поступивших ему ходатайствах о создании кооперативов он докладывал в письменном виде в Штаб Кавказского военного округа и военное министерство, при этом он направлял в указанные учреждения копии ходатайства и проекта устава. Позднее Начальник Кубанской области сообщал об открытии кооперативных объединений. Так, в докладе от 18 марта 1911 г. генерал-лейтенант Бабыч говорил, что жителями станицы Динской Екатеринодарского отдела заявлено ходатайство о создании в станице сельскохозяйственного товарищества. Он выразил свою позицию следующими словами: «Считаю, что открытие в станице товарищества для улучшения сельскохозяйственной культуры весьма желательно» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 61. Л. 200–204).

В следующем докладе о данном товариществе от 19 апреля 1911 г. шла речь о том, что оно открылось 10 апреля 1911 г., и его численность на момент открытия составляла 312 человек (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 61. Л. 200–204).

К 1910 г. число сельскохозяйственных обществ достигло 9, товариществ — 26, в том числе в Екатеринодарском военном отделе работало 3 сельскохозяйственных общества и 8 товариществ, в Ейском — 2 сельскохозяйственных общества и 5 товариществ, в Лабинском — 1 сельскохозяйственное общество и 5 товариществ, Темрюкском — 3 сельскохозяйственных товарищества, Майкопском — 1 сельскохозяйственное общество и 2 товарищества, Кавказском — 2 сельскохозяйственных общества и 2 товарищества. Как видно из приведенных данных, уже к 1910 г. на территории каждого военного отдела существовали кооперативные сельскохозяйственные объединения. Общее число людей, работавших в них на 1 января 1910 г. составило 11348 человек (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 64. Л. 80–84).

Основными направлениями деятельности сельскохозяйственных кооперативов были земледелие и животноводство. Ведущую роль в земледелии на Кубани, в том числе в работе сельскохозяйственных кооперативов, в начале XX века стало играть зерновое производство. Это четко прослеживалось как в быстрых темпах роста посевов, так и в структуре посевных площадей. Если в Европейской России посевы зерновых с 1901 по 1915 г. возросли всего лишь на несколько процентов, то в Кубанской области они увеличились почти на одну треть. Своеобразна была и структура посевов. Почти 90% всей посевной площади на Кубани приходилось на посевы злаковых растений, 80% этой площади занимала пшеница. Несмотря на существенные почвенно-географические различия между отдельными районами области, во всех ее отделах к 1913 г. преобладали посевы пшеницы, заметно увеличились посевы ячменя (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 68. Л. 90–94).

С 1909 по 1913 гг. наблюдался значительный рост валового производства зерна, своего расцвета он достиг здесь в 1913 г. — 266 млн. пудов, из которых на сельскохозяйственные кооперативные объединения пришлось свыше половины — 140 млн. пудов. Это говорит о том, что Кубанская область занимала одно из первых мест по сбору зерна в стране во многом благодаря активной деятельности сельскохозяйственных кооперативных объединений, а по производству озимой пшеницы (в 1913 г. 79 млн. тонн из 92 млн. тонн приходилось на сельскохозяйственные кооперативные объединения) она вообще не знала себе равных в России (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 75. Л. 110–112).

Наиболее высокий урожай по сбору зерновых культур наблюдался в Ейском, Лабинском, Баталпащинском отделе Кубанского Казачьего войска. В 1913 г. в Ейском отделе сбор озимой пшеницы сельскохозяйственными кооперативными объединениями составил 18 млн. тонн, в Лабинском — 15 млн., Баталпащинском — 4 млн., Екатеринодарском — 2 млн., Кавказском — 1,5 млн., Майкопском — 0,8 млн., Темрюкском — 0,7 млн. тонн (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 52. Л. 40–44).

Помимо выращивания зерна — ведущей отрасли кубанского земледелия, Кубанские сельскохозяйственные кооперативы занимались возделыва-

нием различных видов сельскохозяйственных культур, но под них отводилось не более 70% посевной площади.

Кроме полевого земледелия сельскохозяйственные кооперативы занимались огородничеством и бахчеводством, разведением виноградников и садов. Из огородных продуктов наибольшее распространение получили помидоры, капуста, огурцы и лук. Под бахчей (арбузы, дыни, тыквы) в 1913 г. было занято 49,3 тыс. десятин (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 67. Л. 130–132).

Бахчевые культуры выращивались в основном для реализации, осуществлявшейся через потребительские общества, с которыми сотрудничали сельскохозяйственные кооперативные объединения. Наибольшее развитие бахчеводство достигло в Ейском отделе. Виноградарство в Кубанской области также заняло важное место в кооперативном сельскохозяйственном производстве. С 1896 по 1913 гг. сбор винограда увеличился в Кубанской области в 2 раза, достигнув 4,5 млн. пудов в год, из них более трети приходилось на сельскохозяйственные кооперативы — 1,8 млн. пудов, в том числе 0,7 млн. в Лабинском отделе. (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 69. Л. 200–214).

Другим направлением деятельности сельскохозяйственных кооперативных объединений было животноводство, которое представляло собой одну из традиционных отраслей хозяйства Кубани. Широкое распространение оно получило в сельскохозяйственных обществах и товариществах. Выращиваемые ими преимущественно (70%) лошади черноморской породы, наиболее распространенной на Кубани, отличались особой силой и выносливостью, их разведение осуществлялось кооперативами не только для укомплектования конных батарей Кубанского войска, но и для других военных округов России. В Кубанской области Тихорецкое сельскохозяйственное общество, Брюховецкое, Славянское, Лабинское сельскохозяйственные товарищества разводили очень редкую — растопчинскую породу лошадей. К 1914 г. при сельскохозяйственных кооперативных объединениях находились 42 400 голов лошадей, в том числе растопчинской породы — 3 150, черноморской — 27 600 голов (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 70. Л. 100–104).

При Анапском сельскохозяйственном обществе разводили донскую породу. Начиная с 1912 г., ее стали разводить и в Славянском сельскохозяйственном товариществе (в станице Славянской). Всего к 1914 г. в указанных выше кооперативных объединениях насчитывались 4 200 голов лошадей. В станице Усть-Лабинской с 1913 г. осуществлялось разведение чистокровных английских скакунов, в начале 1914 г. при Усть-Лабинском сельскохозяйственном товариществе находились 1 012 голов данной породы (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 72. Л. 174–176).

Сельскохозяйственные кооперативные общества и товарищества получали заказы на разведение лошадей, особенно черноморской породы от атаманов военных отделов и от Наказного атамана. Роль коневодства, особенно на Кубани, заметно возросла в годы Первой мировой войны в связи с тем, что

во время войны армии и казачьим частям требовалось гораздо большее количество лошадей, чем в мирное время. Согласно приказу Начальника Кубанской области М.П. Бабыча, контроль за коневодством и разведением лошадей на территории Кубанского казачьего войска осуществляли офицеры Кубанского казачьего войска, атаманы казачьих станиц и военных отделов (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 79. Л. 172–174).

Отбор строевых лошадей для армии (в том числе для казачьих частей) производили офицеры, на которых возлагалась ответственность за проведение этого мероприятия атаманами военных отделов, совместно с ветеринарными врачами, работающими в сельскохозяйственных кооперативах (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–24).

Война потребовала поставок для армии не только верховых, но и упряжных и рабочих лошадей. Только за 1915 и 1916 г. с Кубани в военные подразделения было отправлено свыше 120 тыс. лошадей, в том числе сельскохозяйственными кооперативными объединениями более 90 тыс. (примерно 75%) (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 85. Л. 30–34).

Осуществлялось и разведение крупного рогатого скота. К 1913 г. при сельскохозяйственных обществах и товариществах Кубани было 156 тыс. голов, к 1916 г. стало 268 тыс. Почти треть крупного рогатого скота находилась в Лабинском и Баталпашинском отделах. Заметный вклад в совершенствование и разведение различных пород крупного рогатого скота вносили Вознесенское сельскохозяйственное общество в Лабинском отделе, Лабинское сельскохозяйственное общество, Абинское сельскохозяйственное общество, Полтавское, Раевское, Андреевское сельскохозяйственные товарищества и другие. Так, в Вознесенском сельскохозяйственном обществе откармливалось на мясо около 2 тыс. голов (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 88. Л. 56–58).

В Лабинском сельскохозяйственном обществе имелось около 1 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 250 племенных коров и 50 бычков-производителей.

Важное значение в деятельности сельскохозяйственных кооперативов Кубани в начале XX века имело овцеводство. Разводили три породы грубошерстных овец, среди них знаменитую карачаевскую, основная масса которой была сосредоточена в Баталпашинском отделе. Карачаевская овца славилась не только мясом и жиром, но и блестящей курчавой шерстью, шедшей на бурки и шубы.

Благополучному ведению овцеводства способствовали благоприятные природные условия, прекрасные пастбища Кубани для содержания овец. Полученная шерсть шла не только на фабрики России, но также во Францию и Англию. Кубанские крестьяне и казаки занимались и разведением свиней, коз. К 1913 г. их поголовье в сельскохозяйственных кооперативных объединениях насчитывало 230 тыс. свиней и 55400 коз. Успешно развивалось в сельскохо-

зяйственных кооперативах и птицеводство. Первая птицефабрика начала работу при Анапском сельскохозяйственном обществе 19 апреля 1911 г. (ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 105. Л. 200–204).

С января 1913 по июнь 1914 гг. сельскохозяйственные кооперативы Кубанской области реализовали яиц на сумму 38400 рублей, только в апреле – июне 1914 г. за пределы Кубани вывезено 64 вагона яиц (ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 107. Л. 88–90).

Трудности, вызванные Первой мировой войной, не могли не отразиться на работе сельскохозяйственных кооперативов. Ощущалась нехватка рабочих рук в связи с призывом на фронт значительной части мужчин, работавших в сельскохозяйственных кооперативах. Согласно приказу Начальника Кубанской области М.П. Бабыча от 15 мая 1913 г. разрешалось принимать работников на временную работу в сельскохозяйственные кооперативы (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 72. Л. 174–176).

На временную работу принимались как жители казачьих станиц и ближайших поселков, так и жители городов и даже других регионов, не имеющие постоянной работы. В 1913 г. на временную работу в сельскохозяйственные кооперативы приняли 3850 человек (ГАКК. Ф. 454. Оп.3. Д.109. Л. 30–32).

В годы Первой мировой войны ряды кооперативов, в том числе сельскохозяйственных, пополняли женщины и подростки. Согласно уставам кооперативных объединений, в их ряды принимались лица, начиная с 16 лет. Что же касается временной работы, то согласно приказу атамана, на нее принимались подростки с 14 лет. Всего с 1914 по 1916 гг. на временную работу в сельскохозяйственные кооперативные объединения приняли 3 860 человек (ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 110. Л. 28–30).

К 1913 г. на территории Кубанской области насчитывалось 48 сельскохозяйственных товариществ и 17 обществ, а к 1914 г. было уже 84 сельскохозяйственных товарищества, что, безусловно, свидетельствовало о заметном увеличении числа сельскохозяйственных кооперативных объединений.

В 1912–1914 гг. на территории Кубанского казачьего войска создается новый вид сельскохозяйственных кооперативов — земледельческие артели. К началу 1913 г. в Кубанской области насчитывалось 4 земледельческие артели, к 1914 г. — 10 артелей с числом работников 915 человек. Первая земледельческая артель возникла в станице Баталпашинской Баталпашинского отдела в апреле 1912 г., к началу 1913 г. в артели трудились 86 человек, а к январю 1914 г. — 118 человек. Позднее появились земледельческие артели в станицах Отрадной, Вознесенской, Владимирской и других. Деятельность земледельческих артелей регламентировалась их уставами, артели находились в непосредственном подчинении атамана казачьих станиц. Отчет о работе земледельческих артелей ежегодно представлялся Начальнику Кубанской области, он же утверждал Устав земледельческих артелей (Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 741. Л. 96–98).

Своего расцвета сельскохозяйственная кооперация на Кубани достигла к концу 1913 г. Об этом свидетельствует не только значительное увеличение численности сельскохозяйственных кооперативов, но и высокий урожай зерновых культур, применение новой сельскохозяйственной техники.

К 1913 г. в Кубанской области работало 15 артелей, занятых производством сельскохозяйственных орудий и машин. В 1913 г. они произвели около 10 тысяч сельскохозяйственных орудий (ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 22. Л. 82–84).

Большинство сложной техники и машин доставлялось из промышленных губерний России (в основном с Урала и Сибири) и из-за границы. По концентрации новейшей сельскохозяйственной техники Кубанская область не знала себе равных. Этому в немалой степени способствовало развитие железнодорожного транспорта и парового флота на Кубани. Так, в 1913 г. на железнодорожные станции Владикавказской железной дороги прибыло сельскохозяйственной техники весом более 2,5 млн. пудов, около половины которой предназначалось для сельскохозяйственных кооперативов.

Важную роль играло сотрудничество сельскохозяйственной кооперации с другими видами кооперативов — потребительскими, кредитными и промышленными. На покупку сельскохозяйственного инвентаря и сельскохозяйственных машин выделяли средства кредитные товарищества и Союз учреждений мелкого кредита. В 1913–1914 гг. кредитными учреждениями (в том числе Союзом учреждений мелкого кредита) были выданы 32 ссуды на сумму 29100 рублей, а в 1915 г. — 38 ссуд на сумму 37 400 рублей (ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 25. Л. 66–68).

Помощь сельскохозяйственным кооперативам в приобретении сельскохозяйственного оборудования оказывали не только кредитные кооперативы, но и Начальник Кубанской области М.П. Бабыч. По его приказу хозяйственное правление Кубанского казачьего войска только в 1913 г. выделило на эти цели 30 тысяч рублей (ГАКК. Ф. 318. Оп. 4. Д. 89. Л. 45–47).

В годы Первой мировой войны Кубанская область была одним из немногих регионов, обеспеченных хлебом, часть хлеба поставлялась в другие губернии и области. В первую очередь это объяснялось высоким урожаем зерновых культур, особенно пшеницы и ржи, 80% урожая приходилось на сельскохозяйственные кооперативные объединения.

К началу 1917 г. в Кубанской области насчитывалось 92 сельскохозяйственных товарищества, 23 сельскохозяйственных общества, 18 земледельческих артелей. Общая численность участников всех сельскохозяйственных кооперативных объединений составила в этот период 62610 человек (ГАКК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 51. Л. 98–100).

Деятельность сельскохозяйственной кооперации, в том числе на территории Кубанского казачьего войска, в казачьих станицах, имела важное значение для экономики Кубани и сыграла значительную роль в повышении уровня аграрного развития региона.

Литература

1. *Арканников Ф.В.* Николаевская станица: Статистико-этнографическое описание / Ф.В. Арканников // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Е.Д. Фелицына. – Т. I. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления и Л. Нитье, 1883, – 624 с.
2. *Бобырь-Бухановский Л.М.* Условия развития и внутренний строй сельского хозяйства на Кубани: Доклад, прочитанный на общем собрании членов ОЛИКО 6 июня 1913 г. / Л.М. Бобырь-Бухановский // Известия общества любителей изучения Кубанской области / Под ред. Б.М. Городецкого. – Вып. 6. – Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1913. – С. 217–253.
3. *Гальцев В.С.* Социально-экономическое и культурное развитие народов Северного Кавказа в 70–90-х гг. XIX в. / В.С. Гальцев // Вопросы истории. – 1954. – № 10. – С. 116–125.
4. *Кириллов П.О.* Новоминская станица: Статистическое описание / П.О. Кириллов // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Е.Д. Фелицына. – Т. 1. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления и Л. Нитье, 1883. – VI, 1121 с., 1 л. карт. – С. 618–642.
5. *Кириллов П.О.* Станица Рязанская (бывшая Габукаевская): Историко-статистическое описание / П.О. Кириллов // Кубанский сборник: Труды Кубан. обл. статист. комитета / Под ред. С.В. Руденко. – Т. 9. 1903. – Екатеринодар: Тип. И.Ф. Бойко, 1902. – 402 с. – С. 113 – 158.
6. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. / А.П. Корелин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 391 с.
7. *Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма.* – Ростов-н./Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1990. – 256 с.
8. *Крикунов В.П.* Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60–90-е годы XIX века / В.П. Крикунов. – Грозный, 1973. – 161 с.
9. *Македонов Л.В.* Хозяйственное положение района станиц Баракаевской, Каменноостровской и Севастопольской Кубанской области: статистико-экономический очерк / Л.В. Македонов. – Воронеж, 1901. – 72 с.
10. *Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.* / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 656 с.
11. *Прошлое и настоящее Кубани в курсе Отечественной истории.* – Ч. 1. – Краснодар: Изд-во Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1994. – 272 с.
12. *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века: к проблеме развития аграрного капитализма / В.Н. Ратушняк. – Ростов-н./Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. – 251 с.
13. *Ратушняк В.Н.* История Кубани в датах, событиях, фактах / В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Экоинвест, 2003. – 300 с.
14. *Ратушняк В.Н.* Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX – начале XX века / В.Н. Ратушняк // Научные труды Краснодарского пединститута. – Вып. 129. – Краснодар, 1969. – С. 237–244.
15. *Тмутараканский Л.* Об экономическо-социальном значении поземельных владений кубанских казаков / Л. Тмутараканский // Кубанский сборник на 1911 год:

Труды Кубан. обл. статист. комитета / Под ред. Л.Т. Соколова. – Т. 16. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1911. – С. 189–263.

16. *Шацкий П.А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг. (историческое исследование) / П.А. Шацкий // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-восточной России. – Ставрополь, 1970. – С. 3–319.

17. *Щербина Ф.А.* Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек Пшехи, Пшища и Псекупс в Закубанском уезде Кубанской области / Ф.А. Щербина // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Е.Д. Фелицына. – Т. II. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления и Л. Нитье, 1891. – С. 1–54.

18. *Щербина Ф.А.* История кубанского казачьего войска. – Т. 2: История Кубанского казачьего войска: История войны казаков с закубанскими горцами: С военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 гг. / Ф.А. Щербина. – Екатеринодар: Тип. Т-ва печ. и изд. дела п/ф «Печатник», 1913. – 860 с.

References

1. *Arkannikov F.V.* Nikolaevskaya stаницa: Statistiko-e'tnograficheskoe opisaniye / F.V. Arkannikov // Kubanskiy sbornik: Trudy' Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta / Pod red. E.D. Felicy'na. – Т. I. – Ekaterinodar: Tip. Kuban. obl. pravleniya i L. Nit'e, 1883. – 624 s.

2. *Boby'r'-Buxanovskij L.M.* Usloviya razvitiya i vnutrennij stroj sel'skogo khozyajstva na Kubani: Doklad, pročitanny'j na obshhem sobranii chlenov OLIKO 6 iyunya 1913 g. / L.M. Boby'r'-Buxanovskij // Izvestiya obshhestva lyubitelej izucheniya Kubanskoj oblasti / Pod red. B.M. Gorodeczkogo. – Vy'p. 6. – Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo obl. pravleniya, 1913. – S. 217–253.

3. *Gal'cev V.S.* Social'no-e'konomicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Severnogo Kavkaza v 70–90-x gg. XIX v. / V.S. Gal'cev // Voprosy' istorii. – 1954. – № 10. – S. 116–125.

4. *Kirillov P.O.* Novominskaya stаницa: Statisticheskoe opisaniye / P.O. Kirillov // Kubanskiy sbornik: Trudy' Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta / Pod red. E.D. Felicy'na. – Т. I. – Ekaterinodar: Tip. Kuban. obl. pravleniya i L. Nit'e, 1883. – VI, 1121 s., 1 l. kart. – S. 618–642.

5. *Kirillov P.O.* Stаницa Ryazanskaya (by'vshaya Gabukaevskaya): Istoriko-statisticheskoe opisaniye / P.O. Kirillov // Kubanskiy sbornik: Trudy' Kuban. obl. statist. komiteta / Pod red. S.V. Rudenko. – Т. 9. 1903. – Ekaterinodar: Tip. I.F. Bojko, 1902. – 402 s. – S. 113–158.

6. *Korelin A.P.* Kooperaciya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg. / A.P. Korelin. – M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 2009. – 391 s.

7. *Krest'yanstvo Severnogo Kavkaza i Dona v period kapitalizma.* – Rostov-n./D.: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1990. – 256 s.

8. *Krikunov V.P.* Ocherki social'no-e'konomicheskogo razvitiya Dona i Severnogo Kavkaza v 60–90-e gody' XIX veka / V.P. Krikunov. – Grozny'j, 1973. – 161 s.

9. *Makedonov L.V.* Khozyajstvennoe polozhenie rajona stanicz Barakaevskoj, Kamennomostskoj i Sevastopol'skoj Kubanskoj oblasti: statistiko-e'konomicheskij ocherk / L.V. Makedonov. – Voronezh: 1901. – 72 s.

10. Ocherki istorii Kubani s drevnejshix vremen po 1920 g. / Pod obshh. red. V.N. Ratushnyaka. – Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1996. – 656 s.
11. Proshloe i nastoyashhee Kubani v kurse Otechestvennoj istorii. – Ch. 1. – Krasnodar: Izd-vo Krasnodarskogo e'ksperimental'nogo centra razvitiya obrazovaniya, 1994. – 272 s.
12. *Ratushnyak V.N.* Sel'skoxozyajstvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v konce XIX – nachale XX veka: k probleme razvitiya agrarnogo kapitalizma / V.N. Ratushnyak. – Rostov-n./D.: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1989. – 251 s.
13. *Ratushnyak V.N.* Istoriya Kubani v datax, soby'tiyax, faktax / V.N. Ratushnyak. – Krasnodar: E'koinvest, 2003. – 300 s.
14. *Ratushnyak V.N.* Razvitie kapitalisticheskogo zemledeliya v Predkavkaz'e v konce XIX – nachale XX veka / V.N. Ratushnyak // Nauchny'e trudy' Krasnodarskogo pedinstituta. – Vy'p. 129. – Krasnodar, 1969. – S. 237–244.
15. *Tmutarakanskij L.* Ob e'konomicheskno-social'nom znachenii pozemel'ny'x vladenij kubanskix kazakov / L. Tmutarakanskij // Kubanskij sbornik na 1911 god: Trudy' Kuban. obl. statist. komiteta / Pod red. L.T. Sokolova. – T. 16. – Ekaterinodar: Tip. Kuban. obl. pravleniya, 1911. – S. 189–263.
16. *Shaczkiy P.A.* Sel'skoe xozyajstvo Predkavkaz'ya v 1861–1905 gg. (istoricheskoe issledovanie) / P.A. Shaczkiy // Nekotory'e voprosy' social'no-e'konomicheskogo razvitiya Yugo-vostochnoj Rossii. – Stavropol', 1970. – S. 3–319.
17. *Shherbina F.A.* Xozyajstvenno-e'konomicheskij by't kazach'ix poselenij po bassejnam rek Pshexi, Pshisha i Psekups v Zakubanskom uezde Kubanskoj oblasti / F.A. Shherbina // Kubanskij sbornik: Trudy' Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta / Pod red. E.D. Felicy'na. – T. II. – Ekaterinodar: Tip. Kuban. obl. pravleniya i L. Nit'e, 1891. – S. 1–54.
18. *Shherbina F.A.* Istoriya kubanskogo kazach'ego vojska. – T. 2: Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska: Istoriya vojny' kazakov s zakubanskimi gorcami: S voenno-istoricheskoy kartoj Kubanskoj oblasti za vremya s 1800 po 1860 gg. / F.A. Shherbina. – Ekaterinodar: Tip. T-va pech. i izd. dela p/f «Pechatnik», 1913. – 860 s.

История России ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

И.Л. Андреев

Дворянство и власть в XVII веке: проблемы «диалога»

Тему взаимоотношений власти и сословий в XVII веке можно считать традиционной для отечественной историографии. Правда, на разных этапах она решалась по-разному, в зависимости от тех методологических установок, которые доминировали в науке. Надо однако признать, что взгляд на взаимоотношения власти и дворянства, как на своеобразный диалог, достаточно редко встречается в литературе. Между тем, в рамках исторической антропологии перевод проблемы власть — сословия в русло «диалога» открывает новые исследовательские возможности, включая выяснение его содержания, механизмов взаимодействия и взаимовлияния, мотивацию и т.д. Даже возложение сословиями на власть патерналистских функций не противоречит тому факту, что к этой власти ими же предъявлялись серьезные претензии и выставлялись весомые счета, то есть возникала основа для «диалога». В связи с этим важным оказывается изучение основ «диалога» — взглядов и представлений, позволявших придти к определенному согласию и тех различий, которые, в конечном итоге, приводили к переменам. Попытаемся рассмотреть именно эти мировоззренческие основы-установки, проявлявшиеся посредством службы и в сфере службы — пространстве, где, собственно, и находили реализацию главные темы «диалога» власти и дворянства.

Понятие «службы» встречается в государственных актах самого высокого уровня. Здесь оно обретает смысл высочайшей ценности: устройство службы есть устройство Православного царства. На рубеже XVI–XVII веков этот взгляд получил свое полное выражение в Утвержденных грамотах. Исключительность происходящего — избрание «неприродного» государя, побуждали авторов подобных документов мобилизовывать весь набор аргументов, призванных придать неоспоримую легитимность выбору. В избирательной грамоте Бориса Годунова среди его бесспорных заслуг фигурирует устройство дворянства: при нем «воинственной чин в призрении и во многой милости и в строении учинен» и этим «все православное христианство в покое и в ти-

шине» стало пребывать; подчеркнуты были и его заботы о процветании воинского чина: «... Неоскудные реки милосердия изливались, и вся Русская земля во облегчении учинена» [1: с. 26].

Тема службы обязательно присутствовала в чинах венчания и текстах клятвоцеловальных записей [10: с. 312–319]. В подобных документах находили свое выражение фундаментальные представления о нормах и характере отношений, которые должны сложиться между Помазанником и его подданными, включая тех, кто исполнял «государеву службу». При этом само понятие «службы» упоминалось в связи с другими базовыми понятиями: «пожалование», «чин», «отечество», «обережение», «честь» и т.д. Так, в чине венчания Ивана IV митрополит Макарий в своем Поучении наставлял монарха: «... Бояр же своих и вельмож жалуй и береги по их отечеству, ко всем князем и княжатам и детям боярским и ко всему христолюбивому воинству буди приступен, и милостив и приветен по царскому своему сану и чину; всех же православных христиан блюди и жалуй и попечение имей о них ото всего сердца, за обидящих же стой царски и мужески...» [7: с. 48; 5: с. 57, 82; 19: с. 80, 312–319]. Здесь любопытны градации: бояр и вельмож следует жаловать и беречь «по их отечеству». В отношении к остальным неродословным служилым людям оказались применимы иные понятия, напрямую связанные со службой — «блюсти и жаловать» [22: с. 141–143].

Характерно, что формула претерпела изменения, отразившие эволюцию правительственного взгляда на службу. Спустя полвека Лжедмитрий I переименовал ее следующим образом: он обещает боярам «держать их в чести.., а вас, дворян и приказных людей в нашей царской милости держать хотим» [1: № 34, с. 54]. При этом если слово «честь» выступает синонимом «отечества», то «милость» вобрала в себя и обещание пожалования за службу и прощение за признание царем Бориса Годунова. В чине венчания Алексея Михайловича (1645), а позднее Федора (1676), Ивана и Петра Алексеевичей (1682) патриарх уже так наставлял молодых государей: «Боляр же своих и вельмож жалуйте и берегите, по их отечеству и службе и правде (выделено нами — *И.А.*). Ко всем же (служилым людям — *И.А.*)... будите приступны, и милостивы, и приветны, по царскому своему чину и сану» [14: № 648, с. 60; № 931, с. 431]. «Служба» и «правда» оказались, таким образом, отнесенные к равным с отечеством основанием для пожалования и чиновного роста родословного человека. На практике это означало повышение статуса службы.

«Бережение» в чине венчания Ивана IV неразрывно связано с понятием «жаловать». Однако имелись и существенные семантические различия. Это весьма четко раскрывается в так называемом «Владимирском приговоре об отмене местничества» на время Казанского похода. Призывая в нем «боляр и воевод и князей и всех людей воинства царева» к исполнению приговора, митрополит Макарий объявлял: «... А государь вас за службу хочет жаловати, а за отечество беречи, и вы бы служили, сколько вам Бог поможет, а розни б и мест никакоже меж вас

не было» [15: с. 159]. Обратившийся к этому месту в приговоре в связи с изучением истории местничества, Ю.М. Эскин отметил четкое разделение понятий: «за службу — жаловати», «по отечеству — беречи» [22: с. 144]. Подчеркнем, что в интерпретации Макария «жалованье» есть награда за заслуги, личную службу, тогда как «бережение» — это ответственность верховной власти за охранение «отечества» на время действия безместия.

В ответной речи царя властям и синклиту в чине венчания Федора Ивановича читаем: «А яз о сем молю, Ваше святительство, а вы бы, наши бояре, нам служили потому же, как есте служили отцу нашему..., а мы вас учнем жаловати и держати по вашей службе и по отечеству» [16: с. 219]. Здесь почти аналогичный порядок терминов — «жаловати... по службе», «держати... по отечеству». Но в целом верховная власть по-прежнему гарантирует вознаграждение за верную службу и охрану наследственных прав и чести.

Любопытно сопоставление таких категорий, как «служба» и «правда». Исследователи отмечают предельно широкий смысл последнего понятия. Тем не менее, выделяется главное в толковании современниками «правды»: это, прежде всего справедливый, восходящий к Писанию миропорядок, который призван установить и поддерживать правитель. Именно неуклонное следование «правде» превращает монарха в истинного ставленника Всевышнего. В русской традиции великий князь рассматривался как «правда мира сего», а в исполнении повелений того, кому дана власть от Бога, и заключена «правда» уже для подданных. Характерно, что уже в чине венчания на великое княжение Дмитрия-внука важнейшей обязанностью монарха провозглашалась «любовь к правде»: «Люби правду и милость и суд праведен». Применительно к службе это означало такое ее устройство и течение, которое бы не нарушало достоинства и чести служилых людей. Эта мысль отчетливо прозвучала в Стоглаве. Так, при верстании следовало «уравнение творяше... как бы... служба царская безо лжи была и без греха вправду» [15: с. 268], то есть равные по достоинству должны были равно и жаловаться. Заметим, что соблюдения «равенства» разряда и чина при пожаловании и поощрении — неременная идеологическая установка. Долгие годы она осознавалась служилыми людьми именно как выражение «правды». Потребовалось не одно десятилетие, чтобы ценностные сдвиги изменили эти представления, так столкнув понятия «службы» и «породы» (отечества), что последнее, как основание для пожалования, стало ассоциироваться с несправедливостью, обретением отличий не по заслугам.

Таким образом, в трактовке категории «правды» прослеживается упадок значения родового приоритета. В понимании властей царское жалованье все более зависит от личных заслуг, от того, насколько «бояре и вельможи» сами будут «в правде» к своему государю. Так, в грамотке боярину В.Б. Шереметеву царь Алексей Михайлович, признавая высоту «отеческой чести» родословного человека, требовал подкреплять ее безупречной службой: боярская честь у царственного автора «совершается на деле в меру служебной заслуги».

При этом Тишайший не упустил случая поморализировать: бывает и так, что «иные, у кого родители в боярской чести, сами и по смерть свою не приметши той чести»; другие же «примерные слуги», много лет прожив без боярства, под старость взводятся в ту боярскую честь». Отсюда вывод — непристойно боярам хвалиться, что «та их честь породная, и крепко на нее надеяться, а благодарить надо Бога, если он за их службу обратил к ним сердце государево ко всякой милости» [20: с. 351–352].

Будучи универсальной дефиницией, «правда» в толковании интеллектуалов и политиков XVII века естественно меняла смысловые оттенки. Процессы секуляризации к концу столетия привнесли в ее осмысление мирские мотивы. В творчестве Симеона Полоцкого и писателей его круга «правда» сближалась с правом: мудрое законодательство просвещенного монарха и есть, собственно, ее выражение и воплощение. Отсюда и служба должна была получать правовые основания.

Отметим еще одну важную особенность в понимании и восприятии службы участвующими в ней сторонами — ее связь с сакральным. В отличие от повседневной трактовки, превращавшей службу во множество докучливых мелких дел, эта сторона выходила как заглавная достаточно редко. О *высоком* вспоминали обыкновенно в моменты кризисные, призывая радетельной службой защитить православную веру, церковь, Московское государство, «свои дома», исполнить, наконец, крестное целование. Но на самом деле элементы сакрального постоянно воспроизводились в служебных церемониях, в истолковании службы в правительственных указах, в патриарших посланиях. Несомненно, репрезентация службы как формы служения Богу и государю, — все это возвышало служилого человека в собственных глазах, было способом приобщения к высокой миссии, воплощенной в доктрине Москва — Третий Рим. В расхожей фразе дворян об их службе Богу и государю, несмотря на всю трафаретность, находили свое выражение сословные амбиции служилых людей. Именно из этого положения проистекает убежденность дворянства в необходимости особого внимания властей именно к их требованиям.

Нарушение устройства службы с ее принципами награждения и продвижения согласно заслугам, происхождению, разряду (чину) воспринималось современниками как зло несомненное. Особенно это стало ощутимо в годы Смуты. Структурный кризис, надломивший общественные устои, привел и к слову издревле устоявшегося порядка службы.

Нарушения прежних принципов награждения побуждали власти неоднократно возвращаться к этой болезненной теме, каждый раз внося уточнения и оговорки против возможного ее перетолкования. Так, при избрании первого Романова чины Государева двора должны были обещать «...не по отечеству и не по своему достоинству свыше своего отечества и службы мимо царского повеленья чести о себе никак не хотети и не искати». Здесь показательна

трактовка понятия «достоинства», к которому, как к дополнительному аргументу, должны были обратиться сторонники порядка: оно — не тождественно «отечеству», хотя и связано с ним; достоинство скорее ближе к понятию чести чина, которое сопутствует ему.

В соответствие с Утвержденной грамотой выстраивался текст клятвенно-целовальных записей: «...Как кому государь... на своей государевой службе и у всякого дела где кому бытии велит, так тому и быти...» [8: с. 214]. Новая власть, таким образом, брала на себя обязательства, устраивавшие на тот момент всех — жаловать по службе и считаться с «отечеством». Это взаимное исполнение прав и обязанностей и было в глазах служилых людей и представителей власти ни чем иным, как возрождением утраченной «правды», столь необходимой для обретения политической и социальной стабильности.

Заметим, что политика правительства первого Романова совпадала в этом пункте с настроениями в обществе. Последние же оформились и получили свое выражение еще ранее в публицистике Смуты, а позднее в литературных памятниках, возникших по ее окончании. Если мы обратимся к таким вдумчивым писателям, как Авраамий Палицын или дьяк Иван Тимофеев, то для них Смута — порождение не только всем известного «безумного молчания», запечатавшего уста всех сословий в правление Ивана Грозного или Бориса Годунова. Это еще и прямое следствие нарушения устоев службы, сословной и чиновной иерархии.

Самодержавный характер власти определял идеологию службы, которая, в свою очередь, транслировалась в повседневность с явным стремлением преобразовать сложные идеологизированные постулаты в простые и всем понятные правила-формулы. Служба строилась и основывалась на властных указаниях государя. Эти указания, помимо чисто утилитарных целей, создавали образ «идеальной службы», на который должны были ориентироваться все дворяне и дети боярские. Поручения-службы могли быть и временными, и постоянными, но всегда — по воле и с соизволения царя. Личностный характер службы находил свое выражение в том, что все пожалования в новый чин думный дьяк «приказывает государевым словом» [12: с. 235].

«Идеальная служба» была теснейшим образом связана с сакральным восприятием царской власти, отчего всякое служебное нарушение перерастало из заурядного проступка в тяжелое преступление с соответствующим спросом-воздаянием. Подобное отношение закреплялось в устойчивых формулах приказного делопроизводства: «И они б (служилые люди — *И.А.*), помня Бога и души свои и крестное целованье, на чем нам, великому государю, души свои дали и крест целовали, нам служили и прямили потому ж, как и наперед сего» [1: с. 138; 11: с. 138]. Так провозглашаемая в официальной идеологии еще с середины XVI века мысль о том, что служение самодержцу есть особый способ «служения Богу», обретала свою повседневную форму существования.

Следует отметить, что служба действительно давала повод задуматься о «небесном». Назначение, отъезд, исполнение службы, особенно в военную годину, побуждали служилых людей позаботиться о душе и спасении. Не случайно появление духовной или ее поновление нередко совпадали с переменами в службе. В итоге за традиционной фразой «пишу сию духовную своим целым умом и разумом» следовало добавление о том, что писалась она служилым человеком, «будучи» или «идучи на государеву цареву службу» [2: с. 59]. При этом некоторые авторы духовных дополняли ее назидательной сентенцией, отражающей мировосприятия автора. В 1594 году Иван Соловцев в своей духовной молил Бога, чтобы его дети и потомки «в царских светлостех водворитися, к царскому лицу предстояти и от царя быти в велицей милости. Возвеличи, господи, имя их и сыны их и сыны сынов их, и возвыси, господи, род их в роде и род до века. Подаруй же им, господи, на бранех противу иноверных мужество и храбрость и крепость в воинстве и одоление врага. Да ни оскудеет от них чиноначальство, ни власть от чресл их. Умножи, господи, им и распростири села их, да разбогатеют дома их рабы и рабынями и скоты всякими» [2: с. 242]. Иначе говоря, по убеждению завещателя, Бог не должен оставлять его потомков в их многотрудном продвижении по служебной лестнице, заботиться о карьере и благополучии рода.

«Идеальная служба» в понимании властей требовала от служилого человека проявления целого набора определенных личных качеств. При этом сам набор отчасти подчинялся требованиям времени. К примеру, Смута выдвинула на первые места такие качества, как верность, послушание, терпение. Именно в эти годы появился классический формуляр жалованной грамоты, призванный, с одной стороны, милостями и щедрым жалованьем подкрепить верность и рачительность получателя грамоты, с другой — продекларировать те служебные качества, которые должны обеспечить в дальнейшем карьеру и материальное благополучие награжденного и его наследников. Жалованные грамоты фиксировали особые заслуги, когда «за многие службы... в нужное и прискорбное время»; награжденные стояли против воров «за веру.., за святые божия церкви и за нас... и за всех православных христиан» и не дали «до конца... разорить государство Московское и веру хрестиянскую попать». В жалованных грамотах за оборону Москвы от «тушинского вора» подтверждалось, что ее обладатель сидел в осаде «крепко и мужественно, и многое дородство и храбрость и кровопролитие службы показал, и голод и наготу и во всем оскуденье и нужу всякую осадную терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякие шатости, и от тое их великие службы и терпенья полские и литовские люди и русские вору от Москвы отошли». За такие заслуги часть поместья обращалась в вотчину и отдавалась «в род неподвижно, чтоб наше царское жалованье, и их великое дородство, и крепость, и храбрая служба за веру и за святые божие церкви и за свое отечество последним родом было на память, и их бы служба и терпенье воспо-

миная, впредь дети их... также стояли мужественно, безо всякого позыбання» [2: с. 22, 153–154, 158–159, 284–285].

В середине XVII столетия власти особенно усердно зывали к совести служилых людей. Служить следовало «с радостными слезами и желательными сердцами». Поскольку большой проблемой стало бегство дворян со службы, напоминание о долге дополнялось призывами к терпению и твердостоянию. «Прямая», «радательная» служба свидетельствовала о благочестии служилого человека. «Ведаешь наш обычай, — писал Алексей Михайлович боярину В.В. Бутурлину, — хто к нам не всем сердцем станет работать, и мы к нему и сами с милостью не вскоре приразимся» [20: с. 732]. Для второго Романова в его общении с подданными нравственный момент был чрезвычайно важен. Отсюда и этот постоянный рефрен о службе «всем сердцем», «со всяким усердием» и так далее (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Записные книги Московского стола. Оп. 6а. № 26. Л. 116).

Продолжительные войны побуждали восхвалять иные качества. В ноябре 1678 г., после тяжелых боев под Чигириным, царь Федор Алексеевич ставил в заслугу дворянам и детям боярским, во-первых, их своевременный приезд в полки; во-вторых, храбрость и мужество: они выдержали «напуски жестокие» турок, и, «уповая на всесильную Божию помощь... и показуя свою природную храбрость... с ними бились крепко и мужественно». Такая служба была признана «явной» и «храброй», то есть вполне отвечающей моменту [14: с. 181–183]. В итоге в царских грамотах был представлен, по сути, весь спектр качеств «идеального» служилого человека и, соответственно, того, что можно назвать «идеальной службой». От дворян и детей боярских власти ждали службу «крепкую», «мужественную», «прямую», «непоколебимую», «храбую». Подчеркивалось, что именно такой службой можно заслужить «государеву милость» и обрести «великое дородство» для своего рода.

Представляется, что разнообразные сентенции об «идеальной службе», исходящие от власти, отражали важные мировоззренческие сдвиги, происходившие в XVII столетии. Осмысление опыта Смуты привело к тому, что главным в обосновании прав избранного государя для современников стало его предназначение. Харизма монарха оказалась связанной с его статусом, а не с индивидуальными качествами. Подобная трактовка усиливала обязательную и столь важную для службы установку — беспрекословное подчинение носителю высшего статуса. «Идеальная служба» в конечном счете фокусировала все качества и усилия служилого человека на точном и полном исполнении воли монарха: исполнении без рассуждения, с надеждой на «милость».

Власть хорошо помнила о неразрывной связи службы с жалованием. Не случайно остро нуждавшийся в поддержке служилого сословия Василий Шуйский начал свое правление с обещания: «А всех вас хотим жаловати и любити свыше прежнего, и смотря по вашей службе» [1: с. 102–103]. Необхо-

димось земельного и денежного жалования, воплощенного в оклады и дачи, признавались властью так же, как и оговорка от противного, когда служилые люди объясняли свою «неслужбу» тем, что им служить «не с чево». Но консенсус между теми, кто служит и кому служат, имел свои пределы. Сведенный к обоюдному признанию важности и необходимости пожалования, он разваливался, лишь только начиналось обсуждение таких тем, как за *что, сколько и как* жаловать и награждать. Причем расхождения касались не одной связки «власть — служилые люди». Разногласия по вопросам жалования разделяли служилых людей, что сильно препятствовало выработке единой сословной позиции для «диалога» с правительством. Суть разногласий — в понимании степени влияния на характер и размеры пожалования службы, «чина» и «отечества», то есть оснований, признанных законными для награждения и продвижения служилого человека. Большая часть уездного дворянства старалась сместить центр тяжести на то, что власть определяла как «прямая служба»; «разрядные», «родословные люди» чаще подчеркивали значение происхождения и тех преимуществ, которые были с ним связаны.

В данном случае нас интересует позиция власти. Несомненно, в ней отражались воззрения людей родовитых, занимавших ключевые позиции в управлении государством. Отсюда их склонность поддерживать прежние принципы пожалования. Между тем слом традиционных отношений в Смуту, выдвигание на первые роли лиц, которые в спокойное время едва ли могли высоко подняться, подтачивали старые служебные устои. В этом смысле любопытно столкновение брянских воевод, боярина князя М.Ф. Кашина и А. Ржевского. Воеводы успешно защищали Брянск от Лжедмитрия II, за что и были награждены Шуйским шубами и кубками. Однако А. Ржевский остался недоволен наградой, уступавшей наградам М.Ф. Кашина. Свои претензии он обосновывал качеством службы. Роль князя в обороне Брянска, по мнению челобитчика, сводилось к тому, что его лишь «имя было», тогда как основная заслуга в защите города принадлежала ему, Ржевскому. «...А служба де была и промысел мой, холопа твоего, вели, государь, про то сыскать всей ратью», — заявил воевода. Челобитчику было отказано в обоснованности челобитья, поскольку М. Кашин «боярин да перед тобою в отечестве честной человек». Но отповедь не остудила Ржевского. Он нашел основания для возражения: «...Хотя де, государь, он честию отечеством меня болши, только де моей службы к тебе, государю и в осаде промыслу было болши ево; а ево де князь Михаила в осаде ни со шта не было» [6: с. 47; 17: с. 164].

В позиции А. Ржевского прослеживаются аргументы, разделяемые многими представителями дворянства — служба государю перевешивает значение «породы». Но возобладать эта точка зрения в начале века не могла. Тем не менее, власть должна была реагировать на подобные высказывания служилых людей усилением лейтмотива, что «никакая служба за государем не будет забвенна».

От качества службы зависело не только «дородство» служилого человека, но и честь государя. Положение было закреплено законодательно: в Уложении всякого рода ущемление «государева дела» рассматривалось как покушение на честь государя и каралось пеней в пользу монарха [18: с. 47, 202]. Присяга обязывала принимать любую службу государя [13: с. 308–309]. Увоенное с подачи «родословных людей» деление службы на «честную» и «нечестную» встречало жесткую отповедь свыше. Избирательное отношение дворян к отдельным видам службы было связано с местнической практикой. Не случайно в Соборном приговоре об отмене местничества запрещено было упрекать тех, кто «был или впред по какому случаю будет по воли государской или от бывности в каком низком чине» [14: с. 368–379]. Призыв был крайне актуальным, поскольку в это время параллельно старой сотенной системе службы формировалась новая, в которой восхождение по начальствующим чинам требовало знания и опыта, приобретенных не «породой», а службой и учением. Но так как старые и новые чины сопоставлялись и сравнивались (не в пользу последних), то практика и «местническая психология» заметно препятствовали признанию престижности службы в солдатских и рейтарских формированиях, включая офицерские чины.

Процессы секуляризации оказывали свое воздействие на структуру ценностей, исповедуемых в обществе. Ощутимо возрастало значение светских ценностей, реализуемых через трансформацию традиционных смыслов и отношений. Причем как властью, так и дворянством. Столь почитаемая «правда» все чаще толкуется как «закон» в его мирском, приземленном понимании. В руках монарха вся полнота власти, но он правит не по самоизволению и произволу, а по закону. Эту тему в рамках барочного видения мира особенно последовательно стал разрабатывать Симеон Полоцкий. И все же новые подходы к службе формировались скорее в повседневной практике, нежели в сфере отвлеченных теоретических размышлений. Важнее оказывались реальные результаты — чины и оклады. Они вразумляли куда сильнее тяжеловесных силлабических конструкций дидаскала-поэта.

Утверждение новационных взглядов и подходов к службе связано с именем Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина, видного политического деятеля и дипломата середины столетия. Ордин-Нащокин в посланиях предстает человеком, во многом опережающим свое время. Он, конечно, в своей деятельности преследует цель служить государю и исполнять «государево дело». Но оно для него уже тесно переплетается с «*государственным делом*». Ордин говорит о долге, о необходимости действовать на благо государству, о «всенародной пользе», которая дробится и воплощается во множестве вполне конкретных дел — в извлечении «прибыли государевой казне», в заботе о «полноте, расширении и устроении государства», в устроении «крепости народа». Это отделение личности государя от государства, впервые столь явственно проявившиеся в годы Смуты, получило у Ордина дальнейшее развитие [21: с. 180–184].

Взгляды Ордин-Нащокина на службу едва ли можно считать официально признанными. Но они, несомненно, оказали свое влияние на идеологию и практику службы, подтачивая ее прежнее восприятие. Исходя из понимания службы, как службы государю и государству, Афанасий Лаврентьевич даже позволял себе действовать по своему разумению, не дожидаясь царского указа: «Не во всем дожидаться государева указа: где глаз видит и ухо слышит, тут и надо промысел держать неотложно» [21: с. 183].

Показательна реакция Алексея Михайловича на поведение Ордин-Нащокина. С одной стороны, служебная деятельность Афанасия Лаврентьевича получает у царя самую высокую оценку. С другой стороны, Тишайший часто упрекает его в таком тяжелом грехе, как «высокоумие». При этом Тишайший интерпретирует гордыню не столько как отказ от Божественной помощи, недопустимое полагание на свой «изменчивый разум», сколько как непослушание установкам, воплощающим высшую волю. В этом смысле второй Романов оказывается на перепутье: взгляд его на службу вполне традиционен, однако сама жизнь требует от него признания права служилого человека на инициативу и ответственность, на личное начало [4: с. 417–425].

Разумеется, таких служилых людей, как Ордин-Нащокин, было немного. Спокойнее было в рамках старых представлений действовать строго по наказу, не особенно озадачиваясь даже дававшей некоторую свободу приказной формулой «чинить промысел» по обстоятельствам. Ордин был недалеко от истины, утверждая, что «у нас любят дело или ненавидят его, смотря не по делу, а по человеку, который его делает: меня не любят, а потому и делом моим пренебрегают» [9: с. 314–330.]. Впрочем, какие бы новые требования к службе не предъявлял XVII век, *послушание*, как главная служебная добродетель, сохраняла свои позиции.

Новые веяния более всего ощущались в полках «нового строя». Именно здесь изменившиеся взгляды на службу проходили проверку на пригодность. Но уместна, если учитывать, что устройство службы заимствовалось с Запада, и иная связь: удачный опыт стимулировал дальше изменения в «идеологии» службы. Ведь «преждебывшее воинское устройство, которое показалось на боях неприбыльно», решено было «применить на лучшее» [14: с. 369], а это вело к перемене всей системы службы. К этому стоит добавить, что в рейтарских и солдатских полках служили преимущественно люди неродовитые, карьерное и материальное продвижение которых всецело зависели от личных заслуг. Именно это обстоятельство учитывали авторы наказа для проведения разбора в 1679 году. Склоняя к службе в новых формированиях, они сулили быстрое чиновное продвижение — возможность скоро выбиться в «начальные люди» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказный стол. № 860. Л. 40–41).

В самом деле, в отличие от сотенного строя, в ротмистры, поручики, капитаны и иные чины здесь писались «без мест». Другой вопрос, что чины

в полках «нового строя» ценились ниже чинов сотенной службы. Чтобы сломать подобные настроения, потребовались, с одной стороны, усилия правительства, постепенно повышавшего статус новых чинов (в частности, приравнивая их к старым через систему окладов), с другой, — осознание уездным служилым людом, что новая система действительно открывает большие возможности для карьерного роста.

Соборное уложение об отмене местничества, как известно, преобразовало полковую службу разрядных людей. Сотни превращались в роты, сотенные головы — в ротмистров и поручиков, куда попадали «изо всех родов и чинов с головы безпрременно, и меж себя без мест и без подбора, кому в каком чине он, великий государь, укажет» [14: с. 369]. Это, конечно, еще нельзя назвать заключительным аккордом в создании новой чиновной лестницы. Но старая, несомненно, подломилась, хотя бы в отношении тех принципов, на которых она покоилась.

Таким образом, в течение XVII века представления о службе, ее характере, принципах вознаграждения и служебного продвижения постепенно менялись. Как минимум, можно говорить о двух обстоятельствах, вызывавших эти перемены. Во-первых, к ним следует отнести те требования, которые предъявили к службе новые, заимствованные на Западе, «технологии». Военное строительство привело не просто к созданию полков «нового строя», а, по сути, новой системы службы со своей иерархией чинов и принципами продвижения. Воздействие этой новой системы на старую было разнообразным, но, главное, в итоге своем — разрушительным. Старая система, приспособленная к условиям поместной службы, уже не соответствовала ни требованиям регулярной армии, ни формировавшемуся абсолютизму.

Во-вторых, представления о службе изменились под воздействием «диалога» дворянства с властью, выработки определенного консенсуса взглядов, приемлемого для сторон. И хотя голос власти в этом диалоге звучал много громче голоса служилых людей, это все же был именно диалог, а не монолог. В этом «диалоге» стороны прибегали к разным способам и формам воздействия и убеждения. Если власть, оставаясь властью, предпочитала язык указов, то служилое сословие в стремлении добиться своих целей было куда разнообразнее. Здесь и язык прошений, — настоящее извержение челобитных, давление которых оказывалось прямо пропорционально настрою и решимости дворянства отстаивать свои базовые интересы; именно в этих случаях служба, а точнее отношение к ней, превращалась в действенное средство сделать власть более сговорчивой к требованиям служилого сословия. Здесь, наконец, настоящая «дворянская фронда», балансирующая на грани «скопа и заговора». И то, что в истории столетия подобное не случилось — свидетельство того, что в ходе «диалога» стороны предпочитали все же договариваться и находить приемлемые компромиссы, чем переступать опасные грани [3: с. 147–163].

Литература

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. – Т. 2. – СПб.: б/и, 1836. – 288 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – Т. 2. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 608 с.
3. *Андреев И.Л.* Дворянство и власть в городских восстаниях XVII века / И.Л. Андреев // Ученые записки: научно-теоретический сборник / Московский государственный социальный университет. – М.: Союз, 1996. – С. 147–163.
4. *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович / И.Л. Андреев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 638 с.
5. *Барсов Е.В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами / Е.В. Барсов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Исторические материалы. – Кн. 1. – М.: б/и, 1883. – С. 8–112.
6. *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время / С.А. Белокуров. – М.: б/и, 1907. – 278 с.
7. Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. – Т. 1. – СПб.: б/и, 1846. – 312 с.
8. Древняя российская вивлиофика / Издатель Н. Новиков. – 2-е изд. – Ч. VII. – М.: б/и, 1790. – 506 с.
9. *Ключевский В.О.* Соч.: в 9-ти тт. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – Т. 3. – Ч. III. – М.: Мысль, 1988. – 415 с.
10. *Лопарев Х.* О чине венчания русских царей / Х. Лопарев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – № 10. – С. 212–340.
11. Народные движения в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: сб. документов. – М.: Наука, 2003. – 491 с.
12. *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века / О.В. Новохатко. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 445 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 по 1675 гг. – Т. 1. – СПб.: б/и, 1830. – 1029 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. С 1676 по 1688 гг. – Т. 2. – СПб.: б/и, 1830. – 974 с.
15. Полное собрание русских летописей. – Т. 13. – СПб.: б/и, 1904. – 302 с.
16. Полное собрание русских летописей. – Т. 29. – М.: Наука, 1965. – 289 с.
17. *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606–1607 / И.И. Смирнов. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1951. – 588 с.
18. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
19. Собрание государственных грамот и договоров. – Т. II. – СПб.: б/и, 1819. – 288 с.
20. Труды отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – Т. 2. – М.: б/и, 1861. – 767 с.
21. *Черная Л.Д.* Русская культура переходного периода от средневековья к Новому времени / Л.Д. Черная. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 283 с.
22. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. / Ю.М. Эскин. – М.: Квадрига, 2009. – 510 с.

References

1. Akty', sobranny'e v bibliotekax i arxivax Rossijskoj imperii Arxeograficheskoyu e'kspediciyu imp. Akademii nauk. – T. 2. – SPb.: b/i, 1836. – 288 s.
2. Akty' sluzhily'x zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka. – T. 2. – M.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 1998. – 608 s.
3. *Andreev I.L.* Dvoryanstvo i vlast' v gorodskix vosstaniyax XVII veka / I.L. Andreev // Ucheny'e zapiski: nauchno-teoreticheskij sbornik / Moskovskij gosudarstvenny'j social'ny'j universitet. – M.: Soyuz, 1996. – S. 147–163.
4. *Andreev I.L.* Aleksej Mixajlovich / I.L. Andreev. – M.: Molodaya gvardiya, 2006. – 638 s.
5. *Barsov E.V.* Drevnerusskie pamyatniki svyashennogo venchaniya czarej na czarstvo v svyazi s grecheskimi ix originalami / E.V. Barsov // Chteniya v Imperatorskom Obshhestve istorii i drevnostej rossijskix pri Moskovskom universitete. Istoricheskie materialy'. – Kn. 1. – M.: b/i, 1883. – S. 8–112.
6. *Belokurov S.A.* Razryadny'e zapisi za Smutnoe vremya / S.A. Belokurov. – M.: b/i, 1907. – 278 s.
7. Dopolnenie k Aktam istoricheskim, sobranny'm i izdanny'm Arxeograficheskoyu komissiiyu. – T. 1. – SPb.: b/i, 1846. – 312 s.
8. Drevnyaya rossijskaya vivliofika / Izdatel' N. Novikov. – 2-e izd. – Ch. VII. – M.: b/i, 1790. – 506 s.
9. *Klyuchevskij V.O.* Soch.: v 9-ti tt. Kurs russkoj istorii / V.O. Klyuchevskij. – T. 3. – Ch. III. – M.: My'sl', 1988. – 415 s.
10. *Loparev X.* O chine venchaniya russkix czarej / X. Loparev // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. – 1887. – № 10. – S. 212–340.
11. Narodny'e dvizheniya v Rossii v e'poxu Smuty' nachala XVII veka. 1601–1608: sb. dokumentov. – M.: Nauka, 2003. – 491 s.
12. *Novoxatko O.V.* Zapisny'e knigi Moskovskogo stola Razryadnogo prikaza XVII veka / O.V. Novoxatko. – M.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 2001. – 445 s.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 po 1675 gg. – T. 1. – SPb.: b/i, 1830. – 1029 s.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1676 po 1688 gg. – T. 2. – SPb.: b/i, 1830. – 974 s.
15. Polnoe sobranie russkix letopisej. – T. 13. – SPb.: b/i, 1904. – 302 s.
16. Polnoe sobranie russkix letopisej. – T. 29. – M.: Nauka, 1965. – 289 s.
17. *Smirnov I.I.* Vosstanie Bolotnikova. 1606–1607 / I.I. Smirnov. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury', 1951. – 588 s.
18. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii. – L.: Nauka, 1987. – 448 s.
19. Sobranie gosudarstvenny'x gramot i dogovorov. – T. II. – SPb.: b/i, 1819. – 288 s.
20. Trudy' otdeleniya russkoj i slavyanskoj arxeologii Russkogo arxeologicheskogo obshhestva. – T. 2. – M.: b/i, 1861. – 767 s.
21. *Chernaya L.D.* Russkaya kul'tura perexodnogo perioda ot srednevekov'ya k Novomu vremeni / L.D. Chernaya. – M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1999. – 283 s.
22. *E'skin Yu.M.* Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv. / Yu.M. E'skin. – M.: Kvadriga, 2009. – 510 s.

А.Д. Кубрик

Восприятие жилищных условий крестьянами Московской губернии в 1860–1870-е годы

С учетом того, что еще сто лет назад Россия была преимущественно аграрной страной, представляют интерес особенности русского крестьянского отношения к своему жилью, которые возможно реконструировать по разнообразным дореволюционным документам, в частности пореформенного времени.

С середины XIX века в различных губерниях предпринимались разнообразные этнографические обследования, что позволило собрать массу информации о быте русских крестьян. Об огромном интересе к этнографии и о значительном количестве исследований по этнографии русского народа можно судить хотя бы по фундаментальному справочнику Д.К. Зеленина — «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг.» [6]. Из наиболее значительных исследований и популярных работ по этнографии русских, изданных в середине и конце XIX века, можно назвать исследование А. В. Терещенко «Быт русского народа» [21] и многотомное издание «Живописная Россия» [5]. Вообще говоря, количество исследований по этнографии к концу XIX века в сравнении с пореформенным временем увеличилось в несколько раз.

В середине XIX века и особенно к рубежу веков избы и дворы крестьян стали тщательно обмериваться (в качестве примера см. [12]), зарисовываться, позже их подробно фотографировали. Подобных фотографий отложилось значительное количество в различных архивах и музеях, например в Российском государственном архиве кинофотодокументов (г. Красногорск), в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева (Москва), в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург), а также практически в любом краеведческом и историческом музее и областных архивах. Небольшая подборка подобных фотографий, посвященных внешнему устройству и интерьерам русской избы конца XIX – начала XX веков, была помещена, в частности, в иллюстрированной энциклопедии «Русская изба» [18]. В музеях и даже в некоторых деревнях до наших дней сохранились и сами избы, и предметы крестьянского быта XIX века и нередко более раннего времени. Кроме того, публицистика и художественная литература пореформенного времени достаточно подробно дали описания, как жили крестьяне в ту эпоху.

Русскую интеллигенцию крестьянский быт привлекал своей безыскусственностью и простотой. Однако некоторые его стороны вызывали у представителей «образованных слоев» общества явно негативные оценки. Так, земских врачей, учителей, статистиков, а также журналистов и писателей угнетала бедность населения, ветхость и неухоженность построек, беспорядочность планов застройки, санитарная небезопасность русских поселений. Похожее отношение к тяжелым бытовым условиям русского крестьянства отразилось и во многих художественных произведениях, в частности И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова и других литераторов той эпохи.

Критические замечания, впервые отчетливо сформулированные в середине XIX века, позже стали дополняться результатами серьезных исследований по медицине и, в частности, гигиене. В конце XIX века «Этнографическое бюро» князя В.Н. Тенишева предприняло попытку создать исчерпывающее описание повседневного быта, обычаев и нравов русского народа; значительная часть этих документов уже опубликована; материалы охватывают Костромскую, Тверскую, Калужскую, Ярославскую, Нижегородскую и Вологодскую губернии [19]. Во второй половине XIX века и в начале XX века появилось и множество работ земских врачей, например, П.А. Грацианова [3], П. Грязнова [4], Г.И. Попова [15] и др. В частности, быт крестьян Московской губернии изучался П.А. Песковым [14], А.И. Скибневским [20] и другими исследователями, количество которых к концу XIX века также существенно возросло. Таким образом, в XIX и начале XX веков был накоплен значительный фактический материал, позволяющий судить о том, как именно строили дома крестьяне и в каком с санитарной точки зрения состоянии эти дома обычно находились.

В советский период вызревание «жилищного вопроса», ставшего таким острым именно в XX веке, практически не изучалось, предыстория его возникновения не отслеживалась, а эволюция обустройства крестьянского и городского жилья рассматривалась, как правило, с точки зрения этнографии. В качестве примера можно привести фундаментальный труд «Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры» под редакцией К.В. Чистова и Ю.В. Бромлея [23]. Домашние условия дореволюционного крестьянства характеризовались таким же образом, как в XIX веке, и особо подчеркивалась принципиальная разница между положением дел до революции и после нее.

Подобное жесткое противопоставление встречалось не только в научных исследованиях советского периода [7], но и в публицистике и художественной литературе. Описаниям дореволюционного быта отведено немало страниц в мемуарах участников революционного движения, которые были написаны в 1930-х годах; примеров масса [9, 17 и др.]. Кроме того, довольно часто публиковались подборки цитат из дореволюционных работ, а также иногда сами эти работы. В качестве примера можно сослаться на дипломное исследование большевика С.К. Алавердяна, жившего в предреволюционные годы в Москве [1].

В постсоветский период «жилищный вопрос» все чаще становится предметом исследования историков, правда, в фокус внимания обычно попадает более поздняя эпоха — 20–30-е годы и позже (см., например, работу М.Г. Мееровича [8]). В числе исследований последнего времени, в которых рассматриваются непосредственно жилищные условия русского крестьянства XIX века, можно назвать работы В.Б. Безгина [2], Б.Н. Миронова [11], Л.В. Милова [10], Т.В. Приваловой [16] и др.

Однако почти никогда в отечественной историографии не поднимался вопрос о том, как сами крестьяне воспринимали свои жилищные условия. Изучались лишь религиозно-эстетические воззрения крестьянства на свой дом как таковой, но восприятие ими, например, тесноты, в которой они жили в течение всей своей жизни, специально не исследовалось.

Мы вправе предположить, что крестьянам было безразлично, в каком состоянии пребывали их жилища. Также можно предположить, что если образованное русское общество активно требовало задействовать при улучшении быта бюрократический аппарат (например, создавать дополнительные санитарные комиссии, проводить более тщательные обследования и пресекать действия тех или иных квартиросдатчиков, которые нарушали санитарные нормы), то и русские крестьяне разделяли эту точку зрения. Призывы использовать бюрократический аппарат для решения жилищных проблем, в частности рабочих Петербурга, были сформулированы в различных санитарных отчетах и докладах [13], и можно предположить, что крестьяне и городские низы были более или менее в курсе того, к чему призывала интеллигенция.

Далее, мы вправе задаться вопросом: может быть, русские крестьяне тоже обращались в государственные органы с просьбой помочь улучшить их жилищные условия?

Ведь поступали так, например, представители духовного сословия еще в начале XIX века или проживавшие в городах солдаты вскоре после Отечественной войны 1812 года. В ЦИАМ, например, в делах Приказа общественного призрения, сохранилась масса документов, связанных с постройкой и ремонтами домов, принадлежавших священникам. В качестве характерного примера можно указать одно из таких дел, заведенных по просьбе московского дьячка Степана Гаврилова в 1818 году (ЦИАМ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 78). О частоте обращений солдаток в различные государственные органы, в частности в Москве, свидетельствует масса документов, отложившихся в фонде 20 ЦИАМ (например, дела 312, 411 и 1290 по описи 2, датирующиеся 1813–1816 гг.). В этих делах содержатся просьбы солдатских жен о помощи в жилищном плане. Важно отметить, что просительницы не были крестьянками, а жили в Москве, Можайске и других городах и владели там домами и иным имуществом. Вот почему можно предположить, что крестьяне действовали по аналогии и, как духовное сословие и жены солдат, могли пытаться использовать государство для решения своих жилищных проблем.

Для того, чтобы узнать мнение крестьян об их жилищных условиях, были привлечены их личные прошения в присутствия по крестьянским делам. Всего были проанализированы прошения 10 крестьян в Московское губернское по крестьянским делам присутствие и 2 — в Можайское уездное по крестьянским делам присутствие, датирующиеся 1860–1870 гг. Эти прошения отложились в фондах 66 и 589 Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), в котором, вообще говоря, хранится несколько тысяч подобных дел. Для того чтобы отобрать документы для анализа, изначально отсекались дела, в заголовках которых речь шла о земельных наделах и налогах; их в фонде оказалось большинство. Наравне с ними, однако, сохранились и дела, связанные с претензиями в жилищном плане, которых также оказалось слишком много, чтобы проанализировать их все: их как минимум около полутора ста. Вот почему были выбраны, в сущности наугад, документы этих 12 человек — документы, исходившие от крестьян разных уездов Московской губернии и поданные на рассмотрение чиновникам в разные годы в течение этих двух десятилетий.

На основе анализа этих документов можно попытаться сделать некоторые обобщающие наблюдения, тем более что они вполне согласуются с мнениями крестьянства о своих жилищных условиях, датирующимися более поздним временем. (Значительное количество высказываний крестьянства о своих жилищных условиях, датируемых 1920–1930 гг., отложилось, например, в фонде 396 «Письма в “Крестьянскую газету”» Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Их предварительный анализ, выполненный автором данной статьи, также показал достаточно равнодушное отношение крестьянства к своему жилью).

Документы были составлены по просьбе 6 мужчин и 6 женщин. Мужчины все были крестьянами, но о том, находились ли они в браке или нет, почти ни о ком не известно: только 2 человека указали в своих прошениях, что у них есть жены. Из 6 «женских» документов 2 были написаны по просьбе солдаток, 1 — вдовы и 1 — женщины, которая тоже была, скорее всего, вдовой; 1 документ был написан по просьбе крестьянки, которая была замужем за московским цеховым, то есть занимала промежуточное положение в обществе. Таким образом, в отличие от мужчин, женщинам было важно указать свой социальный статус и статус своего мужа. Кстати, такое преобладание среди просительниц женщин, оставшихся без мужа против своей воли — солдаток и вдов, — неслучайно, ведь государство было их последним защитником в различных конфликтах (причины активного обращения солдаток в государственные органы в XVIII–XIX веках исследовал П.П. Щербинин [22]). На основе этих данных можно сделать вывод и о том, что замужние крестьянки были освобождены от необходимости решать какие бы то ни было проблемы с государством: это делали их мужья.

Характерно, что женщины, как и мужчины, не все указывали наличие у них детей, так как, видимо, не считали, что это может быть истолковано в качестве льготного обстоятельства: только 2 женщины указали, что у них

есть дети, а 1 — что она бездетна; из мужчин о наличии у них детей упомянули лишь 2 человека.

Все обратившиеся в присутствие были неграмотными, за исключением 2 мужчин, которые смогли подписать свое имя. Возраст просителей не указан нигде, можно лишь догадываться, что им в основном было от 35 до 50 лет. Все просители жили в родных деревнях, кроме вдовы солдата Елены Федотовой, по мужу Савиной, переехавшей в Санкт-Петербург. Таков краткий демографический образ этих 12 просителей.

Наконец, следует подчеркнуть специфику данных прошений, которая заключалась в том, что крестьяне не сами писали эти тексты, а просили об этом тех или иных грамотных лиц: мировых посредников, писарей, а при некоторых обстоятельствах даже сокамерников. В некоторых делах не содержится даже личного заявления, а лишь служебная переписка (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 6. Д. 50). Вот почему стиль изложения в большинстве документов беспристрастный и отстраненный, и лишь иногда в него проникают аргументы, эмоции и стилистические фигуры, характерные, несомненно, для народной традиции, вроде таких, например: «Почему я и не могу нигде сыскать законной защиты и справедливости, почему осмеливаюсь утруждать особу вашего Сиятельства...» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 493. Л. 3 об.) — или: «Ваше Сиятельство! не попустите несчастного страдальца итьтить в Сибирь без всяких средств... <...> Осмеливаюсь иметь надежду, что правосудие Ваше не попустит меня лишиться собственности, и Вы как Начальник и покровитель несчастных, прикажете сделать надлежащее распоряжение...» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 28. Л. 12).

Судя по этим документам, главное наблюдение, которое можно сделать, состоит в том, что крестьян не волновали собственно жилищные проблемы. Жалобы на плохие жилищные условия звучат только в прошениях крестьянина Захара Иванова (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 16), датирующихся 1862–1863 годами.

Вообще говоря, эти два прошения — самые необычные документы из рассмотренных, поскольку отличаются от них как стилем, так и смысловой насыщенностью. Суть дела Захара Иванова заключалась в том, что после реформы 1861 г. помещик выселил из дома, который принадлежал помещику, этого крестьянина и всю его семью. Крестьянин, возмущенный этими действиями, пытался отстоять дом за собой, но натолкнулся на отпор со стороны властей, которые доказывали правоту помещика. В результате небольшого расследования, предпринятого мировым посредником, выяснилось, что Захар Иванов поселился в спорной избе после раздела с братом, пока, как он обещал, не построит собственный дом; но он так и остался с семьей в нем жить и стал считать его своим.

В деле подшито несколько документов, среди которых выделяются прошение от 22 июня ст. ст. 1862 г. в Московское губернское по крестьянским делам присутствие и прошение на имя императора Александра II, датирующееся январем 1863 г.

По форме документы написаны совершенно не так, как аналогичные им, поскольку содержат много страстных, субъективных оценок и почти цитаты из фольклора, а в некоторых местах эмоциональное изложение граничит с дерзостным. Например, жалобы Захара Иванова на свои жилищные условия звучат так: «...я с семейством моим скитаюсь по чужим углам, оплакиваю бедственное мое состояние; но повинуюсь Богом и определенной власти и законам...» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 16. Л. 2). Свой дом он описывает так: «...соблаговолена была мне изветшалая старая изба с таковым же двором, оставшей после выселенного из оной крестьянина, почему я, заботясь о благосостоянии моего бедного семейства и для улучшения крестьянского быта, в продолжение 20 лет моими трудами ветхое строение привел в совершенный порядок и устройство...» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 16. Л. 1). Больше в обоих прошениях Захара Иванова никаких описаний собственных жилищных условий не содержится. Остальная информация в них касается конфликта с помещиком, а другие документы дела содержат переписку мирового посредника и капитана-исправника.

Как видно из приведенных выше цитат, даже заинтересованному в решении именно жилищных проблем крестьянину Захару Иванову совершенно были не важны такие показатели, как величина дома, площадь в нем жилой части, количество комнат, окон, пристроек и т. п. Пожалуй, ему было важно только то, что изба была старая, а он вложил в ее устройство свой труд, но и это он описывает кратко: «изветшалая изба», «привел в совершеннейший порядок и устройство».

Уже одно это наблюдение позволяет сделать вывод, что даже в самом подробном документе, написанном по просьбе и со слов крестьянина о его жилищных проблемах, не содержалось никаких конкретных сведений о доме. А это говорит о том, что, в сущности, жилищные проблемы вообще не слишком волновали русских крестьян в середине XIX века.

Прошениями Захара Иванова фонды 66 и 589 ЦИАМ не ограничиваются, хотя иных прямых жалоб на жилищные условия больше практически не встречается. В одном документе содержится жалоба на хозяйственную беспомощность, которая постигнет крестьянку Авдотью Дмитриеву, если крестьянское общество заставит ее переселиться с прежнего усадебного места на новое: по предписанию сельского схода, она должна была умудриться втиснуть избу и двор в 6 квадратных аршин (3 квадратных метра) (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 972). И в одном — жалоба на соседа, мешающего своими постройками (ЦИАМ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 163). Однако два этих дела не содержат ключевого момента — жалобу непосредственно на свои жилищные условия.

Таким образом, можно сделать еще одно наблюдение: крестьяне переживали не за дом и не из-за своих весьма скромных жилищных условий, а за собственное хозяйство. Именно хозяйство, двор и постройки на нем были важны и интересны крестьянам, а не дом, его интерьер, площадь жилой части и пр.

В прошении крепостной крестьянки Афимьи Ивановой, которую помещик заставлял работать на скотном дворе, ее жилье называется «скотной стройкой» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 493. Л. 3). Из документа следует, что крестьянка действительно жила с двумя малолетними детьми на скотном дворе. Но это ее, что характерно, не возмущало и не оскорбляло, и в названии «скотная стройка», таким образом, не содержится никаких эмоциональных оценок.

Правда, в одном прошении — солдатки Дарьи Алексеевой Изотовой — эмоциональные оценки жилья содержались, а вот конкретных описаний не было. В этом деле изба солдатки, дом которой за неуплату налогов грозило отобрать крестьянское общество, называлась ею «последним достоянием» и «последним кровом» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 398. Л. 3). Однако никаких более определенных сведений непосредственно о доме в прошении не содержится.

При этом в 5 прошениях из 12 не встретилось вообще никаких данных, относящихся к домам. Таково, например, прошение солдатки Елены Федотовой, по мужу Савиной, которая просила компенсацию от государства за свой сгоревший дом. Она вообще не приводила никаких сведений о своем доме, кроме того, что он стоил «100 руб. сер.» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 28. Л. 35 об.; в одном деле было ошибочно сброшюровано несколько разных материалов, в этой статье цитируются два из них).

Вообще говоря, для обоснования своих прошений крестьяне активно ссылались на цену постройки или величину страховых взносов на случай пожара. Также наиболее веским аргументом они считали безупречное выполнение всех денежных обязательств и уплату всех налогов. Упоминание об этом встретилось в документах 5 просителей из 12. Например, крестьянка, которую выселяли из скотного двора, в прошении указывала, что если московский губернатор удовлетворит ее прошение и выделит «пустой дом», то она будет «довольна» и станет «...нести все с миру повинности без отказу...» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 493. Л. 3 об.). Аккуратность в финансовых вопросах подчеркивалась и в прошении крестьянина Герасима Нестерова, у которого сгорела изба и который просил выплатить ему страховую сумму за нее (ЦИАМ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 372).

Кроме того, крестьянам (или, впрочем, тем людям, которые помогали составить им прошения) было важно сослаться на тот или иной закон или обычай, нередко в том понимании, как его толковали сами крестьяне. Например, крестьянин Захар Иванов считал избу, которая на самом деле принадлежала помещику, своей, потому что за двадцать лет жизни в ней он за свой счет сделал в ней ремонт. Солдатка из Петербурга Елена Федотова, по мужу Савина, основывала свои претензии на денежную компенсацию из-за слухов и газетных публикаций, в которых было указано, что министр внутренних дел «назначил выдавать пособие за сгоревшие дома солдат и солдаток, как принадлежали прежде к сословиям, вышедшим из крепостной зависимости крестьян» (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 28. Л. 35 об.). В прошении молодой вдовы крестьянки

Соломонида Дмитриевой указывалось, что она как вдова имеет право на имущество мужа, хотя родственники покойного мужа доказывали этой женщине другое, основываясь, опять-таки, на собственном понимании закона (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 6. Д. 46. Л. 4, 5 и др.).

Кроме того, достаточно устойчивым мотивом, звучавшим в прошениях крестьян, была критика сельского общества: жалобы на решения мирских сходов встретились в документах 6 человек из 12. Более всего крестьян одолевала опасения, что общество конфискует имущество незаконно. Таково, например, прошение заключенного в тюрьму крестьянина Ефима Степанова (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 28), который, собственно, решил написать прошение московскому губернатору и попечителю смирительного и рабочего домов, чтобы предупредить возможную конфискацию его дома и двора и возможную их продажу. Жалоба на общество звучит и в прошении крестьянина Алексея Федорова, которого выселяли из дому за долг в 18 рублей 80 копеек: он указывает на то, что сумма недоимки, в сущности, незначительна и будет им в скором времени погашена, а решение сельского общества несправедливо и непродуманно (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 6. Д. 47).

Аргумент, заключающийся в указании на давность владения имуществом, встречается также довольно часто: в документах 5 просителей из 12. Так, например, крестьянка Афимья Егорова, которая вышла замуж за московского цехового, претендовала на имущество своего покойного отца, хотя после замужества утратила на него право. Однако она считала, что раз она оказалась единственной родственницей покойного, то дом, усадебное место и земельный надел принадлежат по-прежнему ей, несмотря на то, что для юридического оформления было необходимо вхождение ее мужа в сельское общество, в чем ему общество несколько раз отказывало (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 6. Д. 53).

Таким образом, наиболее убедительными аргументами для защиты своих жилищных интересов русские крестьяне считали безукоризненность в денежных вопросах, закон (в собственном понимании) и давность владения имуществом. Устойчивым мотивом в прошениях была также критика решений сельского общества. Иные аргументы — указание на наличие детей, а также указание на положительную репутацию или давность службы — встречаются намного реже.

Наконец, ответим на еще один вопрос, связанный с ролью государства в улучшении жилищно-бытовых условий русского крестьянства. Из содержания документов видно, что крестьяне обращались в государственные органы для защиты своей собственности, а не для того, чтобы государство так или иначе предоставило просителям готовые дома. Во всяком случае, крестьяне в 1860–1870 гг. считали, что раз они пребывали до реформы 1861 г. в крепостном состоянии, то жилье им должны предоставлять их бывшие господа, но никак не государство. В подтверждение можно привести дела Захара Иванова (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 16) и скотницы Афимьи Ивановой (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 493). В этом заключалась

разница между мнением демократически настроенной интеллигенции, которая возлагала большие надежды на государственный аппарат, и русского крестьянства, которое предъявляло претензии не к государству вообще, а к конкретным дворянам — своим помещикам.

Итак, на основании ряда документов, написанных по просьбе крестьян и отражающих в той или иной мере их психологию и ход мыслей, можно сказать, что русских крестьян в пореформенную эпоху не волновали их жилищные условия. В проанализированных документах, в сущности, нет жалоб на тесноту, недостаточный комфорт и тому подобные неудобства, которые были, тем не менее, присущи русским крестьянским избам в то время и о которых много писала интеллигенция и в ту эпоху, и позже. Кроме того, крестьяне обращались в государственные органы для отстаивания своего права на собственность, а не для того, чтобы попытаться решить за счет государства свои жилищные проблемы. Очевидно, что крестьянство воспринимало свои домашние условия как совершенно естественные, единственно возможные и потому обычно полагалось в подобных вопросах на себя.

Литература

1. *Алавердян С.К.* Жилищный вопрос в Москве (Очерки предреволюционного периода) / С.К. Алавердян; под ред. акад. АН Армянской ССР А.А. Аракеяна. – Ереван: АН Армянской ССР, 1961. – 111 с.
2. *Безгин В.Б.* Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков: на материалах губерний Центрального Черноземья: Докт. дис. / В.Б. Безгин. – М., 2007. – 462 с.
3. *Грацианов П.А.* Очерк врачебно-санитарной организации русских городов / П.А. Грацианов. – Минск: губ. тип., 1899. – 111 с.
4. *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда / П. Грязнов. – СПб.: тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1880. – 216 + 66 с.
5. Живописная Россия: в 11-ти тт. / Под ред. П.П. Семенова. – СПб.: т-во М.О. Вольф, 1881–1901.
6. *Зеленин Д.К.* Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. / Д.К. Зеленин. – СПб.: тип. А.В. Орлова, 1913. – 733 с.
7. *Кирьянов Ю.И.* Положение пролетариата России: указ. лит-ры / Ю.И. Кирьянов, П.В. Пронина. – Вып. II. – М.: Акад. наук СССР, 1972. – 284 с.
8. *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-политический аспекты) / М.Г. Меерович. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – 274 с.
9. *Мелентьев С.* Жизнь и борьба: Воспоминания крестьянина-революционера / С. Мелентьев. – М.-Л.: ГИЗ, 1929. – 104 с.
10. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М.: Росспэн, 1998. – 572 с.

11. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х тт. / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Д. Буланин, 2003.
12. *Московская губерния по местному обследованию. 1898–1900 гг.* / Моск. губ. зем. управа; Статистич. отдел. – Т. I. – Вып. I–III. – М.: Печатня С.П. Яковлева, 1903–1904.
13. *Оппенгейм А.Н.* К вопросу об оздоровлении гор. Санкт-Петербурга. «Угловые квартиры» в связи с устройством и улучшением жилищ для нуждающегося и рабочего населения: Доклад Санкт-Петербургской городской думе / А.Н. Оппенгейм. – СПб.: СПб. гор. тип., 1905. – 37 с.
14. *Песков П.А.* Очерк санитарного исследования деревни Челобитьевой Московского уезда: С планами и чертежами / П.А. Песков. – М.: тип. С.В. Гурьянова, 1878. – 32 с.
15. *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина: По материалам Этногр. бюро кн. В.Н. Тенишева / Г.И. Попов. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. – 404 с.
16. *Привалова Т.В.* Быт российской деревни: (Медико-санитарное состояние деревни Европейской России). 60-е годы XIX – 20-е годы XX в. / Т.В. Привалова. – М.: ИРИ РАН, 2000. – 144 с.
17. *Рабочее движение в России в описании самих рабочих (От 70-х до 90-х годов)* / П. Алексеев, В. Герасимов, П. Моисеенко и др. – М.: ОГИЗ – Молодая гвардия, 1933. – 177 с.
18. *Русская изба: Иллюстр. энциклопедия* / Д.А. Баранов, О.М. Фишман, И.И. Шангина и др. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – 374 с.
19. *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева: в 5-ти тт.* / Кол. авт.; Российский этнографический музей; науч. ред. Д.А. Баранов, А.В. Коновалов – СПб.: Деловая полиграфия, 2004–2008.
20. *Скибневский А.И.* Материалы для санитарного описания северной половины Можайского уезда (Предварительное сообщение) / А.И. Скибневский // Пятый съезд врачей Московского земства: Протоколы заседаний и труды. Февраль 1881 г. – М.: Тип. С.В. Гурьянова, 1881. – С. 159–170.
21. *Терещенко А.В.* Быт русского народа: в 7-ми ч. / А.В. Терещенко – СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1848. – 507 с.
22. *Щербинин П.П.* Жизнь русской солдатки в XVIII–XIX веках / П.П. Щербинин // Вопросы истории. – 2005. – № 1. – С. 79–92.
23. *Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры* / Отв. ред. член-корр. АН СССР К.В. Чистов; Гл. ред. академ. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 556 с.

References

1. *Alaverdyan S.K.* Zhilishhny'j vopros v Moskve (Oчерki predrevolyucionnogo perioda) / S.K. Alaverdyan; pod red. akad. AN Armyanskoj SSR A.A. Arakelyana. – Erevan: AN Armyanskoj SSR, 1961. – 111 s.
2. *Bezgin V.B.* Tradicii sel'skoj povsednevnosti konca XIX – nachala XX vekov: na materialax gubernij Central'nogo Chernozem'ya: Dokt. dis. / V.B. Bezgin. – M., 2007. – 462 s.
3. *Gracianov P.A.* Oчерk vrachebno-sanitarnoj organizacii russkix gorodov / P.A. Gracianov. – Minsk: gub. tip., 1899. – 111 s.
4. *Gryaznov P.* Opy't sravnitel'nogo izucheniya gigienicheskix uslovij krest'yanskogo by'ta i mediko-topografiya Cherepoveckogo uezda / P. Gryaznov. – SPb.: tip. F.G. Eleonskogo i K°, 1880. – 216 + 66 s.

5. Zhivopisnaya Rossiya / Pod red. P.P. Semenova: v 11-ti tt. – SPb.: t-vo M.O. Vol'f, 1881–1901.
6. Zelenin D.K. Bibliograficheskij ukazatel' russkoj e'tnograficheskoy literatury' o vneshnem by'te narodov Rossii. 1700–1910 gg. / D.K. Zelenin. – SPb.: tip. A.V. Orlova, 1913. – 733 s.
7. Kir'yanov Yu.I. Polozhenie proletariata Rossii: ukaz. lit-ry' / Yu.I. Kir'yanov, P.V. Pronina. – Vy'p. II. – M.: Akad. nauk SSSR, 1972. – 284 s.
8. Meerovich M.G. Rozhdenie i smert' zhilishhnoj kooperacii: zhilishhnaya politika v SSSR. 1924–1937 gg. (social'no-kul'turny'j i social'no-politicheskij aspekty') / M.G. Meerovich. – Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2004. – 274 s.
9. Melent'ev S. Zhizn' i bor'ba: Vospominaniya krest'yanina-revolucionera / S. Melent'ev. – M.-L.: GIZ, 1929. – 104 s.
10. Milov L.V. Velikorusskij paxar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa / L.V. Milov. – M.: Rosspe'n, 1998. – 572 s.
11. Mironov B.N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2-x tt. / B.N. Mironov. – 3-e izd., ispr., dop. – SPb.: D. Bulanin, 2003.
12. Moskovskaya guberniya po mestnomu obsledovaniyu. 1898–1900 gg. / Mosk. gub. zem. uprava; Statistich. otdel. – T. I. – Vy'p. I–III. – M.: Pechatnaya S.P. Yakovleva, 1903–1904.
13. Oppengejm A.N. K voprosu ob ozdorovlenii gor. Sankt-Peterburga. «Uglovy'e kvartiry'» v svyazi s ustrojstvom i uluchsheniem zhilishh dlya nuzhdayushhegosya i rabochego naseleniya: Doklad Sankt-Peterburgskoj gorodskoj dume / A.N. Oppengejm. – SPb.: SPb. gor. tip., 1905. – 37 s.
14. Peskov P.A. Ocherk sanitarnogo issledovaniya derevni Chelobit'evoj Moskovskogo uezda: S planami i chertezhami / P.A. Peskov. – M.: Tip. S. V. Gur'yanova, 1878. – 32 s.
15. Popov G.I. Russkaya narodno-by'tovaya medicina: Po materialam E'tnogr. byuro kn. V. N. Tenisheva / G.I. Popov. – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1903. – 404 s.
16. Privalova T.V. By't rossijskoj derevni: (Mediko-sanitarnoe sostoyanie derevni Evropejskoj Rossii). 60-e gody' XIX – 20-e gody' XX v. / T.V. Privalova. – M.: IRI RAN, 2000. – 144 s.
17. Rabochee dvizhenie v Rossii v opisani samix rabochix (Ot 70-x do 90-x godov) / P. Alekseev, V. Gerasimov, P. Moiseenko i dr. – M.: OGIZ – Molodaya gvardiya, 1933. – 177 s.
18. Russkaya izba: Illyustr. e'nciklopediya / D.A. Baranov, O.M. Fishman, I.I. Shagina i dr. – SPb.: Iskusstvo – SPB, 2004. – 374 s.
19. Russkie krest'yane. Zhizn'. By't. Nrav'y'. Materialy' «E'tnograficheskogo byuro» knyazy V.N. Tenisheva: v 5-ti tt. / Kol. avt.; Rossijskij e'tnograficheskij muzej; nauch. red. D.A. Baranov, A.V. Kononov. – SPb.: Delovaya poligrafiya, 2004–2008.
20. Skibnevskij A.I. Materialy' dlya sanitarnogo opisaniya severnoj poloviny' Mozhajskogo uezda (Predvaritel'noe soobshhenie) / A.I. Skibnevskij // Pyaty'j s'ezd vrachej Moskovskogo zemstva: Protokoly' zasedanij i trudy'. Fevral' 1881 g. – M.: Tip. S.V. Gur'yanova, 1881. – S. 159–170.
21. Tereshhenko A.V. By't russkogo naroda / A.V. Tereshhenko: v 7-mi ch. – SPb.: Tip. M-va vn. del, 1848. – 507 s.
22. Shherbinin P.P. Zhizn' russkoj soldatki v XVIII–XIX vekax / P.P. Shherbinin // Voprosy' istorii. – 2005. – № 1. – S. 79–92.
23. E'tnografiya vostochny'x slavyan: Ocherki tradicionnoj kul'tury' / Otv. red. chlen-korr. AN SSSR K.V. Chistov; gl. red. akad. Yu.V. Bromlej. – M.: Nauka, 1987. – 556 s.

История России советского периода

Н.В. Шалыгина

Немецкие спецпоселенцы на Русском Севере в 1946–1956-е годы

Первые семьи немецких поселенцев прибыли в Северный край с эшелонами раскулаченных в годы сплошной коллективизации. Едва ли правомерно говорить применительно к тем годам об этническом характере спецсылки. Этнический характер репрессии в отношении немцев приобретают с началом Великой Отечественной войны. Именно на военный период приходятся основные волны высылки советских немцев, в том числе и на Север, в Архангельскую область.

В 1941–1942 гг. советское руководство предприняло широкомасштабную акцию по принудительному переселению этнических немцев из АССР Немцев Поволжья (на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г.) и других районов европейской части СССР (по постановлениям ГКО и распоряжениям СНК СССР) в отдаленные районы страны. «Всего же за 1941–1942 гг. было взято на учет 1 209 430 человек, из них 856 340 — переселенные «по государственному заданию», 48 001 — мобилизованные и 203 796 — репатриированные (представляется, однако, что это, скорее всего «местные») [5: с. 113]. Позже большая часть немцев, высланных в административном порядке, была мобилизована в трудовую армию и направлена в ведущие отрасли промышленности страны. В Архангельской области труд мобилизованных немцев, как правило, использовался на предприятиях лесной, в том числе целлюлозно-бумажной промышленности. Положение немцев не изменилось и после окончания войны. Более того, в послевоенный период массовые репрессии вновь усилились и продолжались вплоть до середины 1950-х гг. Именно в 1945–1946 гг. на учет Отдела спецпоселений МВД СССР поступила значительная часть немцев, возвращенных на родину в порядке репатриации. Речь идет о советских немцах, попавших под германскую оккупацию на западе страны и, в преддверии наступления Красной Армии, принудительно вывезенных в Германию.

Следует заметить, что вплоть до конца 1940-х гг. в материалах статистической отчетности данные по контингенту «немцы» были представлены в целом. Начиная с 1950 г., их учет велся уже по пяти отдельным категориям («выселенные», «мобилизованные», «репатриированные», «местные»¹ и «другие»²).

В Архангельской области в послевоенные годы выделяются три категории спецпоселенцев-немцев: «выселенные», «мобилизованные» и «репатриированные». Информация по другим категориям достаточно ограничена. Именно этим обстоятельством объясняется их исключение из настоящей статьи.

Кроме того, немцы были представлены и в некоторых других контингентах спецпоселенцев, таких как, «бывшие кулаки» и «власовцы». В состав последней категории входили и советские немцы, служившие в формированиях вермахта и в полиции. На основании Постановления № ГКО-6884с от 4 ноября 1944 г. надлежало «выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой армии, в специальных строевых немецких формированиях, «власовцев», полицейских и других, вызывающих подозрение, немедленно направлять в спецлагеря по указанию НКВД для дальнейшей их проверки органами НКВД и «СМЕРШ» НКО» (URL: http://teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194411/gko_6884.html). Позже большая часть «власовцев» была переведена на спецпоселение на 6 лет. Между тем, статус спецпоселенцев не был для «власовцев» наследственным, а их семьи пользовались всеми правами граждан СССР. Первые 478 «власовцев», по национальности немцы, поступили на учет Отдела спецпоселений МВД Архангельской области (далее — ОСП МВД АО) в первом квартале 1949 г (Архив УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 2). Во втором квартале 1949 г. было доставлено еще 10 человек (Там же. Д. 17. Л. 30). В основном, это были лица, прибывшие из исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. В то же время, определить точное количество немцев-«власовцев» не представляется возможным. В материалах ОСП МВД АО их учет отдельно не велся, они входили в общее число «власовцев», а в общесоюзном масштабе эта категория была достаточно многонациональна. «В марте 1949 г. национальный состав 112 882 спецпоселенцев-«власовцев» (без арестованных и бежавших) выглядел так: русские — 54 256, украинцы — 20 899, белорусы — 5 432, грузины — 3 705, армяне — 3 678, узбеки — 3 457, азербайджанцы — 2 932, казахи — 2 903, немцы — 2 836...» [2: Кн. 2, с. 336]. Следовательно, количество немцев в составе данного контингента было не столь значительным и, как правило, не превышало 3% от общего числа «власовцев».

Среди всех указанных выше категорий наиболее многочисленной была группа репатриированных немцев. На 1 января 1946 г. в спецпоселках Архангельской области было размещено 8 102 репатрианта (Архив УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 56), на 1 января 1951 г. — 10 431 человек (Там же. Д. 22.

¹ Этнические немцы — жители Сибири, Урала, Дальнего Востока и других регионов страны, откуда их выселение не производилось. В 1946–1951 гг. они были взяты на учет спецпоселения по месту постоянного жительства.

² Лица других национальностей в составе немецких семей, выселенные вместе с немцами.

Л. 8). Если сопоставить эти цифры с данными, приведенными ниже в таблице 1, то количество репатриантов в первом случае составило 82,5% от общей численности немцев в регионе, а во втором — 84,9% соответственно.

В общей структуре немецкого спецконтингента, напротив, доминировала группа немцев, высланных по решению правительства. На 1 января 1953 г. на учете спецпоселения в целом по стране состояло 1 224 931 немцев, из них 855 674 человек (или 69,9%) составил подконтингент «высланные», доля репатриированных немцев не превышала 17% и составила соответственно 208 388 человек (URL:[http:// www.ingushetiyaru.org/history/ingushi_deportaciya_vozvr_reab_1944_2004/110.html](http://www.ingushetiyaru.org/history/ingushi_deportaciya_vozvr_reab_1944_2004/110.html)). Значительное преобладание в общей структуре немецкого спецпоселения категории немцев, высланных по решению правительства, стало закономерным результатом политики принудительного переселения этнических немцев, осуществленной государством в годы Великой Отечественной войны.

Таблица 1

**Динамика движения спецпоселенцев-немцев
в Архангельской области (1946–1955 гг.)**

Отчетный период	Количество спецпоселенцев-немцев (человек)			
	всего	в том числе:		
		мужчин	женщин	детей до 16 лет
01 января 1946 г.	9 823	1 119	4 926	3 778
01 января 1947 г.	13 089	1 982	6 050	5 057
01 января 1948 г.	11 652	1 786	5 537	4 329
01 января 1949 г.	11 375	2 083	5 446	3 846
01 января 1950 г.	12 080	2 695	5 427	3 958
01 января 1951 г.	12 279	2 800	5 414	4 065
01 января 1952 г.	12 616	2 925	5 531	4 160
01 января 1953 г.	8 077	2 643	5 434	–
01 января 1954 г.	8 371	2 895	5 476	–
01 января 1955 г.	7 272	2 616	4 656	–

В таблице представлена динамика движения спецпоселенцев-немцев, размещенных на территории Архангельской области в послевоенные годы (составлено по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф.33. Оп. 1. Д. 10. Л. 56, 68; Д. 11. Л. 149, 158; Д. 14. Л. 82; Д. 16. Л. 152; Д. 17. Л. 92; Д. 22. Л. 1; Д. 25. Л. 91; Д. 26, Л. 195; Д. 27, Л. 45; Д. 28. Л. 330). Данные таблицы говорят о существенном росте числа немецких высланных. Только за 1946 г. количество последних возросло более чем на 30%. Однако демографические процессы среди немцев в этот период были обусловлены отнюдь не естественным приростом населения.

Массовый поток немецких спецпоселенцев в Архангельскую область объясняется рядом причин. Прежде всего окончанием Второй мировой войны и последовавшей вслед за этим репатриацией вывезенных в годы войны со-

ветских граждан, в том числе и этнических немцев. В соответствии с Директивой НКВД СССР от 11 октября 1945 г. все прибывшие в места поселения репатриированные граждане немецкой национальности являлись спецпоселенцами, подлежали постановке на учет в спецкомендатурах и «агентурно обслуживались» органами НКВД наряду с другими контингентами немцев. Динамика численности репатриированных немцев в СССР выглядела следующим образом: в 1945 г. на учете состояло 203 796 немцев [3: с. 75–76], в конце 1949 г. эта цифра достигла 210 600 человек [4: с. 715], на 1 января 1953 г. она составила 208 388 немцев (URL:http://www.ingushetiyanu.org/history/ingushi_deportaciya_vozvr_reab_1944_2004/110.html), на 1 января 1955 г. насчитывалось 142 010 немцев, из которых, 138 595 человек находилось в спецпоселениях, 3 300 были в заключении и 115 числились как сбежавшие (URL: http://www.history.org.ua/JournALL/gpu/gpu_2007_29_2/6.pdf).

Прибытие основной массы репатриантов в Архангельскую область, в целом, соответствовало тем процессам, которые происходили в масштабах всей страны. Пик репатриации пришелся на четвертый квартал 1945 г., в течение которого в регионе было размещено 6 337 немцев (Архив УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 56). В первом квартале 1946 г. с очередными эшелонами прибыло еще 1784 немца (Там же. Д. 11. Л. 40), во втором квартале 1946 г. — 2 460 человек (Там же. Д. 11. Л. 98). В дальнейшем их поток стал постепенно уменьшаться, но отдельные группы репатриантов продолжали поступать вплоть до конца 1940-х гг.

Рост численности репатриированных немцев на территории региона в послевоенные годы был обусловлен и экономической целесообразностью. В основе советской экономики 1930–1950-х гг. лежал принудительный труд, который требовал постоянного пополнения рабочих рук. Особенно остро эта потребность ощущалась в условиях восстановления разрушенного в годы войны народного хозяйства, больших человеческих и материальных потерь. Немцы, депортированные в начале войны и ставшие мощным источником дешевой рабочей силы, главным образом, были направлены в Казахстан и Западную Сибирь. На территории Европейского Севера их количество было незначительным. Однако хозяйственная колонизация экономически важной для государства территории Архангельской области, использование её природно-сырьевых ресурсов, приобретали особую значимость для дальнейшего индустриального развития страны в послевоенные годы.

Окончание Великой Отечественной войны неизбежно привело к ликвидации трудовой армии. В результате, значительная часть мобилизованных немцев, занятых на промышленных предприятиях области, была взята на учет по месту их трудового использования. Демобилизация немцев из трудовой армии сделала актуальной проблему соединения разрозненных в годы войны немецких семей, что значительно активизировало миграционные процессы среди спецпоселенцев.

Всего, в результате внутрисоюзной миграции немцев с 1946 по 1950 гг. в Архангельскую область прибыло 5 356 человек, а убыло — 2 783 немцев (составлено по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 38, 96, 125, 158; Д. 14. Л. 19, 38, 69, 82; Д. 16. Л. 14, 47, 107, 152; Д. 17. Л. 2, 29, 65, 92). Причем наибольшее количество немцев прибыло в 1946 г. (размещение в регионе основной массы репатриантов), а убыло в 1947 г. (расформирование трудовой армии, переселение немцев в другие республики (края, области) на соединение с семьями и высокий уровень смертности среди выселенцев). Все это обусловило и незначительное сокращение их числа в 1947 г.

Существенное влияние на динамику численности немецких спецпоселенцев оказали и такие факторы, как включение в состав контингента «немцы» лиц немецкой национальности из других подотчетных ОСП МВД АО категорий выселенцев («власовцы», «бывшие кулаки»), выбытие в инвалидные и детские дома, места лишения свободы и т.д. На 1 января 1949 г. в инвалидных домах находилось 24 немца (3 мужчин и 21 женщина) (Там же. Д. 16. Л. 152), на 1 апреля 1949 г. — 37 человек (5 мужчин и 32 женщины) (Там же. Д. 17. Л. 3). За первый квартал 1948 г. в детские дома со снятием с учета убыло 54 ребенка и 2 прибыло из детских учреждений по достижении 16 летнего возраста (Там же. Д. 16. Л. 14). Между тем, постепенное воссоединение разрозненных в годы войны немецких семей, решение вопросов хозяйственно-бытового устройства выселенцев, со временем способствовали сокращению количества детей, воспитывающихся в детских домах. Во втором полугодии 1950 г. эти показатели составили уже 4 и 6 соответственно (Там же. Д. 22. Л. 1). В то же время, рост рождаемости и постановка на учет детей, родившихся еще в довоенное время, стали одной из главных причин увеличения немецкого контингента в начале 1950-х гг. Значительное снижение численности немцев в 1952 г. объясняется изменением системы учета выселенцев. Именно с этого времени в материалах статистической отчетности учитывается только взрослое население. Устойчивое сокращение количества немецких спецпоселенцев отмечается лишь в 1954 г. и связано с освобождением отдельных категорий выселенцев-немцев.

Изменение общего числа спецпоселенцев происходило и за счет побегов, количество которых возрастало год от года. В четвертом квартале 1946 г. в бегах числилось 12 человек, в том числе 8 мужчин (Там же. Д. 11. Л. 158), во втором квартале 1948 г. этот показатель составил уже 159 человек (105 — женщин, 32 — ребенка и 22 — мужчин) (Там же. Д. 16. Л. 47). Рост числа побегов был обусловлен тяжелыми условиями труда и трудностями материально-бытового положения выселенцев, особенно в первые годы пребывания в местах поселения. Существенную роль сыграла и проблема разъединения семей. Заявления о воссоединении семей рассматривались властями крайне медленно, многим отказывали в удовлетворении их просьб. В результате процессы соединения семей растянулись на долгие годы, и побег, в данном слу-

чае, был ответной реакцией выселенцев на действия властей. Примечательно, что среди беглецов значительную часть составляли женщины, спасавшие своих малолетних детей. Нередко причинами побегов становился и произвол администрации на местах. Снижение числа побегов отмечается лишь в конце 1940-х гг. что, прежде всего, связано с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., который определял бессрочный характер переселения немцев в отдаленные районы страны и вводил наказание в виде 20 лет исправительных работ за побег с мест поселения. На 1 января 1949 г. количество бежавших сократилось до 98 немцев (Там же. Д. 16. Л. 152), а на 1 января 1950 г. составило уже 39 человек (Там же. Д. 17. Л. 92). В определенной степени этому способствовало и создание более четкого механизма решения хозяйственных проблем выселенцев.

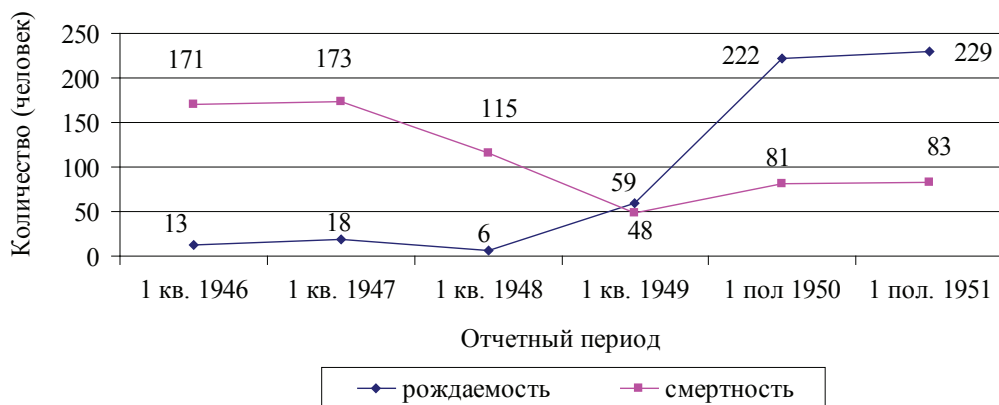
Значительная часть немецкого спецконтингента отбывала наказания в исправительно-трудовых лагерях страны. На 1 октября 1947 г. в местах лишения свободы находились 297 спецпоселенцев (202 мужчин, 92 женщин и 3 ребенка), что составило 2,5% от общего количества немцев, состоящих на учете ОСП МВД АО в указанный период (Там же. Д. 14. Л. 69). Согласно материалам статотчетности этот показатель неуклонно возрастал. С 1 января 1947 г. по 1 января 1950 г. он увеличился в 5,8 раза (подсчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 158; Д. 17. Л. 92). В первую очередь, это было обусловлено ужесточением содержания ссыльных, ведь в Архангельской области более 80% немецкого спецконтингента составляла группа репатриированных немцев, возвращенных на родину с территории противника. Данная категория немцев находилась под особым контролем органов НКВД, опасаящихся, что длительное пребывание за границей оказало влияние на их политические настроения. Зачастую именно эти обстоятельства служили основанием для привлечения спецпоселенцев-немцев к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и измену Родины. Свою роль сыграл и психологический фактор — восприятие немцев как представителей враждебной германской нации.

Наряду с уголовными преследованиями, за малейшие провинности немцы привлекались к административной ответственности. В первом квартале 1946 г. к взысканиям в виде штрафа было привлечено 22 репатрианта, в том числе: 15 — за нарушения установленного режима в районах спецпоселения, 6 — за нарушения общественного порядка и 1 — за неявку в спецкомендатуру без уважительных причин (Там же. Д. 51. Л. 134–135). После Указа 26 ноября 1948 г. количество административных наказаний возросло в несколько раз. Далеко не все могли выдержать замкнутость при отсутствии свободы передвижения, нечеловеческие условия труда и проживания, голод и холод. Именно поэтому наказания в местах поселения были обычным явлением. Всей тяжестью сложные условия спецссылки ложились на плечи женщин и детей, которые составляли основной контингент

в структуре немецкого населения страны. На 1 января 1946 г. на 11,4 % мужчин приходилось 50,1% женщин и 38,5% детей (Там же. Д. 10. Л. 56, 68). Причем аналогичные демографические процессы были присущи всей системе немецкого спецпоселения в целом. Анализ архивных материалов показывает, что доля мужчин среди немцев, как правило, не превышала 1/4 от общего числа выселенцев. Более того, для послевоенной России была характерна очень сильная половая диспропорция, особенно заметная в репродуктивных возрастах: в начале 1946 г. на 1 000 мужчин в возрасте 20–49 лет приходилось 1 614 женщин (в 1897 г. — 1 065, в начале 1927 г. — 1 159, в начале 1941 г. — 1 117) [1: с. 137]. В данном случае, значительное преобладание лиц женского пола было обусловлено большими человеческими потерями в годы войны, особенно среди мужской части населения страны. В то время демографические изменения в структуре немецкого спецконтингента стали закономерным результатом политики насильственных переселений, принудительной и тотальной мобилизации в трудовую армию значительной части советских немцев-мужчин, что способствовало искусственному разделению и многолетней разобщенности семей. Свою роль сыграл и высокий уровень смертности среди трудармейцев, здоровье которых было подорвано в условиях лагерного режима и тяжелого физического труда.

Диаграмма 1

Соотношение уровня рождаемости и смертности среди спецпоселенцев - немцев Архангельской области (1946-1951 гг.)

Обобщенный показатель уровня жизни и условий труда — уровень рождаемости и смертности. В спецпоселках Архангельской области с 1946 по 1951 г. умерло 1 967 немцев, а родились 1 451 человек (рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 38, 96, 125, 158; Д. 14. Л. 19, 38, 69, 82; Д. 16. Л. 14, 47, 107, 152; Д. 17. Л. 2, 29, 65, 92; Д. 20. Л. 1; Д. 22. Л. 1; Д. 25. Л. 14, 91). Таким образом, смертность превысила рождаемость в 1,4 раза. В диаграмме 1 приведено соотношение уровня рождаемости и смертности среди немецких спецпоселенцев в послевоенные

годы (составлено по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 38; Д. 14. Л. 19; Д. 16. Л. 14; Д. 17. Л. 2; Д. 20. Л. 1; Д. 25. Л. 14).

Как видно из диаграммы, максимального уровня коэффициент смертности достиг в 1946–1948 гг. — в самые голодные для страны годы. Если в первом квартале 1946 г. смертность превысила рождаемость в 13 раз (Там же. Д. 11. Л. 38), то в первом квартале 1948 г. уже в 19 раз (Там же. Д. 16. Л. 14, 15). Причем данные тенденции отмечаются по контингенту «немцы», как в Архангельской области, так и в целом по стране. В 1945 г. в СССР родилось 1914 немцев, а умерло 6 930 человек, в 1946 г. эти цифры составили уже 4236 и 8519 человек соответственно (URL:http://www.ingushetiyaru.org/history/ingushi_deportaciya_vozvr_reab_1944_2004/110.html). Во многом высокая смертность объясняется тяжелыми условиями послевоенного строительства, характерными для всей страны, но спецпоселенцы, а особенно немцы, оказались в самом незавидном положении. Их труд использовался на наиболее сложных участках, в трудных климатических условиях. Зачастую спецпоселенцы не имели необходимой одежды и обуви, регулярно сталкиваясь с проблемами социально-бытового обустройства и санитарно-медицинского обслуживания. В материалах ОСП МВД АО читаем: «Продовольственное снабжение репатриированных немцев находится в неудовлетворительном состоянии. На заводе «Лименда» [Котласский район] рабочие получают от 600 до 800 гр., а иждивенцы и дети 400 гр. хлеба. В основном, семейные спецпереселенцы получают сухим пайком, но продукты питания полностью по нормам не выдаются. В марте месяце [1946 г.] у большинства рабочих остались неотоваренные продукты: жиры, сахар, крупа, а также иждивенцы и дети не получили положенные по нормам продукты» (Архив УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 51. Л. 146). Во многом, низкая рождаемость и высокая смертность стали и результатом длительного разъединения немецких семей наиболее репродуктивного возраста. Не следует забывать и о сложностях социализации и адаптации немцев в новых местах поселения, особенно в первые годы пребывания в спецссылке.

Существенный скачок рождаемости отмечается лишь в конце 1940-х гг. В 1950 г. рождаемость превысила смертность в 3 раза (Там же. Д. 20. Л. 1; Д. 22. Л. 1), а во втором полугодии 1952 г. уже в 6,1 раза (Там же. Д. 26. Л. 195). Кроме того, рост немецкого населения во многом, был обусловлен воссоединением разрозненных в годы войны немецких семей и вступлением в детородный возраст немцев, родившихся еще в довоенное время. Важным условием увеличения рождаемости стало создание более четкого механизма решения хозяйственно-бытовых проблем выселенцев. Немаловажным был и тот факт, что за годы ссылки большинству немцев, несмотря на все трудности жизни в условиях спецпоселения, удалось адаптироваться к ним.

Немецкие спецпоселенцы были размещены почти во всех районах Архангельской области (в 20 из 24 районов), где имелось лесопильное и деревообраба-

тывающее, а также химическое производство. Дислокация их расселения, прежде всего, определялась потребностями народного хозяйства страны в послевоенные годы. Следует заметить, что мобилизованные немцы были расселены достаточно компактно. Еще в годы Великой Отечественной войны в составе четырех рабочих колонн они были направлены на предприятия Главцеллюлозы Наркомбумпрома: Архбумкомбинат имени К.Ворошилова, заводы № 1, 2 и 5 (Плесецкого, Онежского и Няндомского районов соответственно) и после ликвидации трудовой армии были взяты на учет спецпоселения по месту пребывания.

География размещения других категорий немцев, носила преимущественно дисперсный характер, и полностью отвечала потребностям социально-экономического развития региона. Существенное влияние на дислокацию спецпоселенцев оказала и интенсивная внутриобластная миграция немецкого населения, обусловленная эффективностью их трудового использования.

Немцы, равно как и другие категории выселенных лиц, стали важным источником восполнения дефицита рабочей силы, особенно в условиях восстановления разрушенного в годы войны аграрно-промышленного сектора страны.

В силу региональных особенностей развития экономики и специфики сырьевых ресурсов Архангельской области, большая часть спецпоселенцев использовалась в лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. В первом квартале 1947 г. в лесной промышленности было занято 46,7% от общего числа спецпоселенцев-немцев, переданных в систему министерств для трудового использования, а в первом полугодии 1951 г. этот показатель находился на уровне 54,9% (рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 22; Д. 25. Л. 24). Доля немцев, занятых в целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, составила 18,8% и 25,8% соответственно (рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 22; Д. 25. Л. 24). Вместе с тем, труд спецпоселенцев использовался на предприятиях речного флота, министерств сельского хозяйства и путей сообщения, местной промышленности, в системе министерств внутренних дел, коммунального хозяйства, морского флота, министерств стройматериалов и здравоохранения.

Анализ возрастного состава немцев показывает, что среди выселенцев мужского пола доминировали лица в возрасте от 18 до 25 лет (977 человек), от 25 до 35 (417), от 35 до 45 (460), то есть наиболее трудоспособная часть немецкого населения (Там же. Д. 22. Л. 24). Нетрудно заметить, что использование трудоспособных лиц позволило государству в короткие сроки решить одну из важных экономических задач — создание мобильного кадрового резерва, труд которого можно было оперативно использовать в различных сферах народного хозяйства страны. Таким образом, в условиях острого послевоенного дефицита рабочей силы трудовое использование спецпоселенцев приобретало особую значимость.

Наряду с этим, труд немцев, как правило, использовался на низкоквалифицированных работах, без учета их трудовых навыков. В первом квартале 1946 г. из 100 человек, имеющих среднее специальное и высшее образование, по специальности работали только 33 немца, а из 219 квалифицированных рабочих — лишь 81 человек (Там же. Д. 51. Л. 139–140). Определяющую роль в этом сыграла командно-административная модель экономического развития страны, основанная на административном принуждении. Между тем, зачастую в местах расселения отсутствовали вакантные должности и соответствующее имеющимся специальностям оборудование и техника.

Кроме того, условия труда, в которых приходилось работать спецпоселенцам-немцам, не только не способствовали высокой производительности, но и значительно ее снижали. Из-за болезней, большой скученности в спецпоселках, которая нередко становилась причиной эпидемий среди поселенцев, проблем продовольственного обеспечения и низкого уровня медицинского обслуживания, отсутствия нормальных бытовых условий, необходимой рабочей одежды и обуви, особенно в условиях сурового климата Архангельской области, количество трудоспособных лиц, как правило, не превышало 60% от общего числа немецких выселенцев. В первом квартале 1947 г. этот показатель составил 43,6%, а в начале 1951 г. — увеличился лишь до 54,7% (рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 22; Д. 25. Л. 24). Наряду с этим, свою роль сыграло, и отсутствие соответствующих трудовых навыков значительной части советских немцев, в большинстве своем, представителей сельского населения.

Изменения в правовом положении немцев отмечаются лишь в середине 1950-х гг. Освобождение спецпоселенцев проводилось в рамках постановлений, которые были приняты высшими органами власти СССР с 1954 по 1956 гг. Однако, немцам было запрещено возвращаться в те места, откуда они были выселены. Впервые на официальном уровне необоснованность обвинений в отношении этнических немцев признавалась в документах 1964 г. Между тем, и здесь декларировалось их «укоренение в новых местах жительства». Лишь в 1972 г. советские немцы получили право свободного выбора места проживания, а в 1993 г. были амнистированы по закону о реабилитации репрессированных народов.

Таким образом, в послевоенные годы в регионе были размещены три категории спецпоселенцев-немцев: «выселенные», «мобилизованные» и «репатриированные». Из них более 80% составляла группа репатриантов. Кроме того, немцы были представлены и в составе других контингентов, например, «бывшие кулаки» и «власовцы». Однако их численность была весьма малочисленной.

Основные тенденции, характерные для немецких выселенцев в послевоенный период, в региональном разрезе полностью соответствовали тем процессам, которые происходили в масштабах всей страны. Речь идет о внутрисоюзной миграции немцев и, как следствие — существенной динамике численности спецконтингента, преобладании женщин и детей в общей структуре немецкого на-

селения и низкой доле мужчин (не более 1/4), росте числа побегов и осужденных лиц, высоком уровне смертности и низком коэффициенте рождаемости (особенно в первые послевоенные годы). Вышеперечисленные явления стали закономерным результатом политики массового принудительного переселения этнических немцев, предпринятой государством, в годы войны и после ее окончания.

Литература

1. Андреев Е.М. Демографическая история России: 1927–1957 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. – М.: Информатика, 1998. – 187 с.
2. Земсков В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан / В.Н. Земсков // Война и общество, 1941–1945. – Кн. 2. – М.: Наука, 2004. – С. 331–358.
3. И. Сталин – Л. Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. – 226 с.
4. По решению Правительства Союза ССР...: [Депортация народов: документы и материалы] / Сост., авт. предисл, коммент.: Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. – Нальчик: Изд. центр «Аль-Фа», 2003. – 927 с.
5. Полян П.М. Не по своей воле...: история и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: ОГИ, 2001. – 328 с.

References

1. Andreev E.M. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1957 / E.M. Andreev, L.E. Darskij, T.L. Har'kova. – M.: Informatika, 1998. – 187 s.
2. Zemskov V.N. Repatriaciya peremeshhenny'x sovetskix grazhdan / V.N. Zemskov // Vojna i obshhestvo, 1941–1945. – Kn. 2. – M.: Nauka, 2004. – S. 331–358.
3. I. Stalin – L.Beriya: «Ix nado deportirovat'...»: Dokumenty', fakty', kommentarii / Sost. N.F. Bugaj. – M.: Druzhiba narodov, 1992. – 226 s.
4. Po resheniyu Pravitel'stva Soyuza SSR...: [Deportaciya narodov: dokumenty' i materialy'] / Sost., avt. predisl, komment.: N.F. Bugaj, A.M. Gonov. – Nal'chik: Izd. centr «Al'-Fa», 2003. – 927 s.
5. Polyan P.M. Ne po svoej vole...: istoriya i geografiya prinuditel'ny'x migracij v SSSR / P.M. Polyan. – M.: OGI, 2001. – 328 s.

А.Б. Давыдова

Египетские артефакты на территории александрийского Серапеума

На территории храма Сараписа в Александрии было найдено множество египетских предметов. Среди них встречаются как массивные каменные стелы, так и изображения сфинксов, царей и т.д. Часть из них была изготовлена еще во время правления фараонов, а затем, уже после прихода к власти Лагидов, доставлена в новую столицу; часть была сделана в самой Александрии в период эллинизма. Остается спорным вопрос о том, когда и для чего изготовленные ранее памятники привозили в новую столицу страны и устанавливали на территории александрийского Серапеума. Ответ на него помогает решить более общие проблемы, связанные с культом Сараписа.

Согласно одной из точек зрения, которой придерживается, в частности, Ж.-И. Эмперер, египетские артефакты стали привозить в новую столицу в самом начале эллинистического периода. Часть из них использовалась в качестве строительного материала; многие являлись составляющей идеологической политики Лагидов [11: р. 204], подчеркивающей преемственность своей власти с властью древнеегипетских фараонов. В последнем случае предметы выполняли свои первоначальные религиозные и политические функции.

По мнению других ученых, таких как П. Гало, древнеегипетские предметы начали перевозить в Александрию только в римский период [11: р. 204]. Это было связано с тем, что римляне, став жертвами моды на все египетское, доставляли различные памятники в Исеумы и Серапеумы Александрии и Рима. Вывоз египетских вещей начался, по мнению этого исследователя, еще в период захвата страны Августом, а своего апогея данный процесс достиг во II в. н.э., когда культ Исиды пользовался наибольшей популярностью в Риме.

Ж. Йойот высказался против этой точки зрения [11: р. 205], отмечая, что, в отличие от египетских артефактов, привезенных в Рим и другие города империи из разных поселений египетской хоры, в выборе которых отсутствует какая-либо логика, большинство предметов, обнаруженных в Александрии, было доставле-

но из Гелиополя, древнего центра почитания солярного божества Ра. Как известно, Сарапис, отождествленный с Зевсом и Гелиосом, стал вселенским солярным божеством. Таким образом, перенос в его храм священных предметов из древнего религиозного центра, в котором поклонялись Ра, мог быть не случаен.

По мнению Ж. Йойота, здание эллинистического Серапеума по своему размеру, плану и расположению напоминает руины египетских храмов, построенных при Птолемах. На основании этого предположения исследователь пришел к выводу о том, что в эллинистический период в Серапеуме преобладали египетские элементы и культ там отправлялся по местному обряду [11: р. 212]. Сфинкс, найденный на южном склоне холма, как считает ученый, мог быть одним из многих, обрамлявших, согласно египетскому обычаю, церемониальную дорогу, ведущую к храму.

Иной точки зрения придерживался П.М. Фрейзер. Он отметил, что при наличии египетских элементов в архитектуре храма преобладали греческие [5: р. 266]. Выполняя аксиометрическую реконструкцию Серапеума времени Птолемея III, Дж. Мак-Кензи исходила из предположения, что архитектура храма была эллинской, хотя она отмечает, что традиция закладывания табличек имеет не греческие, а египетские корни [7: р. 82]. Этому же мнения придерживается и Б. Ткачѳв. Признавая, что изучение архитектурного облика Серапеума сопряжено с множеством до сих пор не решенных проблем, она приходит к выводу, что храм был построен по «античному» канону с добавлением египетских элементов [10: р. 41]. Вопрос о том, что они представляли собой — отдельно стоящие памятники, сооружения, построенные в египетском стиле, или украшение отдельных интерьеров, — как отмечает исследовательница, до сих пор остается открытым [10: р. 41].

П.М. Фрейзер отметил, что перевозка египетских предметов в новую столицу могла начаться в эллинистический период и продолжиться уже во времена римского владычества [5: pp. 265–267]. В мемфисском храме Сараписа стояли статуи греческих философов и писателей. Сходный механизм, по мнению исследователя, мог быть характерен и для Александрии, где древнеегипетские предметы служили в качестве украшений и, возможно, каким-то образом использовались во время храмовых ритуалов.

С.-Э. Эштон сделала вывод, что каким бы образом ни появились на территории александрийского Серапеума египетские предметы, само их наличие свидетельствует о том, что в культе Сараписа отразилась идеологическая политика первых Птолемеев. С одной стороны, они были греко-македонскими царями, а с другой — египетскими фараонами [3: р. 24]. Однако И.А. Ладынин отметил, что первые Лагиды, судя по их идеологической и религиозной политике, не особенно стремились завоевать расположение египтян [1: с. 164].

По мнению С.-А. Эштон, в Серапеуме преобладали египетские элементы, что было данью Лагидов египетским корням Сараписа, культ которого происходил из Мемфиса, и только при Птолемеях III в убранстве храма стала просма-

триваться тенденция к эллинизации [3: р. 31]. И.А. Ладынин, в свою очередь, связывает с именем этого царя появление в Серапеуме египетских архитектурных элементов [1: с. 167].

Многие исследователи пришли к выводу о том, что культ Сараписа «создавался» сыном Лага для того, чтобы сплотить греков и египтян. Например, так считают Гюнтер Хельбл [6: р. 99] и Эдвин Беван [4: р. 44], а также многие другие авторы. Казалось бы, подтверждением этой гипотезы служит не только обнаружение на территории Серапеума египетских артефактов, но и само его расположение в Ракотисе, где, как считают многие исследователи, жили египтяне. Более того, это место находилось довольно далеко от царских дворцов, агоры и других сооружений, связанных с эллинской культурой [3: р. 24].

Ключ к решению этой проблемы был получен благодаря тем же египетским предметам, но уже не привезенным в Александрию, а вероятно, сделанным на территории поселения, находившегося на месте будущей столицы. К их числу относятся два фрагмента статуй египетских жрецов, найденных Э. Бреция в ходе раскопок 1905–1906 гг. В тексте, сохранившемся на одном из них, говорится, что изображение принадлежало человеку по имени Па-шер-и-[эн]-Птах, владыке секретов храма Осириса-Аписа в Ракотисе [2: р. 65].

Следовательно, вполне возможно, что храм Осириса-Аписа существовал там еще до прибытия в Египет войск Александра и воцарения в стране Птолемеев. Наличие подобного древнего храма подтверждают и письменные источники. Так, Тацит упоминает о существовании на территории будущей Александрии святилища Исида и Осириса (Tac. Hist. IV. 84). Таким образом, выбор местечка Ракотис для постройки Серапеума не случаен. Осирис, как известно, был своего рода египетским «прототипом» Сараписа. Об этом свидетельствует, в частности, одна двуязычная посвятельная надпись, датированная периодом эллинизма, в греческой части которой сказано: «Сарапису, великому богу, Паниск, сын Сарапиона». В египетском аналоге текста говорится: «Коптосский Осирис, главный дома золота, дает жизнь Памину, сыну Па-шер-Усира» [9: р. 391]. Кроме того, на стелах, найденных на территории некрополя Абидоса, изображена традиционная сцена — Осирис, сидящий на троне, позади которого стоит богиня Исида, принимает покойного, приведенного к нему Анубисом. При этом греческие надписи, сопровождающие эти изображения, посвящены не Осирису, а Сарапису [8: р. 277]. Храм Сараписа вполне мог быть возведен на территории, где на протяжении многих лет до появления в Египте войск Александра поклонялись Осирису.

Можно предположить, что «родство» двух богов и строительство храма Сараписа на месте более раннего святилища Осириса, по крайней мере отчасти, обусловило наличие на его территории египетских предметов, как перевезенных из других городов Египта, так и изготовленных в самой Александрии уже в период эллинизма. Оно, как и появление египетских элементов в декоре александрийского Серапеума (а также, вероятно, в культе Сараписа в целом), могло быть данью местным корням бога.

Находка египетских артефактов на территории александрийского Серапеума породила больше споров, чем дала ответов. С определенной степенью уверенности можно говорить лишь о том, что культ Сараписа, по крайней мере в период эллинизма, носил смешанный, греко-египетский характер. Но определить, насколько были распространены в нем египетские элементы, крайне сложно. Однако некоторые обнаруженные на теменосе объекты, такие как упомянутый выше фрагмент статуи жреца, позволяют сделать ряд важных выводов о причинах выбора места для строительства крупнейшего в Египте храма Сараписа.

Литература

1. *Ладынин И.А.* Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма / И.А. Ладынин // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под. ред. проф. Э.Д. Фролова. – Вып. 3. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 145–184.
2. *Abdel-Fattah A.* The Question of the Presence of Pharaonic Antiquities in the City of Alexandria and its Neighbouring Sites (Alexandria pre-Alexander the Great) / A. Abdel-Fattah // Hawass Z., Pinch Brock L. (eds.) *Egyptology at the Dawn of the Twenty-first Century: Proceedings of the Eighth International Congress of Egyptologists*, Cairo: The American University in Cairo Press, 2000. – Vol. 2. History. Religion. – Cairo, 2003. – P. 63–71.
3. *Ashton S.-A.* Ptolemaic Alexandria and the Egyptian Tradition / S.-A. Ashton // Hirst A., Silk M. (eds.) *Alexandria, Real and Imagined*. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2006. – P. 15–40.
4. *Bevan E.* The House of Ptolemy. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty / E. Bevan. – Chicago, Argonaut 1968. – XXI, 409 p.
5. *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria / P.M. Fraser. – Vol. I. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – XVI, 812 p.
6. *Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire / G. Hölbl. – London – New York: Routledge, 2001. – XXXVI, 373 p.
7. *McKenzie J., Gibson Sh., Reyes A.T.* Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence / J. McKenzie, Sh. Gibson, A.T. Reyes // *Journal of Roman Studies*. – 2004. – № 94. – P. 73–121.
8. *Milne J.G.* Greek Inscriptions from Egypt / J.G. Milne // *Journal of Hellenistic Studies*. – 1901. – № 21. – P. 275–292.
9. *Pfeiffer S.* The God Serapis, his Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt / S. Pfeiffer // McKechnie P., Guillaume P. (eds) *Ptolemy II and His Times (Mnemosyne supplements. History and archaeology of classical antiquity 300)*. – Leiden-Boston, 2008. – P. 387–408.
10. *Tkaczow B.* Architectural Styles of Ancient Alexandria. Elements of Architectural Decoration from Polish Excavations at Kom el-Dikka (1960–1993) / B. Tkaczow. – Varsovie, 2010. – 369 p.
11. *Yoyotte J.* Pharaonica / J. Yoyotte // Goddio F., Bernand A., Bernand E., Darwish I., Kiss Z., Yoyotte J. *Alexandria. The Submerged Royal Quarters*. – London: Periplus, 1998. – P. 199–220.

References

1. *Lady'nin I.A.* Osnovny'e e'tapy' czarskogo kul'ta Ptolemeev v kontekste obshej e'volucii egipetskogo e'llinizma / I.A. Lady'nin // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Pod. red. prof. E'.D. Frolova. – Vy'p. 3. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. – S. 145–184.
2. *Abdel-Fattah A.* The Question of the Presence of Pharaonic Antiquities in the City of Alexandria and its Neighbouring Sites (Alexandria pre-Alexander the Great) / A. Abdel-Fattah // Hawass Z., Pinch Brock L. (eds.) Egyptology at the Dawn of the Twenty-first Century: Proceedings of the Eighth International Congress of Egyptologists, Cairo: The American University in Cairo Press, 2000. – Vol. 2. History. Religion. – Cairo, 2003. – P. 63–71.
3. *Ashton S.-A.* Ptolemaic Alexandria and the Egyptian Tradition / S.-A. Ashton // Hirst A., Silk M. (eds.) Alexandria, Real and Imagined. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2006. – P. 15–40.
4. *Bevan E.* The House of Ptolemy. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty / E. Bevan. – Chicago, Argonaut 1968. – XXI, 409 p.
5. *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria / P.M. Fraser. – Vol. I. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – XVI, 812 p.
6. *Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire / G. Hölbl. – London – New York: Routledge, 2001. – XXXVI, 373 p.
7. *McKenzie J., Gibson Sh., Reyes A.T.* Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence / J. McKenzie, Sh. Gibson, A.T. Reyes // Journal of Roman Studies. – 2004. – № 94. – P. 73–121.
8. *Milne J.G.* Greek Inscriptions from Egypt / J.G. Milne // Journal of Hellenistic Studies. – 1901. – № 21. – P. 275–292.
9. *Pfeiffer S.* The God Serapis, his Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt / S. Pfeiffer // McKechnie P., Guillaume P. (eds) Ptolemy II and His Times (Mnemosyne supplements. History and archaeology of classical antiquity 300). – Leiden-Boston, 2008. – P. 387–408.
10. *Tkaczow B.* Architectural Styles of Ancient Alexandria. Elements of Architectural Decoration from Polish Excavations at Kom el-Dikka (1960–1993) / B. Tkaczow. – Varsovie, 2010. – 369 p.
11. *Yoyotte J.* Pharaonica / J. Yoyotte // Goddio F., Bernand A., Bernand E., Darwish I., Kiss Z., Yoyotte J. Alexandria. The Submerged Royal Quarters. – London: Periplus, 1998. – P. 199–220.

И.С. Барышев

Русская диаспора в Бразилии

Бразилия — одна из тех стран, о которой редко говорят в контексте русской эмиграции XIX–XX веков. Между тем, на территории современной Бразилии проживает значительное число потомков российских переселенцев. Многие из них утратили связи с исторической Родиной, имеют бразильские паспорта и ощущают себя бразильцами. Процесс утраты исторических корней потомками русских эмигрантов только усугубляется невниманием к данному вопросу со стороны российских СМИ, общественных и политических институтов.

В литературе данной теме посвящено немного работ. Тема получила отражение в статьях И.В. Дынниковой [4;], В.М. Давыдова [2], А.А. Хисамудинова [16], С.Н. Балдина [1], в монографических исследованиях Н.В. Королева [5; 6], А.И. Сизоненко [12; 13], Б.Ф. Мартынова [7; 8], в ряде общих трудов [9; 11], в материалах IV Конвента РАМИ 2006 г. [14]. Однако вопрос этот, безусловно, нуждается в более детальной проработке и изучении.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности русской диаспоры в Бразилии, проанализировать вопросы культурной, религиозной и политической самоидентификации потомков русских переселенцев.

Представители современной русской диаспоры в Бразилии являются в основном потомками эмигрантов, въехавших на территорию Бразилии в период с конца XIX века и до середины XX века.

Первая волна русской эмиграции, которая попала в Бразилию в конце XIX – начале XX веков, состояла в основном из безземельных крестьян, батраков и прочих людей с низким достатком, которые ехали в страны Южной Америки по экономическим мотивам в поисках лучшей доли. При этом стоит заметить, что среди переселенцев было также множество этнических поляков и украинцев, однако, поскольку на тот момент Польша и Украина входили в состав Российской Империи, то въезжали они по русским паспортам. Большинство переселенцев первой волны поселились в Аргентине, однако часть из них обосновалась в Бразилии. Основным занятием русских переселенцев было земледелие. Ими было основано поселение Кампина дас Миссоэс в штате Риу-Гранде-ду-Сул, которое в 1963 году получило статус города. На сегодняшний день примерно 20% населения муниципального округа Кампина дас Миссоэс — потомки переселенцев из России [12: с. 91].

По данным IBGE (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística — Бразильский институт географии и статистики), в период с 1850 по 1912 гг. в Брази-

лию въехали 19,5 тыс. легальных российских эмигрантов [17: <http://www.ibge.gov.br>].

Официальной датой начала русской эмиграции в Бразилию считается 1909 г., хотя в действительности она началась значительно раньше, но до данного года случаи переселения людей из России в Бразилию не носили массового характера.

Вторая волна эмиграции русских в Бразилию приходится на годы после революции 1917 г. При этом эмиграция шла как напрямую из России в Бразилию, так и через Европу. Массовость второй волны русской эмиграции была связана с тем, что Бразилия, как и многие страны Южной Америки, в первой трети XX в. нуждалась в квалифицированной рабочей силе. Зная об этом, по разным каналам представители организации, объединявшей участников Белого движения, связались с Рио-де-Жанейро, чтобы осуществить переезд в эту страну врангелевцев из Франции. Правительство Бразилии согласилось принять около 10 тыс. человек. В некоторой степени это решение было неординарным, так как существовал запрет на въезд в страну политэмигрантов. Вероятно, для врангелевцев сделали исключение по причине того, что в Южной Америке в то время находилось немало анархистов, деятельность которых хотели как-то «уравновесить» местные правительства [16: с. 93].

В апреле 1921 г. в Бразилию на пароходе «Рион» прибыла первая массовая группа русских эмигрантов второй волны. 12 июля на пароходах «Аквитания» и «Прованс» прибыли группы под командованием полковника К.К. Брагина общей численностью примерно 600 человек. Одна из последних групп, которую возглавлял полковник В.Г. Жилинский, насчитывала уже 1 200 человек. Всего в Бразилии оказались около 3 000 белогвардейцев, и это только тех, которые попали в Бразилию из Франции.

Практически все прибывшие были людьми высокообразованными и надеялись получить в Бразилии административные, инженерные и руководящие посты. Однако далеко не всем достались желаемые должности, часть эмигрантов вынуждена была работать на низкооплачиваемых работах, никоим образом не связанных с их образованием и не удовлетворяющих их амбиции. Некоторые из бывших офицеров не соглашались на работу, которая не соответствовала их представлениям о достойной жизни. К примеру, целая казачья группа численностью 1 000 человек, узнав, что их отправляют рабочими на плантации, предпочла вернуться в Европу [16: с. 95]. Большинство представителей второй волны русской эмиграции поселились в Сан-Паулу.

Третья волна русской эмиграции пришлась на послевоенный период (1947–1949 гг.), когда из находившихся под германской оккупацией европейских стран в Бразилию устремились десятки тысяч русских беженцев из числа перемещенных лиц (старая русская эмиграция, осевшая в Европе; бывшие военнопленные и угнанные на принудительные работы в Германию советские люди; граждане, ушедшие из СССР с отступавшей германской армией по политическим мотивам и т.д.).

Четвертая эмиграционная волна пришлась на 50-е гг. XX столетия. В это время в Бразилию прибыли несколько тысяч русских эмигрантов из Маньчжурии (Китай). В основном это были потомки белой эмиграции, вынужденные покинуть Китай после прихода к власти коммунистической партии. Большая часть их осела в Сан-Паулу. На этот же период приходится и переселение в Риу-Гранде-ду-Сул и Мату Гросу староверов (несколько сотен человек), выехавших в 20-е гг. по религиозным мотивам из России в Маньчжурию, а в 1952–1953 гг. вынужденных, как и потомки белогвардейцев, эмигрировать в Южную Америку [4: с. 241]. На сегодняшний день количество людей, переезжающих на постоянное место жительства из России в Бразилию незначительно.

На данный момент в Бразилии живет значительное количество потомков выходцев из России. Но вопрос заключается в том, можно ли назвать их диаспорой? Согласно принятому определению, диаспора — это часть этноса, живущая за пределами исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности [15: с. 233].

Таким образом, представители русской диаспоры должны не только быть связаны с Россией историческими корнями, но еще и идентифицировать себя как часть русского этноса, знать русский язык, историю Российского государства, интересоваться культурой и искусством своей исторической Родины и т. д. А таких выходцев из России в Бразилии немного. Потомки тех, кто прибыл в Бразилию в конце XIX – начале XX веков, ассимилируются и утрачивают связь с русским языком и культурой, считая себя больше бразильцами, чем русскими (как правило, все они имеют бразильское гражданство). Оценить точное количество тех, кто среди жителей Бразилии причисляет себя к русскому этносу, довольно сложно и достоверной информации по этому вопросу нет, поскольку разные источники называют разные цифры. К примеру, по данным программы «Время», вышедшей в эфир 30 ноября 2008 года, русская диаспора в Рио-де-Жанейро, одном из самых крупных городов Бразилии, составляет всего 100 человек [3: <http://www.1tv.ru/news/polit/37170>]. Однако, несмотря на относительно невысокий интерес потомков русских эмигрантов к своей истории, эта цифра выглядит несколько заниженной.

Для многих выходцев из России единственной нитью, все еще связывающей их с исторической Родиной, служит православная религия. Православные церкви выступают центрами притяжения потомков российских эмигрантов. Так, в городе Сан-Паулу, который, как уже говорилось, в свое время принял немало выходцев из России, существует 3 церкви, принадлежащие русской зарубежной православной церкви (РЗПЦ). Также в Сан-Паулу есть православная церковь, не находящаяся в ведомстве РЗПЦ, настоятель которой — иеромонах Иоанн Стойссер. Данная церковь объединяет в основном выходцев из России, попавших в Бразилию через Китай.

Русская православная церковь также имеет приходы в штате Риу-Гранде-ду-Сул в местах первых русских поселений: Санта-Роза, Кампина дас Мис-

соэс, Порту-Алегре, а также в крупных городах, таких как Рио-де-Жанейро, Бразилиа и др.

Священники русской православной церкви в Бразилии охотно идут на контакт с прессой, пытаясь тем самым привлечь к проблемам РПЦ дополнительное внимание, а также заставить выходцев из России лишний раз задуматься о своей культурной и религиозной самоидентификации.

Так например, священник Василий Гелеван *настоятель храма Св. мученицы Зинаиды в Рио-де-Жанейро, дал интервью журналу «Православие» 22 декабря 2009 г. Священник отмечает, что его* «паства охватывает все волны русской эмиграции в Бразилию — потомков белоэмигрантов, россиян, родившихся в Харбине и европейских городах, молодежь из России, Украины, Беларуси, Грузии и других стран постсоветского пространства» [10: <http://www.pravoslavie.ru/guest/33252.htm>], а также охотно делится фактами из жизни прихода, говорит о степени распространения православия в Бразилии.

Информацией о специфике исповедания православия и жизни русской общины в Бразилии охотно делятся не только священники и настоятели церквей, но и более высокопоставленные духовные лица, как например, *Первоиерарх РПЦЗ митрополит Иларион Восточно-Американский и Нью-Йоркский. Он отмечает, что в 1987 году, когда он принял сан, то застал русскую диаспору в Латинской Америке в целом, и в Бразилии в частности, в непростой момент:* «Ее численность значительно сократилась. Сотни россиян из-за материальных проблем уезжали в другие края, прежде всего в США. Увядали организации соотечественников. Практически свелось к нулю издание русскоязычных газет и журналов. Перестали выходить книги. С тех пор мало что изменилось» [19: <http://www.pravoslavie.ru/english/34983.htm>].

Говоря о религии выходцев из России, живущих в Бразилии, нельзя не упомянуть староверов, которые сумели сохранить свои традиции и религиозные взгляды, пронесли их через столетия даже будучи оторванными от своей исторической Родины. Самые крупные общины староверов на сегодняшний день находятся в городах Парана, Гояс, Мату Гроссо и других. Можно сказать, что общины староверов представляют собой симбиоз древней духовной и современной деловой культур, органично вписанный в бразильский социум. При этом бразильские общины активно сотрудничают с общинами из Боливии, США и других стран, ездят друг к другу в гости и женят детей. Благодаря тому, что староверы негативно относятся к бракам с местным населением и вообще с теми, кто не исповедует их веру (хотя таковые, конечно же, иногда случаются), многие из них до сих пор сохранили исконно русский облик: светлые волосы, светлые глаза, курносый нос [4: с. 243].

В отличие от староверов в Сибири, общины, живущие в Бразилии, более открыты инновациям и, сохраняя свои жизненные принципы, все же используют некоторые достижения прогресса. К примеру, они применяют тракторы,

комбайны и другую технику при проведении сельскохозяйственных работ. В целом же ограничения, накладываемые на жителей поселений староверов, могут несколько различаться от общины к общине, в зависимости от позиции и взглядов управляющих.

Но вот чего у староверов не отнимешь — так это их культурной и духовной общности с русским народом. Живя на другом континенте, они умудряются сохранять русскую культуру и традиции. Их женщины ходят в старинных русских нарядах; мужчины — в косоворотках, и все как один носят бороды. По праздникам они поют старинные русские песни, а их дети наравне с португальским изучают русский язык.

При этом, сохраняя культурную и духовную связь с Россией, некоторые староверы стремятся вернуться на свою историческую Родину. Уже сегодня в Приморский край России вернулось три семьи староверов из Южной Америки и, по всей видимости, это не последний прецедент [4: с. 244].

Бразильское правительство, а также СМИ и общественные организации, несмотря на то, что на сегодняшний день не так уж велико количество людей, причисляющих себя к русскому этносу, все же периодически проводят Дни русского языка в Бразилии, Дни России в Латинской Америке и другие подобные акции.

Особое внимание тема русской диаспоры в Бразилии получила в 2009 году, поскольку этот год считается столетним юбилеем начала русской эмиграции в Бразилию. В это время было подготовлено несколько видеорепортажей и статей в печатных СМИ о жизни староверов, об открытии русской балетной школы в Рио-де-Жанейро, о русских традициях и обычаях и т.д. При этом стоит заметить, что освещение вопроса о современной русской диаспоре и русской эмиграции в историческом разрезе происходит не всегда верно. Так, в качестве причины переселения русскоязычного населения в Бразилию практически всегда называется гонение большевиков и эмиграция по политическим причинам. Однако первая волна русской эмиграции никак не была связана с приходом к власти в России коммунистической партии. И причины их переезда носили, прежде всего, экономический характер.

Однако, несмотря на допускаемые неточности, сам факт интереса бразильских СМИ и общественных организаций к русской эмиграции и русской диаспоре не может не радовать, особенно в свете недавнего потепления бразильско-российских отношений на всех уровнях власти.

Более остро стоит вопрос о позиции российского правительства по отношению к русской эмиграции в Бразилии в частности и в Латинской Америке в целом. Или, вернее сказать, практически полное отсутствие данной позиции как таковой. Так, если бразильские СМИ уделили определенное внимание столетию с начала русской эмиграции в Бразилию, то русские СМИ, фактически, эту дату проигнорировали. Более того, далеко не все жители РФ вообще знают о том, что в Бразилии есть русская диаспора, что там живут и умудряются сохранять свои культурные и духовные традиции выходцы из России.

Хотя, справедливости ради стоит сказать, что единичные попытки наладить связь с выходцами из России, проживающими в Бразилии, предпринимаются. К примеру, в 2002 году Научный Центр Русской Церковной Музыки имени протоиерея Димитрия Разумовского организовал научную экспедицию с целью изучения жизни и культуры старообрядцев Бразилии [4: с. 243].

Правда, такие мероприятия очень немногочисленны и проводятся, как правило, по инициативе конкретных религиозных или общественных организаций, которые на собственные средства пытаются реализовывать общественно важные и значимые проекты. В то же время со стороны политических организаций и руководства страны такие попытки практически не предпринимаются. И это тем более удивительно на фоне потепления отношений между Россией и Бразилией в политическом и экономическом планах.

Правда, стоит отметить, что с 1991 г. в России прошло уже четыре Конгресса соотечественников (два из них в Москве, два в Санкт-Петербурге), в которых приняли участие в том числе и выходцы из России, живущие в Бразилии, и не желающие забывать свои исторические корни. Данные мероприятия поддерживают на правительственном уровне, более того, в них принимают участие представители высшего руководства страны (к примеру, на конгрессе, проходившем в 2009 году, выступил президент РФ Дмитрий Медведев), что вселяет определенные надежды. Однако данных мероприятий явно недостаточно. Тем более, что очень маленькое число русских эмигрантов, проживающих в Бразилии, могут себе позволить прилететь в Россию просто ради участия в конгрессе.

Думается, российскому правительству стоит уделять больше внимания диаспорам, живущим за границей, поскольку поддержание культурных связей с выходцами из России, позволит не только эмигрантам сохранить свою культурную самоидентификацию, но и гражданам РФ, живущим на территории страны, глубже понять свои исторические корни, ощутить, насколько многолик и в то же время един русский народ.

Литература

1. Балдин С.Н. Время для возвращения наступило / С.Н. Балдин // Латинская Америка. – 2007. – №10. – С. 27–32.
2. Давыдов В.М. Латиноамериканский год России / В.М. Давыдов // Латинская Америка. – 2005. – № 1. – С. 42–45.
3. Во время рабочей поездки Дмитрий Медведев посетил Перу, Бразилию, Венесуэлу и Кубу // Информационная телепрограмма «Время». – Эфир от 30 ноября 2008 г. – <http://www.1tv.ru/news/polit/37170>.
4. Дынникова И.В. Старообрядцы Бразилии: жизнь и традиции / И.В. Дынникова // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы VI Научно-практической конференции (Москва, 19–20 ноября 2002 г.). – М.: Индрик, 2002. – С. 241–244.
5. Королев Н.В. Страны Латинской Америки в международных отношениях / Н.В. Королев. – Кишинев: ЦАИ, 1962. – 306 с.

6. *Королев Н.В.* Страны Южной Америки и Россия (1890–1917) / Н.В. Королев. – Кишинев: ЦАИ, 1972. – 287 с.
7. *Мартынов Б.Ф.* «Золотой канцлер». Барон Рио-Бранко — великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. – М.: ИЛА РАН, 2004. – 154 с.
8. *Мартынов Б.Ф.* Имидж России и его восприятие в Бразилии / Б.Ф. Мартынов. – М.: ИЛА РАН, 2009. – 144 с.
9. Образ России — взгляд из Латинской Америки / Отв. ред. В.П. Сударев – М.: ИЛА РАН, 2009. – 98 с.
10. *Паласио М.* «Русский и бразильский народ роднит сильное религиозное чувство»: Беседа со священником Василием Гелеваном, настоятелем храма во имя Св. мученицы Зинаиды в Рио-де-Жанейро / Мигель Паласио // Интернет-журнал «Православие». 22 ноября 2009 г. – <http://www.pravoslavie.ru/guest/33252.htm>
11. Русское зарубежье в Латинской Америке / Отв. ред. А.И. Сизоненко. – М.: ИЛА РАН, 1993. – 80 с.
12. *Сизоненко А.И.* Русские в Латинской Америке (очерки) / А.И. Сизоненко. – М.: ИЛА РАН, 2005. – 164 с.
13. *Сизоненко А.И.* Русские открывают Латинскую Америку / А.И. Сизоненко. – М.: ИЛА РАН, 1992. – 113 с.
14. *Сизоненко А.И.* Русские соотечественники в Латинской Америке: судьбы, проблемы, будущее / А.И. Сизоненко // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы IV Конвента РАМИ (МГИМО, сентябрь 2006 г.): в 10-ти тт. / Под ред. А.В. Шестопала, Л.С. Окуневой, С.М. Хенкина. – Т. 7: Испания и Латинская Америка в мировой политике. – М.: МГИМО, 2007. – С. 134–141.
15. Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
16. *Хисамутдинов А.А.* Наши соотечественники за рубежом. Русские в Бразилии / А.А. Хисамутдинов // Латинская Америка. – 2005. – № 9. – С. 86–100.
17. Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. – <http://www.ibge.gov.br>
18. *Levy C.J.* Its Population Falling, Russia Beckons Its Children Home / C.J. Levy // The New York Times. – 03/21/2009. – PP. 8–9.
19. *Palacio M.* «Many Clergymen and Laity of the South-American Diocese are isolated from the rest of the Church»: A conversation with the First Hierarch of ROCOR, His Eminence Metropolitan Hilarion of Eastern America and New York / Miguel Palacio // Интернет-журнал «Православие». – 24/04/2010. – <http://www.pravoslavie.ru/english/34983.htm>

References

1. *Baldin S.N.* Vremya dlya vozvrashheniya nastupilo / S.N. Baldin // Latinskaya Amerika. – 2007. – № 10. – S. 27–32.
2. *Davy'dov V.M.* Latinoamerikanskij god Rossii / V.M. Davy'dov // Latinskaya Amerika. – 2005. – № 1. – S. 42–45.
3. Vo vremya rabochej poezdki Dmitrij Medvedev posetil Peru, Braziliyu, Venesue'lu i Kubu // Informacionnaya teleprogramma «Vremya». – E'fir ot 30 noyabrya 2008 g. – <http://www.1tv.ru/news/polit/37170>
4. *Dy'nnikova I.V.* Staroobryadcy' Brazilii: zhizn' i tradicii / I.V. Dy'nnikova // Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy' VI Nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 19–20 noyabrya 2002 g.). – М.: Indrik, 2002. – S. 241–244.

5. *Korolev N.V.* Strany' Latinskoj Ameriki v mezhdunarodny'x otnosheniyax / N.V. Korolev. – Kishinev: CAI, 1962. – 306 s.
6. *Korolev N.V.* Strany' Yuzhnoj Ameriki i Rossiya (1890–1917) / N.V. Korolev. – Kishinev: CAI, 1972. – 287 s.
7. *Marty'nov B.F.* «Zolotoj kanczler». Baron Rio-Branko — velikij diplomat Latinskoj Ameriki / B.F. Marty'nov. – M.: ILA RAN, 2004. – 154 s.
8. *Marty'nov B.F.* Imidzh Rossii i ego vospriyatie v Brazilii / B.F. Marty'nov. – M.: ILA RAN, 2009. – 144 s.
9. *Obraz Rossii* — vzglyad iz Latinskoj Ameriki / Otv. red. V.P. Sudarev – M.: ILA RAN, 2009. – 98 s.
10. *Palasio M.* «Russkij i brazil'skij narod rodnit sil'noe religioznoe chuvstvo»: Beseda so svyashhennikom Vasiliem Gelevanom, nastoyatelem xrama vo imya Sv. mucheniczy' Zinaidy' v Rio-de-Zhanejro / Migel' Palasio // Internet-zhurnal «Pravoslavie». 22 noyabrya 2009 g. – <http://www.pravoslavie.ru/guest/33252.htm>
11. *Russkoe zarubezh'e v Latinskoj Amerike* / Otv. red. A.I. Sizonenko. – M.: ILA RAN, 1993. – 80 s.
12. *Sizonenko A.I.* Russkie v Latinskoj Amerike (očerki) / A.I. Sizonenko. – M.: ILA RAN, 2005. – 164 s.
13. *Sizonenko A.I.* Russkie otkry'vayut Latinskuyu Ameriku / A.I. Sizonenko. – M.: ILA RAN, 1992. – 113 s.
14. *Sizonenko A.I.* Russkie sootchestvenniki v Latinskoj Amerike: sud'by', problemy', budushhee / A.I. Sizonenko // Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodny'x otnosheniyax: materialy' IV Konventa RAMI (MGIMO, sentyabr' 2006 g.): v 10-ti tt. / Pod red. A.V. Shestopala, L.S. Okunevoj, S.M. Xenkina. – T. 7: Ispaniya i Latinskaya Amerika v mirovoj politike. – M.: MGIMO, 2007. – S. 134–141.
15. *Sociologiya: e'nciklopediya* / Sost. A.A. Griczanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshhenko. – Mn.: Knizhny'j Dom, 2003. – 1312 s.
16. *Xisamutdinov A.A.* Nashi sootchestvenniki za rubezhom. Russkie v Brazilii / A.A. Xisamutdinov // Latinskaya Amerika. – 2005. – № 9. – S. 86–100.
17. Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. – <http://www.ibge.gov.br>
18. *Levy C.J.* Its Population Falling, Russia Beckons Its Children Home / C.J. Levy // The New York Times. – 03/21/2009. – PP. 8–9.
19. *Palacio M.* «Many Clergymen and Laity of the South-American Diocese are isolated from the rest of the Church»: A conversation with the First Hierarch of ROCOR, His Eminence Metropolitan Hilarion of Eastern America and New York / Miguel Palacio // Internet-zhurnal «Pravoslavie». – 24/04/2010. – <http://www.pravoslavie.ru/english/34983.htm>

ИСТОРИОГРАФИЯ

И.Б. Куликова

Поле жертвоприношений и Поле тростника: к историографии проблемы

Понятия «Поле тростника» (Поле иару, сехет иару, *šht i3rw*) и «Поле жертвоприношений» (Поле покоя, Поле хетеп(y), сехет хетеп(y), *šht ḥtp(w)*) — одно из важнейших в древнеегипетских заупокойных верованиях. Несмотря на то, что при изучении различных аспектов религии египтологи довольно часто обращались к анализу представлений об этих районах, научных работ, непосредственно им посвященных, относительно немного. Цель настоящей статьи — рассмотрение аспектов проблемы Поля тростника и/или Поля жертвоприношений, нашедших отражение именно в таких специальных исследованиях.

Проблема Поля тростника и Поля жертвоприношений привлекла внимание исследователей еще в XIX веке. Одним из первых специальное исследование Полю тростника посвятил Виктор Лоре. В статье «Поле сыти», опубликованной в 1890 г. в «Сборнике трудов по египетской и ассирийской филологии и археологии», он обращается к анализу слов, составляющих понятие «Поле *aaru*». Исследователь приходит к выводу, что оба слова были связаны с растениями, характерными для заболоченной местности (камышами, тростниками), и предлагает переводить название этого района загробного мира как «Поле сыти» [20: р. 201]. Следуя за Гастоном Масперо, В. Лоре указывает, что изначально Поле сыти мыслилось как место, расположенное в Дельте и носящее такое же название. Однако по мере ее заселения оно переместилось сначала в Азию, затем в район Финикии и, наконец, на небо [20: р. 198–199]. К сожалению, исследователь не объясняет, как он пришел к таким выводам. При анализе природы Поля сыти В. Лоре опирается на «Книгу мертвых» и игнорирует свидетельства более ранних источников, хотя при этом подробно рассматривает написание этого понятия в пирамидах царей V–VI династии [20: р. 200]. Проблемы соотношения понятия «Поле сыти» с понятием «Поле жертвоприношений» исследователь не затрагивает.

Эжен Лефевюр в статье «Египетский рай», опубликованной в 1900 г. в журнале «Сфинкс», также подробно исследовал значение обоих слов, составляющих название *Sexet aaru* [17: р. 194–201]. Он приходит к выводу, что слово «аару» связано отнюдь не с тростником или другим болотным растением, а со словом «ар» («стебель», «росток») и с идеей прорастания [17: р. 201]. Поэтому он отвергает идею о первоначальном расположении этого места в Дельте Нила. Названия же земных районов *Sexet aaru* и *Sexet hetep*, находившихся, соответственно, в XIX и X номах Нижнего Египта исследователь считает, скорее, пришедшими из мифологии, нежели перенесенными в загробный мир из реальной географии Египта [17: р. 204–205]. Важно отметить, что ученый старается сопоставить оба поля, проследить между ними связь. Несомненная заслуга Э. Лефевюра в том, что он, хоть и кратко, рассматривает упоминания о Поле аару и Поле жертвоприношений не только в «Текстах пирамид» и «Книге мертвых», но также в книге «Амдуат» и «Книге небесной коровы».

Герман Кеес в труде «Заупокойные верования и представления древних египтян о загробном мире», впервые изданном в 1926 году, также затронул проблему Поля тростника и Поля жертвоприношений. Впоследствии он обобщил свои выводы в небольшой статье «Поле иару», вошедшей в изданный в 1952 году «Справочник по истории египетской религии» Ганса Бонне. Г. Кеес описывает Поле тростников и Поле жертвоприношений как одно и то же место, находящееся, согласно «Текстам пирамид» на востоке неба [15: s. 161]. Представления о нем были включены в гелиопольскую доктрину и в дальнейшем вошли в «Тексты саркофагов» и «Книгу мертвых», продолжавших связывать его с востоком и солнечным богом [15: s. 161]. При этом автор обращает внимание на существование альтернативной версии местонахождения Поля в северной части неба, в области околополярных звезд. Он также отмечает появление в период раннего Среднего царства карт Поля иару, которые стали прообразом виньетки к главе 110 «Книги мертвых», и связь этого места с Осирисом [15: s. 162]. Однако трудно согласиться, что Поле иару представляло собой загробный идеал египетского крестьянина [15: s. 161]. Идея Г. Кееса о тождестве Поля тростника и Поля жертвоприношений также представляется ошибочной [2: р. 52–55].

Затем появились сразу две монографии, специально посвященные исследованию данной проблемы. Первая из них, «Поле тростников и Поле жертвоприношений в заупокойной религии и религии в целом», принадлежала перу Раймона Вейля и была опубликована в 1936 г. Большое внимание автор уделяет проблеме возникновения представлений об этих районах. Он исследует путешествие умершего к Полю жертвоприношений по источникам разных периодов. Следует отметить, что в своем труде он использует не только «Тексты пирамид» и «Книгу мертвых», что было традиционным для данной тематики, но и свидетельства Среднего царства. Он начинает с изучения необычного иероглифа, который изображает человека, запрыгивающего (?) на спину

быка [27: р. 1–4]. Эта идеограмма встречается вместе с упоминанием Поля жертвоприношений в надписи Древнего царства, предположительно происходящей из Абусира [6: s. 140]. Р. Вейль приходит к выводу, что бык охранял вход в Поле жертвоприношений, и умершему необходимо было его победить, дабы попасть в этот район загробного мира [27: р. 35–36]. Исследуя проблему принадлежности и значения Поля тростников и Поля жертвоприношений, исследователь так же, как и его предшественники, обращает внимание на существование земных областей, носивших такие же названия (*sht htp* в X номе Нижнего Египта и *sht izrw* в XIX номе). Автор высказывает предположение, что они были перенесены в реальность из мифологии [27: р. 67–70], разделяя, таким образом, точку зрения Э. Лефевюра. Изучив локализацию этих районов в загробном мире, ученый приходит к выводу, что оба поля, начиная с «Текстов пирамид» и заканчивая «Книгой мертвых», были тесно связаны с солнечным богом, который их создал, и умерший мог туда попасть, только следуя за ним [27: р. 103]. Местонахождение Поля тростников на востоке, а Поля жертвоприношений на западе, исследователь связывает с солярной доктриной, разработанной в Гелиополе. Он считает, что первое находилось в некоей невидимой области восточного горизонта, где умерший присоединялся к солнечному богу, чтобы путешествовать вместе с ним на запад, к Полю жертвоприношений, или Полю покоя [27: р. 103–104]. С проникновением в эти представления осирической доктрины Поле жертвоприношений как расположенное на западе легко превратилось во владения этого бога. Оно подверглось «осиризации» уже в «Книге двух путей», явившейся прообразом главы 110 «Книги мертвых» [27: р. 44–47]. Однако обращавшийся позднее к этой проблеме Леонард Леско высказал на этот счет сомнения [19: р. 100]. Следует также отметить, что «Тексты пирамид» едва ли позволяют столь уверенно локализовать Поле жертвоприношений на западе [1: с. 63–65].

Вторая монография «О Поле тростников и Поле жертвоприношений» вышла в 1940 году. Ее автор, Аббас Байуми, разделяет мнение Р. Вейля о том, что Поле тростников и Поле жертвоприношений представляли собой разные районы загробного мира [5: р. 65–66]. Однако, проанализировав свидетельства источников, он приходит к другим выводам об их значении, локализации и связи с богами. С его точки зрения, Поле тростников располагалось на юго-востоке неба и являлось районом, тесно связанным с Хораhti, а впоследствии и с Ра. Этот район был местом очищения солнечного бога и сопровождающего его умершего фараона. Позднее, в «Книге мертвых», Поле тростников видоизменилось, переместилось под землю и стало владением Осириса, превратившись в место, где умерший возделывает землю [5: р. 70–80]. Поле жертвоприношений, по мнению А. Байуми, изначально было местом пребывания умершего и находилось на северо-востоке неба, а затем благодаря «осирической доктрине» сместилось на запад и стало считаться местом пребывания умерших и загробного блаженства [5: р. 97].

Первым владыкой этого района автор считает Хора Дуата или даже Шу. Вообще исследователь придерживается той точки зрения, что в представлениях об обоих Полях нашли отражение три разные религиозные доктрины: изначально эти области были связаны с Хором, затем с Осирисом и впоследствии с Ра [5: р. 66–68, 113–114]. Автор пришел к выводу, что следует говорить, скорее, о незавершенной «соляризации» изречений, связанных с Осирисом, нежели об «осиризации» текстов [5: р. 115]. Трудно согласиться с выводом А. Байуми о том, что «Тексты саркофагов» не могут значительно расширить сведения об обоих Полях [5: р. 70], в связи с чем в его работе, в отличие от монографии Р. Вейля, тексты Первого переходного периода и Среднего царства практически не упоминаются. Однако, справедливости ради, следует отметить, что на момент выхода книги автор, возможно, не имел доступа ко многим источникам, изданным позднее [7].

После публикации двух упомянутых монографий исследователи занялись изучением отдельных аспектов проблемы, не пытаясь более обобщить их в рамках одного исследования.

В приложении к переводу «Текстов пирамид», вышедшему в 1952 году, Сэмюел Мерсер специально остановился на проблеме Поля тростника и Поля жертвоприношений в этом источнике. Анализируя свидетельства о природе этих двух районов загробного мира, он приходит к выводу, что в обоих случаях при переводе уместнее употреблять слово «болото», нежели «поле» [22: р. 65–66]. Перевод *ḫrw* как «тростники», с точки зрения С. Мерсера, не вызывает сомнений, в то время как *ḫtp* помимо «жертвоприношение» иногда допустимо переводить как «покой». Последнее значение обусловлено тесной связью *ḫt* *ḫtp* с Осирисом, которого называли «усталым» [22: р. 65–66]. Следует отметить, что указанные С. Мерсером фрагменты изречений (§ 260b, 721d, 1500c, 2092a, 2093a) свидетельствуют, скорее, о стремлении Осириса/царя *не пребывать* в состоянии покоя и неподвижности. Да и значение Болота/Поля жертвоприношений для умершего царя не имеет ничего общего с «упокоением», а тесно связано с получением им пищи и утолением жажды [1: с. 65–67]. Несмотря на предложенное толкование, в самом переводе «Текстов пирамид» С. Мерсер везде использует словосочетание «Болото жертвоприношений» за исключением одного случая (§ 471b). Исследователь также останавливается на проблеме локализации Болота тростника и Болота жертвоприношений. Первое, по его мнению, располагалось на востоке, в некоем месте, которое отделяло подземный мир от неба и могло считаться частью их обоих [22: р. 67]. Что касается Болота жертвоприношений, то изначально оно находилось на востоке, а затем, в процессе «осиризации» текстов, постепенно утратило свою солнечную принадлежность и переместилось на запад [22: р. 67]. Однако С. Мерсеру в целом импонирует точка зрения, высказанная Генри Франкфортом [11: р. 113]: фараон после смерти не желал оставаться на одном месте, а стремился находиться в постоянном движении вместе с солнцем и Вечными звездами. Поэтому Болотом тростников и Болотом жертвоприношений могло стать любое

место на небе, где царственный покойник пребывал в конкретный момент этого круговорота [22: р. 68].

В статье «Поле Хетеп в египетских Текстах саркофагов», опубликованной в 1972 году в «Журнале Американского исследовательского центра в Египте», Леонард Леско приводит собственный перевод Изречений 464–468 «Текстов саркофагов», а также исследует контекст, в котором они появляются. Он отмечает, что именно эта группа представляет раннюю версию главы 110 «Книги мертвых», описывающей Поле бога Хетеп [19: р. 89]. Л. Леско делает важное наблюдение, что все саркофаги, содержащие изречения этой группы и вошедшие в издание А. де Бука [7], происходят из эль-Берше и что на всех также встречается «Книга двух путей», включающая другие тексты, связанные с Полем Хетеп. Изучая расположение интересующих его изречений на саркофагах, исследователь приходит к нескольким важным выводам. Изменения в размещении и полноте указанных текстов Л. Леско справедливо связывает, прежде всего, с особенностью СТ 466, которое представляло собой раннюю версию знаменитой виньетки к главе 110 «Книги мертвых» [19: р. 89–90]. Поскольку каждое из изречений — СТ 464, 466 и 467 (вариантом которого является СТ 468) — представляло собой достаточно полное описание Поля Хетеп, то они, по мнению автора, могли быть отражениями различных традиций, которые писцы пытались скомпилировать [19: р. 99–100]. Остановившись на проблеме тождества Поля тростника и Поля Хетеп и кратко рассматривая точки зрения Р. Вейля, А. Байуми и Г. Кееса, Л. Леско приходит к выводу, что Поле тростника было тождественно Полю Хетеп, а его описание стало всего лишь еще одной версией описания последнего. Однако при этом автор допускает возможность, что изначально эти Поля были разными, и лишь затем подверглись синкретизму [19: р. 100–101].

В статье «Возвращаясь к Полю J3RW», опубликованной в 1972 году в журнале «Антропологическая лингвистика», Эдмунд Мелтцер обращается к изучению названия этого района загробного мира. Он опровергает вывод Карлтона Ходжа, что слово «*izriw*» должно переводиться как «предки», и настаивает на изначальном значении «тростники» [21: р. 24]. Говоря о значении *sh*t, исследователь приходит к выводу, что вместо слова «поле» уместнее было бы использовать «болото» [21: р. 23–24], полностью разделяя точку зрения С. Мерсера.

Среди других работ, посвященных проблеме Поля жертвоприношений необходимо отметить три взаимосвязанные статьи, посвященные интерпретации древнеегипетских жертвенных сцен. Первая из них, «Половинки хлебов и листья тростника», вышла в 1973 году. Ее автор Питер Мунро высказал предположение, что изображения тростника на жертвенных столиках связаны с идеей Поля жертвоприношений как источника необходимой покойному пищи [24: s. 15].

В статье «Новое истолкование так называемых хлебов в египетских сценах жертвоприношения», вышедшей в 1979 году в «Журнале Американского исследовательского центра в Египте», Чарльз Уоршам в целом приходит к тем же вы-

водам, что и П. Мунро, хотя и не упоминает о работе последнего. По его мнению, на жертвенных столиках, начиная с VI династии и позже, часто изображаются во все не «искаженные» половинки хлебов, как считалось ранее, а цветущие тростники [28: р. 8]. Исследователь утверждает, что изначально это действительно были хлебы. Однако в конце Древнего царства художники попытались объединить идею подношения пищи с идеей Поля жертвоприношений как места, где умерший всегда сможет получить пропитание [28: р. 9–10].

Маттье Хеерма ван Восс в небольшой статье «Два Поля жертвоприношений как жертвенный столик», увидевшей свет в 1984 году, поддерживает точку зрения П. Мунро и Ч. Уоршама. Исследователь приводит несколько примеров из источников разного времени («Текстов саркофагов», «Книги мертвых» XXI династии и гробницы Ипуемра (XVIII династии), а также титул эпохи Древнего царства), которые позволяют интерпретировать жертвенный столик как два Поля жертвоприношения [14: s. 805–807].

В 1975 году вышел первый том «Словаря по египтологии», обобщающий последние научные достижения в этой области. В статье «Поле иару» Жан Леклан описал Поле тростников и Поле жертвоприношений как две разные области загробного мира, связанные друг с другом, но имеющие разное значение для умершего. Первое представляло район, который покойный пересекал, в то время как второе выступало местом его пребывания. Поле тростников располагалось на востоке неба и было тесно связано с солнечным богом и Утренней звездой, а также с идеей очищения царя. Оно было включено в гелиопольскую доктрину, что подтверждает его тесная связь с Шу и Тефнут [16: Kol. 1156–1157]. В «Текстах саркофагов», как и в «Книге мертвых», Поле тростника продолжало оставаться тесно связанным с Полем жертвоприношений и считалось расположенным на востоке неба. Повторяя идею Г. Кееса, Ж. Леклан говорит о превращении Поля тростника в идеал египетского крестьянина [16: Kol. 1157]. Он отмечает, что Поле тростника упоминается в «Книге дня и ночи» [16: Kol. 1158], а также указывает на существование в Поздний период реальной местности, носившей название мифического района.

В статье «О популярности *sh-t-htp* в Древнем царстве: исследование возможных прототипов виньетки СТ V, 353 – СТ V, 363 § 466 в масштабах этого периода», опубликованной в «Бюллетене Общества египтологии Женевы», Изабелла Леонарди обращается к изучению прообразов, легших в основу Изречения 466 «Текстов саркофагов». Исследовательница касается интересной проблемы титула «Начальника Поля жертвоприношений», который встречается в надписях Древнего царства крайне редко. Носители этого титула, по ее мнению, обеспечивали поступление жертвоприношений царю, то есть Поле жертвоприношений (*sh-t-htp*) представляло собой вполне реальное, земное, владение, а не только район загробного мира [18: р. 103–104]. Автор обращает внимание, что названия различных частей Поля жертвоприношений, встречающихся в СТ 466, в период Древнего царства упоминаются при обозначении заупокойных владений [18: р. 104–105].

И. Леонарди также отмечает, что мотив плавания к Полю жертвоприношений в гробницах V–VI династий был «в моде». Однако с этим трудно согласиться, поскольку известно лишь несколько примеров таких изображений (в гробницах Канинисута [25: s. 93], Мериба [10: s. 97], Нианххнума и Хнумхотепа [23: Abb. 11], Ахетхотепа [29: p. 138], а также на блоках № 1696 из Египетского музея в Каире¹). Исследовательница выдвигает интересное предположение, что художник, составлявший виньетку к Изречению 466, объединил в силу ограниченности места несколько отдельных сюжетов: сельскохозяйственные работы во владениях умершего, процессию с подношениями и плавание к Полю жертвоприношений [18: p. 106].

Тему путешествия к Полю жертвоприношений затрагивает и Хартвиг Альтенмюллер в статье «“Праздник Белого бегемота” и “Поле жертвоприношений”», опубликованной в 1994 г. Она посвящена интерпретации изображений «Праздника Белого Бегемота», которые, по мнению автора, представляют собой не охоту, а посещение царем Поля жертвоприношений [4: p. 40]. Само Поле жертвоприношений в таком случае рассматривается не как область загробного мира, а как некое земное пространство, в доказательство чего исследователь приводит упомянутые выше надписи из гробниц Древнего царства [4: p. 41] (за исключением каирского рельефа). Х. Альтенмюллер считает, что различные способы плавания к этому району, отраженные в рельефах, позволяют локализовать этот район в XI или же VII номе Нижнего Египта [4: p. 41]. Поле жертвоприношений, по его мнению, является владением богини Хатхор [4: p. 42].

В статье «Поле тростника (Поле жертвоприношений, Поле иару)» [26: p. 99–100] в «Словаре древнего Египта» Иана Шо и Пола Николсона, впервые изданном в 1995 году и выдержавшем несколько переизданий, оба района явно рассматриваются как одно и то же место, представляющее собой к тому же владение Осириса. Авторы упоминают о традиции изображать на жертвенных столиках тростники вместо хлебов, однако связывают это явление не с идеей Поля жертвоприношений / тростника, а с идеей «поля» (*shyt*) как такового — понятия, являвшегося синонимичным плодородию и изобилию. Стоит отметить, что в этой краткой статье Поле тростника упоминается только в связи с «Книгой мертвых», хотя в качестве одной из рекомендованных для дальнейшего чтения работ названа статья Л. Леско, посвященная изучению этого района в «Текстах саркофагов».

Интересные аспекты проблемы Поля тростника (Поля Иалу) затрагивает в статье «Великий бог Илу и Поле Иалу», опубликованной в 1996 году на английском языке, Михаил Андреевич Чегодаев. Исследуя сущность этого района

¹ Речь идет о блоках из гробницы Древнего царства, помеченных этим номером и выставленных в зале №46. В каталоге, изданном Л. Борхардтом, под №1696 представлена надпись Древнего царства из Абусира (?), которая также содержит упоминание о Поле жертвоприношений [6: s. 140]. С анализа именно этой надписи начинается свое исследование Р. Вейль [27: p. 1–4]. В базе данных музея информация о рельефе, изображающем плавание к Полю жертвоприношений, отсутствует.

загробного мира в «Книге мертвых», он приходит к важному заключению, что представление об этом месте как о египетском «рае», где умершие обретают вечное блаженство и исполнение всех своих желаний, не соответствует источнику. Поле Иалу представляет собой место, где умершие трудятся для богов, собирая для них невиданные урожаи [8: р. 16–17]. «Рай» же больше напоминает Поле Хотеп, или Поле покоя. Обращаясь к его описанию в главах 149 и 150 «Книги мертвых», М.А. Чегодаев сопоставляет его части (*uaty*) с земной географией Египта и приходит к выводу, что Поле Иалу в таком случае должно было мыслиться как расположенное в районе Абидоса [8: р. 18]. По его мнению, Поле Иалу изначально считалось владением Великого Бога, сотворившего вселенную и впоследствии «разделившегося на солнечного бога и бога подземного мира» [8: р. 19]. К сожалению, формат журнала не предполагает сносок, а затронутые проблемы, по признанию самого автора, представляют собой лишь предварительные заключения, которые вызывают много вопросов и требуют дальнейшего изучения. Следует отметить, что это единственное исследование в отечественной историографии, непосредственно посвященное данной проблеме, если не считать краткой статьи Ревекки Ионовны Рубинштейн в энциклопедии «Мифы народов мира», впервые вышедшей в 1980 году. Исследовательница описывает поля иару как райские, отождествляя их с загробным миром. При этом она указывает, что в «Текстах пирамид» это место располагалось на востоке неба и было местом блаженства фараона. Впоследствии поля переместились под землю и превратились в идеал народа-земледельца [3: с. 477].

В 1997 году Юдит Гезеллензетгер написала диссертацию «Поле иару: исследование виньетки к главе 110 египетской Книги мертвых». В ней были подробно изучены все детали изображений указанной виньетки начиная с XVIII династии до Позднего периода в разных источниках (папирусах, рельефах, бинтах мумий, стенах гробниц и храмов), а также представлен их каталог [12: s. 229–267]. Автор пришла к выводу, что порядок отдельных сцен с течением времени менялся. Она установила, что в изображениях можно выявить локальные традиции, а также выработала определенные критерии датирования в зависимости от стилистических особенностей.

В статье «Рай», вошедшей в изданную в 2001 году «Оксфордскую энциклопедию древнего Египта», Якобус ван Дийк отмечает, что четких представлений о неизменном месте, где пребывали блаженные умершие в древнеегипетской религии не существовало. Да и само понятие «Рай» едва ли можно применить к месту, где они живут. Исследователь отмечает тесную связь Поля тростника и Поля жертвоприношений в «Текстах пирамид» и указывает, что невозможно с уверенностью утверждать их тождество или отличие [9: р. 26]. Я. ван Дийк подчеркивает расположение этих районов на востоке, в том числе и в «Книге мертвых», и их явную связь с солнечным богом. Также он обращает внимание на жертвенные сцены, отмечая, что жертвенные столики иногда напрямую назывались «Полями жертвоприношений» [9: р. 26].

В статье «Изменение контекста: Поле тростника в заупокойной литературе Древнего и Среднего царства», вышедшей в 2004 году, Гарольд Хейс ставит цель проследить, как менялось значение данного понятия в указанные периоды. Исследователь приходит к выводу, что понятие «Поле тростника» активно использовалось при составлении новых текстов и играло важную роль в религиозном дискурсе [13: р. 176–177]. Обращаясь к изучению разных уровней контекста, в котором оно упоминается в «Текстах пирамид», автор выделяет в качестве основных две взаимосвязанные темы: очищение царя [13: р. 178–182] и его восхождение на небо / к «горизонту» [13: р. 182–183]. При этом Г. Хейс совершенно справедливо отмечает, что Поле тростника отнюдь не всегда было местом, которое умерший просто пересекал, как полагал Ж. Леклан, а часто оказывалось целью путешествия [13: р. 187–189]. Эта традиция нашла продолжение в «Текстах саркофагов», в то время как связь данного района с идеей восхождения на небо и идеей очищения прервалась [13: р. 189]. После периода Древнего царства Поле тростника превратилось в объект знания [13: р. 189–191] и место получения пищи [13: р. 198–199]. Г. Хейс приходит к интересному выводу, что составители этих двух памятников заупокойной литературы были знакомы с содержанием других изречений и постоянно объединяли разные идеи, создавая, таким образом, новые тексты [13: р. 200]. Заслуживает внимания и его методика исследования.

Подводя итог, следует отметить, что многие аспекты проблемы Поля тростника и Поля жертвоприношений нашли отражение в приведенных выше работах. И между тем разнообразие мнений и наличие диаметрально противоположных точек зрения ясно показывают, что эта проблема далека от разрешения. Комплексного исследования представлений о Поле тростника и Поле жертвоприношений на протяжении всей истории древнего Египта не существует ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Очевидно, что назрела необходимость более подробного изучения данной проблемы на материалах «Текстов саркофагов». Отдельного исследования, несомненно, заслуживают и упоминания Поля тростника и Поля жертвоприношений в так называемых «Книгах загробного мира», практически не затронутые в приведенных выше работах. Проблемы топографии и локализации этих двух районов, их тождества и различия, а также их значения для умершего и их связи с различными богами заслуживают пристального внимания и подробного изучения с привлечением всех доступных источников. Для понимания эволюции представлений об этих районах загробного мира на протяжении всех периодов истории древнего Египта перспективным представляется исследование контекста упоминаний этих понятий в текстах разных эпох.

Литература

1. Куликова И.Б. К вопросу о местонахождении и значении Поля жертвоприношений в «Текстах пирамид» / И.Б. Куликова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2010. – № 1 (5). – С. 60–71.

2. Куликова И.Б. Поле тростника в «Текстах пирамид» / И.Б. Куликова // Открытия минувшего: История древности. – М.: МГПУ, 2003. – С. 46–56.
3. Рубинштейн Р.И. Иару / Р.И. Рубинштейн // Мифы народов мира / Гл. ред. С.А. Токарев. – Т. 1. – 2-е изд. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 1998. – С. 477.
4. Altenmüller H. Das “Fest des weissen Nilpferds” und das “Opfergefilde” / H. Altenmüller // Berger C., Clerc G., Grimal N. (éds.) Hommages à Jean Leclant (Bibliothèque d'étude 106) – Vol. 1: Études pharaoniques. – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1994. – P. 29–44.
5. Bayoumi A. Autour du Champ des Souchets et du Champ des Offrandes / A. Bayoumi. – Le Caire: Imprimerie Nationale Boulac, 1940. – 123 p.
6. Borchardt L. Dankmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo, Nr. 1295–1808 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, Nos 1295–1808) / L. Borchardt. – Teil II: Text und Tafeln zu Nr. 1542–1808. – Le Caire: Organisme Général des Imprimeries Gouvernementales, 1964. – 220 S.
7. Buck A. de, The Egyptian Coffin Texts / A. de Buck. – Vol. I-VII. – Chicago: The University of Chicago Press, 1935–1961.
8. Chegodaev M. The Great God 'Ilu and the Field of Ialu / M. Chegodaev // Discussions in Egyptology. – 1996. – 36. – P. 15–20.
9. Dijk J. van, Paradise / J. van Dijk // Redford D. (ed.) The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt. – Vol. 3. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2001. – P. 25–27.
10. Droste zu Hülshoff V. von, Der Igel im alten Ägypten (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 11) / V. von Droste zu Hülshoff. – Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1980. – xiv + 302 S.
11. Frankfort H. Ancient Egyptian Religion: An Interpretation / H. Frankfort. – New York: Columbia University Press, 1948. – xiv + 172 p.
12. Gesellensetter J.S. Das Sechet-Iaru. Untersuchungen zur Vignette des Kapitels 110 im Agyptischen Totenbuch / J.S. Gesellensetter. – Würzburg, 1997. – 341 S.
13. Hays H.M. Transformation of Context: The Field of Rushes in Old and Middle Kingdom Mortuary Literature / H.M. Hays // Bickel S., Mathieu B. (éd.) D'un monde à l'autre. Textes des Pyramides & Textes des Sarcophages: Actes de la table ronde internationale “Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages”, Ifao – 24–26 septembre 2001 (Bibliothèque d'étude 139). – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2004. – P. 175–200.
14. Heerma van Voss M. Die beiden Opfergefilde als Opfertisch / M. Heerma van Voss // Junge F. (Hrsg.) Studien zu Sprache und Religion Ägyptens. Zu Ehren von Wolfhart Westendorf überreicht von seinen Freunden und Schülern. – Bd. 2: Religion. – Göttingen: Seminar für Ägyptologie und Koptologie, 1984. – S. 805–807.
15. Kees H. Earu-Gefilde / H. Kees // Bonnet H. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. – Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1952. – S. 161–162.
16. Leclant J. Earu-Gefilde / J. Leclant // Helck W., Otto E. (Hrsg.) Lexikon der Ägyptologie. – Bd. I. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1975. – Kol. 1156–1160.
17. Lefébure E. Le Paradis Égyptien / E. Lefébure // Sphinx. Revue critique embrassant le domaine entier de égyptologie. – 1900. – Vol. III. – P. 191–222.
18. Leonardi I. De la vogue de sxt-Htp à l'Ancien Empire. Recherche de probables prototypes de la vignette CT V, 353 – CT V 363 § 466 parmi les mastabas de cette période / I. Leonardi // Bulletin de la Société d'Égyptologie de Genève. – 1989. – № 13. – P. 103–106.

19. *Lesko L.H.* The Field of Hetep in Egyptian Coffin Texts / L.H. Lesko // Journal of the American Research Center in Egypt. – 1971-1972. – Vol. 9. – P. 89–101.
20. *Loret V.* Le champ des souchets / V. Loret // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. – 1890. – T. 13. – P. 197–201.
21. *Meltzer E.S.* The Field of J3RW Revisited / E.S. Meltzer // Anthropological Linguistics. – 1972. – Vol. 14, № 1. – P. 23-27.
22. *Mercer S.A.B.* The Pyramid Texts in Translation and Commentary / S.A.B. Mercer. – Vol. IV: Excurses. – New York; London; Toronto: Longmans Green and Co., 1952. – 327 p.
23. *Moussa A.M., Altenmüller H.* Das Grab des Nianchchnum und Chnumhotep (Archäologische Veröffentlichungen 21) / A.M. Moussa, H. Altenmüller. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1977. – 179 s.
24. *Munro P.* Brothälften und Schilfblätter / P. Munro // Göttinger Miszellen. – 1973. – Heft 5. – S. 13–16.
25. *Satzinger H.* Das Kunsthistorische Museum in Wien: die Ägyptisch-Orientalische Sammlung (Zaberns Bildbände zur Archäologie 14) / H. Satzinger. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1994. – 120 S.
26. *Shaw I.* The British Museum Dictionary of Ancient Egypt / I. Shaw, P. Nicholson. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2002. – 328 p.
27. *Weill R.* Le Champ des Roseaux et le Champ des Offrandes dans la religion funéraire et la religion générale (Études d'égyptologie III) / R. Weill. – Paris: Paul Geuthner, 1936. – xi + 176 p.
28. *Worsham C.E.* A Reinterpretation of the So-called Bread Loaves in Egyptian Offering Scenes / C.E. Worsham // Journal of the American Research Center in Egypt. – 1979. – Vol. 16. – P. 7–10.
29. *Ziegler C.* Le mastaba d'Akhethetep. Une chapelle funéraire de l'Ancien Empire / C. Ziegler. – Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1993. – 235 p.

References

1. *Kulikova I.B.* K voprosu o mestonaxozhdenii i znachenii Polya zhertvoprinoshenij v «Tekstax piramid» / I.B. Kulikova // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». – 2010. – № 1 (5). – S. 60–71.
2. *Kulikova I.B.* Pole trostnika v «Tekstax piramid» / I.B. Kulikova // Otkry'tiya minuvshago: Istoriya drevnosti. – M.: MGPU, 2003. – S. 46–56.
3. *Rubinshtejn R.I.* Iaru / R.I. Rubinshtejn // Mify' narodov mira / Gl. red. S.A. Tokarev. – T. 1. – M.: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya», 1998. – S. 477.
4. *Altenmüller H.* Das “Fest des weissen Nilpferds” und das “Opfergefilde” / H. Altenmüller // Berger C., Clerc G., Grimal N. (éds.) Hommages à Jean Leclant (Bibliothèque d'étude 106) – Vol. 1: Études pharaoniques. – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1994. – P. 29–44.
5. *Bayoumi A.* Autour du Champ des Souchets et du Champ des Offrandes / A. Bayoumi. – Le Caire: Imprimerie Nationale Boulac, 1940. – 123 p.
6. *Borchardt L.* Dankmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo, Nr. 1295-1808 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire,

Nos 1295–1808) / L.Borchardt. – Teil II: Text und Tafeln zu Nr. 1542–1808. – Le Caire: Organisme Général des Imprimeries Gouvernementales, 1964. – 220 S.

7. *Buck A. de*, The Egyptian Coffin Texts / A. de Buck. – Vol. I-VII. – Chicago: The University of Chicago Press, 1935–1961.

8. *Chegodaev M.* The Great God 'Ilu and the Field of Ialu / M. Chegodaev // Discussions in Egyptology. – 1996. – 36. – P. 15-20.

9. *Dijk J. van*, Paradise / J. van Dijk // Redford D. (ed.) The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt. – Vol. 3. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2001. – P. 25-27.

10. *Droste zu Hülshoff V. von*, Der Igel im alten Ägypten (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 11) / V. von Droste zu Hülshoff. – Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1980. – xiv + 302 S.

11. *Frankfort H.* Ancient Egyptian Religion: An Interpretation / H. Frankfort. – New York: Columbia University Press, 1948. – xiv + 172 p.

12. *Gesellensetter J.S.* Das Sechet-Iaru. Untersuchungen zur Vignette des Kapitels 110 im Ägyptischen Totenbuch / J.S. Gesellensetter. – Würzburg, 1997. – 341 S.

13. *Hays H.M.* Transformation of Context: The Field of Rushes in Old and Middle Kingdom Mortuary Literature / H.M. Hays // Bickel S., Mathieu B. (éd.) D'un monde à l'autre. Textes des Pyramides & Textes des Sarcophages: Actes de la table ronde internationale "Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages", Ifao – 24–26 septembre 2001 (Bibliothèque d'étude 139). – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2004. – P. 175–200.

14. *Heerma van Voss M.* Die beiden Opfergefilde als Opfertisch / M. Heerma van Voss // Junge F. (Hrsg.) Studien zu Sprache und Religion Ägyptens. Zu Ehren von Wolfhart Westendorf überreicht von seinen Freunden und Schülern. – Bd. 2: Religion. – Göttingen: Seminar für Ägyptologie und Koptologie, 1984. – S. 805–807.

15. *Kees H.* Earu-Gefilde / H. Kees // Bonnet H. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. – Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1952. – S. 161–162.

16. *Leclant J.* Earu-Gefilde / J. Leclant // Helck W., Otto E. (Hrsg.) Lexikon der Ägyptologie. – Bd. I. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1975. – Kol. 1156–1160.

17. *Lefébure E.* Le Paradis Égyptien / E. Lefébure // Sphinx. Revue critique embrassant le domaine entier de égyptologie. – 1900. – Vol. III. – P. 191–222.

18. *Leonardi I.* De la vogue de sxt-Htp à l'Ancien Empire. Recherche de probables prototypes de la vignette CT V, 353 – CT V 363 § 466 parmi les mastabas de cette période / I. Leonardi // Bulletin de la Société d'Égyptologie de Genève. – 1989. – № 13. – P. 103–106.

19. *Lesko L.H.* The Field of Hetep in Egyptian Coffin Texts / L.H. Lesko // Journal of the American Research Center in Egypt. – 1971-1972. – Vol. 9. – P. 89–101.

20. *Loret V.* Le champ des souchets / V. Loret // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. – 1890. – T. 13. – P. 197–201.

21. *Meltzer E.S.* The Field of J3RW Revisited / E.S. Meltzer // Anthropological Linguistics. – 1972. – Vol. 14, № 1. – P. 23-27.

22. *Mercer S.A.B.* The Pyramid Texts in Translation and Commentary / S.A.B. Mercer. – Vol. IV: Excurses. – New York; London; Toronto: Longmans Green and Co., 1952. – 327 p.

23. *Moussa A.M., Altenmüller H.* Das Grab des Nianchehnum und Chnumhotep (Archäologische Veröffentlichungen 21) / A.M. Moussa, H. Altenmüller. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1977. – 179 s.

24. *Munro P.* Brothälften und Schilfblätter / P. Munro // Göttinger Miscellen. – 1973. – Heft 5. – S. 13–16.

25. *Satzinger H.* Das Kunsthistorische Museum in Wien: die Ägyptisch-Orientalische Sammlung (Zaberns Bildbände zur Archäologie 14) / H. Satzinger. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1994. – 120 S.

26. *Shaw I.* The British Museum Dictionary of Ancient Egypt / I. Shaw, P. Nicholson. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2002. – 328 p.

27. *Weill R.* Le Champ des Roseaux et le Champ des Offrandes dans la religion funéraire et la religion générale (Études d'égyptologie III) / R. Weill. – Paris: Paul Geuthner, 1936. – xi + 176 p.

28. *Worsham C.E.* A Reinterpretation of the So-called Bread Loaves in Egyptian Offering Scenes / C.E. Worsham // Journal of the American Research Center in Egypt. – 1979. – Vol. 16. – P. 7–10.

29. *Ziegler C.* Le mastaba d'Akhetetep. Une chapelle funéraire de l'Ancien Empire / C. Ziegler. – Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1993. – 235 p.

История МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.А. Агуреев

Политика европейских держав в Эфиопии в конце XIX века и Россия

Изучение проблем становления политико-экономических отношений европейских держав и России с Эфиопией в конце XIX – начале XX столетий, принципов формирования восприятия восточноафриканской страны российскими общественными кругами требует некоторого углубления в предысторию вопроса с целью раскрытия роли внешнеполитических факторов в развитии эфиопского государства и особенностей политической ситуации внутри страны.

Особенно важно при данной постановке проблемы изучение процессов взаимоотношений Эфиопии с крупнейшими европейскими державами на рубеже 80–90-х гг. XIX столетия, раскрывающих цели, методы и средства колониальной политики Англии, Франции и Италии в отношении красноморского региона.

Тропическая Африка, отделенная от других населенных земель двумя океанами — Индийским — на востоке, Атлантическим — на западе, песчаными и каменистыми пустынями — на севере и северо-востоке, на протяжении многих столетий оставалась наиболее изолированной от Старого Света территорией. Однако подобная географическая изоляция, несомненно, тормозившая развитие африканских обществ, никогда не была полной. Эфиопия находилась в непосредственной близости от ряда важнейших торговых дорог. «Через моря и пустыни, — отмечал известный польский исследователь Восточной Африки А. Бартницкий, — пролегали торговые пути, служившие каналами движения информации» [2: с. 7].

«У ее восточных границ находится Баб-эль-Мандебский пролив, один из трех главнейших перекрестков мира, у западных — нильский речной путь; со всех сторон эфиопское нагорье опоясывают караванные трассы, соединяющие долину Нила с морем или ведущие от морских или нильских берегов вглубь материка», — отмечал выгодное местоположение Эфиопии исследователь А. Бартницкий [2: с. 7].

Именно данные географические факторы, предопределившие важное геополитическое положение страны с благоприятным для земледелия и скотоводства мягким тропическим климатом, оказали существенное влияние на историческое развитие Эфиопии.

Период бурного развития Абиссинии, получивший название «золотого века амхарской цивилизации», пришелся на середину XIV–XV веков, став временем подлинного культурного расцвета и наибольших военных успехов африканского государства, границы которого впервые со времен величия Аксумского царства¹ (IV–VI века) достигли побережья Красного моря. Однако в начале XVI века военно-политическая обстановка в Эфиопии обострилась в связи с наступлением мусульманских армий с Нила и побережья Красного моря на населенные амхара горные плато. В результате кровопролитных междоусобиц (тридцатилетняя война 1529–1559 гг.) и разрушительных войн с мусульманским Адалем, Османской империей и галласкими племенами невиданный расцвет эфиопской цивилизации сменился в XVI веке ее упадком.

В 1527 г. в Абиссинию вторглись мусульманские армии под предводительством харрарского эмира Ахмеда Граня, поддержанного султанами Аравии и Османской империи. К середине столетия положение государства еще более осложнилось захватом Османской империей ряда портов в Красном море, в том числе Зейлы и Массауа, что фактически отрезало Эфиопию от побережья, приведя ее к политической изоляции [6: с. 15].

Другим важнейшим фактором, на долгие десятилетия определившим динамику политико-этнических процессов на эфиопском нагорье, стала начавшаяся в XVI веке миграция галло-оромских племен. Кочевники, занявшие часть Шоа, область Уолло, а также другие районы традиционного расселения христианских семитоязычных народов Эфиопии, сумели захватить плодородные области страны, создав предпосылки для образования обособленных независимых государств.

Начавшийся вслед за этим процесс семито-оромского синтеза (процесс смешения кочевых и земледельческих племен — *С.А.*) и абсорбции более развитой земледельческой цивилизацией отсталой кочевой периферии имел своими последствиями культурный регресс и утрату традиций имперской государственности. Однако, интегрировавшись даже в состав эфиопской правящей элиты, некоторые «...галлаские правители, — как отмечал исследователь Восточной Африки М. Абир, — пусть... и приняли напоказ христианство, никогда в действительности не восприняли наследия Аксума и семитизированным населением всегда почитались за пришельцев» [7: с. 33].

Лишь в наиболее плотно заселенных областях, вблизи крупнейших городов и торговых путей местное население «...осознавало свою принадлежность к древней христианской империи» [10: с. 106].

¹ Аксумское царство — древнее государство (II–XI веков) на территории современной Эфиопии, получившее наименование по столице государства Аксуму.

Раздробленность Эфиопии объяснялась не только последствиями крупных миграций на ее территории. К зарождению неоднородности ее общества и структурированию его в виде замкнутых локальных групп предрасполагали такие факторы, как сложность геоморфологического рельефа, многообразие климатических зон, традиционное разделение труда в пределах эфиопского региона. Горные районы соседствовали с жаркими пустынными низменностями на востоке и влажно-тропическими плато на юго-западе, что предполагало соседство различных жизненных укладов и типов хозяйства. Поэтому, даже внутри этнически однородных областей различие климатических и геоморфологических условий становилось причиной значительных социо-культурных видоизменений [5: с. 43].

Усилившиеся к середине XVIII века центробежные политические тенденции, социокультурные и этнические различия привели к фактическому распаду единого эфиопского государства и обособлению целых районов и областей, превратившихся к началу XIX столетия в самостоятельные феодальные княжества. Так, известный английский путешественник Генри Солт, побывавший в Эфиопии в начале XIX в., отмечал в мемуарах: «Нынешнее состояние Абиссинии с полным основанием можно сравнивать с состоянием Англии до правления Альфреда (Альфред Великий, король Англии в 871–900 гг. — С.А.) — управление страной осуществляется на основе феодальной системы. Постоянные пограничные споры, распри среди правителей... униженное состояние императора, — все это только подтверждает сходство» [9: с. 485]. Император Эфиопии неизбежно подпадал под власть «того или иного честолюбивого вассала, лишенный возможности взимать налоги с почти независимых правителей отдельных областей государства, он не в состоянии содержать армию для поддержания своего престижа или для прекращения разорения страны в результате постоянных междоусобиц» [9: с. 485].

К середине XIX столетия Эфиопия фактически состояла из пяти наиболее крупных феодальных государств: Тигре, Амхара, Шоа, Бегемдера и Годжама, образовавшихся в северной и центральной частях эфиопского нагорья, тогда как на юге и юго-востоке страны располагались независимые мусульманские княжества и султанаты (Йифат, Джима, Харрар). Однако, несмотря на фактический распад империи, опустошительные междоусобные войны и ослабление единой государственной власти, память о величии Аксумского царства и великой Эфиопии с обширными границами до Красного моря всегда существовала в сознании амхара. «Идеал христианского государства, хотя и потускневший в результате мусульманских захватов и их последствий, никогда не умирал» [8: с. 71], — отмечал крупнейший исследователь истории Эфиопии Д. Левин.

Таким образом, идея укрепления национальной государственности и религиозного единства Абиссинии осознавалась амхара как концепция восстановления прежнего могущества, возрождения славных традиций эфиопского государства. Но лишь со времени правления императора Теодроса II (Феодора; 1855–1867 гг.) фактически начался период эфиопского Возрождения, затронувший глубинные политические процессы в абиссинском обществе и закончившийся воссозданием

единого государства. Оценивая полвека спустя государственную деятельность выдающегося эфиопского императора, глава русской дипломатической миссии в Абиссинии П.М. Власов отмечал: «С 1850 г. на политическую арену Эфиопии, распавшейся на несколько частей... терзаемой сепаратизмом, неурядицами, смутами и ересями... близкой к полному разложению и потере своей независимости, выступает замечательный и в высшей степени даровитый человек с сильной волею, сумевший не только водворить порядок и спокойствие внутри, но и выкачать дух великого реформатора, создать правильную организацию управления... наконец заставить себя и народ уважать европейцев и ценить их образование и культуру» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2053. Л. 3).

Однако несмотря на начавшиеся внутри страны политические реформы и очевидные централистские тенденции в объединении страны, Абиссиния вплоть до конца 60-х гг. XIX столетия не представляла серьезного экономического интереса для европейских держав. Лишь в 1869 г. положение кардинальным образом изменилось в связи с открытием Суэцкого канала. Абиссиния и Сомали оказались на важнейших стратегических путях из Европы в страны Дальнего Востока и Восточной Африки, приобретая все большее значение в зоне красноморского региона.

Таким образом, расположенная на магистральных географических путях, обладающая богатыми природными ресурсами, но отличающаяся низким уровнем развития экономики, феодальная Эфиопия стала играть весьма существенную роль в политических планах европейских государств. «С прорывом Суэцкого канала, — этой главной артерии торговых сношений Запада с Востоком, — отмечал русский посол в Эфиопии П.М. Власов, — Европа должна была обратить внимание на Красное море и на вход в оное с юга» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2053. Л. 33). Подобное экономическое положение постепенно вывело Эфиопию на арену международного соперничества крупнейших европейских держав, вступивших с начала 70-х гг. XIX столетия в наиболее интенсивный период колониального противоборства. Конец XIX века, ознаменовавшийся началом «схватки за Африку», привел к новым антагонистическим противоречиям между сильнейшими империалистическими государствами Европы — Великобританией, Францией и Италией.

В последней трети XIX века крупнейшая из колониальных держав — Англия — захватила обширные территории не только в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, но также в Западной¹ и Восточной Африке² и расширила свои владения в южной ее части³. Осуществляя колониальную экспансию, английский империализм стремился завладеть богатейшими источниками сырья, новыми рынками сбыта, взять под контроль выгодные сферы вывоза капитала с целью ускорения темпов своего экономического развития и сохранения миро-

¹ Гамбия, Сьерра-Леоне, Нигерия.

² Египет, Уганда. Судан, Британское Сомали, Британская Восточная Африка (Кения) и т.д.

³ Наталь, Капская колония, а с 1877 г. — Оранжевая республика.

вого первенства в экспорте товаров и капитала. Имперские идеи все сильнее охватывали слои британского общества, порождая страсть к экспансии в восточные страны, привлечшие перспективой сказочных богатств [1: с. 115]. Важную роль в распространении колониальных идей в Англии играли представители британской интеллигенции. Так, особой популярностью среди англичан пользовались публикации и выступления известных идеологов колониализма — Ч. Дилка, Д. Сили, Д. Конрада, Г. Спенсера, Р. Киплинга, неизменно поддерживавшие интерес английского общества к имперским проблемам.

Однако, осуществляя экспансию в Азии и Африке, Англия натолкнулась на ожесточенную конкуренцию со стороны Франции, Германии и Италии, размеры колониальных владений которых значительно уступали британским¹. В Китае, Океании, Латинской Америке, на Балканах, в Южной, Северной и Восточной Африке Франция, Германия и Италия приходили к столкновению с промышленной и колониальной гегемонией Великобритании, стремящейся к установлению своего господства на территориях от Кейптауна до Каира. Осуществлению грандиозных планов британского правительства препятствовало возникновение сети немецких и французских протекторатов на Севере и Востоке Африки, а также существование еще непокоренных восточноафриканских стран — Эфиопии, Судана и Сомали, преграждавших путь английским колонизаторам для продвижения вглубь богатого природными ресурсами континента.

Тем не менее, уже с середины 70-х гг. XIX столетия Северо-восток Африки стал основным направлением английской колониальной экспансии. Глава британского консервативного кабинета министров Б. Дизраэли, понимая особое стратегическое значение красноморского региона, приобрел в 1875 г. акции Суэцкого канала у египетского хедива², в результате чего Англия получила контроль над этой важнейшей торговой артерией.

И все же, несмотря на рост влияния Великобритании в Северо-Восточной Африке, установление английского протектората над зоной Красноморского региона, по-прежнему, оставалось невозможным без покорения независимой Эфиопии, рассматривавшейся английскими колонизаторами в качестве основного плацдарма для покорения Судана и Египта. Так, характеризуя британскую колониальную политику в отношении Абиссинии, известный русский исследователь Африки К.С. Звягин отмечал: «Для Англии Абиссиния, лежащая между африканскими колониями Великобритании, составляет серьезное препятствие в деле объединения английского влияния во всей этой (Восточной — С.А.) части Африки» [4: с. 12].

Политика Англии в регионе заметно осложнялась и все возрастающим соперничеством со стороны Франции, «...стремящейся всеми силами про-

¹ Так, к началу XX столетия Великобритания владела территориями общей площадью в 18 млн. кв. км. с населением в 430 млн. человек; в то время как колониальные владения Франции не превышали на тот момент 9,7 млн. кв. км. с населением почти в 50 млн. человек.

² Хедив — титул правителей Египта в 1867–1914 гг.

тиводействовать успехам Англии в Африке» [4: с. 12]. Стремление Франции завладеть зоной красноморского побережья и удобными кратчайшими морскими путями на Дальний Восток, в Индийский и Тихий океаны заставляло правящие круги спешить с реализацией собственных захватнических планов.

Еще в 1862 г. Франция приобрела порт Обок у африканского племени да-накиль, превратив его в свой опорный пункт на побережье Красного моря, благодаря чему французское правительство в 1884–1888 гг. активно расширило зону колониальных владений путем захвата целого ряда красноморских портов — Таджуры, Дулжуна, Сагалло и Джибути, ставших основой для образования Французского Сомали.

Так, отмечая растущее влияние Франции в регионе, русский посол в Константинополе Ону, обеспокоенный усилением англо-французского колониального соперничества, доносил в Санкт-Петербург в ноябре 1889 г., что побережье Сомали на Красном море стало уже несколько лет назад объектом интенсивных переговоров между крупнейшими колониальными державами, каждая из которых стремилась как можно прочнее обосноваться в Эфиопии и Сомали, не принимая в расчет прав Османской империи на данные территории. «Недавно Франция, — говорилось в донесении, — хвалясь видимостью договора, заключенного с главою племени, который облачился в пышный титул султана Шоа, оккупировала Таджуру на сомалийском берегу. Рассматривая побережье Сомали как часть своего государства, султан (Османской империи — С.А.) послал в Париж предостережение и протест. Французское правительство ответило объяснениями запутанными и маловразумительными» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 135. Л. 6).

Резкая активизация французского колониального влияния в Абиссинии подталкивала консервативное правительство Англии к ускоренной реализации собственных экспансионистских планов в отношении Эфиопии и прилегающих к Нилу районов, ставших к середине 80-х гг. XIX века ареной ожесточенного соперничества двух крупнейших колониальных держав. С установлением французского протектората над Эфиопией ставилась бы под угрозу давняя мечта английских колонизаторов о создании необъятных британских владений от Кейптауна до Каира. «Абиссиния, недружелюбно настроенная по отношению к нам, если окажется в руках Франции, может поставить под серьезную угрозу осуществление проекта линии телеграфа и железной дороги от Каира до Кейпа (Кейптауна — С.А.)», — высказывал опасения один из главных идеологов британского колониализма А. Уилд [11: с. 13]. В связи с этим, придерживаясь в отношении Эфиопии сформулированного еще лордом Г. Палмерстоном принципа, гласившего, что «правительство Ее Величества хочет воспользоваться естественными ресурсами страны» для «поощрения британской торговли», консервативный кабинет Б. Дизраэли готов был использовать любые средства для достижения цели. Так, в 1875 г. Б. Дизраэли, стремящийся максимально ослабить Эфиопию в политическом и военном от-

ношениях, выступил одним из главных инициаторов египетского вторжения в страну, поддержав территориальные претензии к Эфиопии египетского хедива. Осенью 1875 г. египетские войска под предводительством Рауфа-паши вторглись в Эфиопию, захватив Харрар и ряд других стратегически важных городов, создав тем самым угрозу для независимости страны. Но уже весной 1876 г. в результате энергичных военных действий под руководством эфиопского императора Иоанна IV¹ египетские войска были разгромлены и вынуждены покинуть страну. Однако план Б. Дизраэли был достигнут — обе стороны, ослабленные войной, не имели возможности оказать деятельного сопротивления британской экспансии.

В 1882 г. Англия, захватив Египет, установила фактический контроль над прилегающими к Суэцкому каналу территориями. Стремясь обезопасить захваченные земли и приобрести новые колониальные владения, Великобритания начала подготовку к завоеванию махдистского Судана и Сомали, но отстоявшая свою независимость Эфиопия могла помешать осуществлению этих планов. Поэтому английское правительство, используя территориальные противоречия Эфиопии с Суданом и Египтом, всеми силами стремилось спровоцировать вооруженный конфликт между ними. Для реализации этой задачи летом 1889 г. в Эфиопию была отправлена миссия британского контр-адмирала Г. Хьюита, подписавшего договор с императором Иоанном. По условиям заключенного договора, эфиопская сторона обязалась предоставить помощь английским войскам против Судана в обмен на возвращение Богоса и других исконно эфиопских земель. Выполняя союзнические обязательства, эфиопские войска приступили к освобождению Мэтемы, Амедита и Санкита, осажденных сторонниками Махди. Завершив эвакуацию гарнизонов этих крепостей, эфиопские войска поспешили на помощь окруженной суданцами Кассале.

Однако политическая ситуация вновь резко изменилась: в то время как Эфиопия честно выполняла союзнические обязательства по отношению к Англии, итальянские войска при дипломатической поддержке британского правительства заняли Массауа. Стремясь помешать активизации усилившегося французского влияния в регионе и заручиться поддержкой Италии в качестве временного союзника для осуществления совместной восточноафриканской экспансии, Британия пошла на сговор с итальянским кабинетом. Отрезанная от моря и преданная своими английскими «союзниками», Эфиопия оказалась перед лицом новой угрозы потери своей независимости.

Молодая капиталистическая Италия, остро нуждавшаяся в приобретении колоний, торговых путей и рынков сбыта для своей интенсивно развивающейся промышленности, с конца 60-х гг. XIX века активно вступила в процесс колониального освоения богатого природными ресурсами восточноафриканского региона. Первые итальянские купцы появились на красноморском побережье в 1869 г., когда итальянский миссионер Д. Сапето приобрел у местных

¹ Иоанн IV (Йоханнес) — император Эфиопии в 1872–1889 гг.

правителей по поручению частной пароходной компании братьев Рубаттино часть провинции Ассаб, ставшую первым итальянским владением на континенте. Однако Ассаб недолго оставался частным владением пароходной компании и уже в 1881 г. итальянское правительство, остро нуждаясь в транзитной станции для итальянских судов, выкупило владения у братьев Рубаттино, объявив итальянский протекторат над данной территорией. В последующие несколько лет Италия заметно расширила свои восточноафриканские владения, создав необходимые условия для начала крупномасштабной экспансии в данном регионе. Вскоре Ассаб стал и первой на континенте военно-морской базой, откуда итальянцы предприняли дальнейшее продвижение вдоль побережья Красного моря к Массауа [6: с. 121].

В течение нескольких лет Италия, поначалу довольствовавшаяся деятельностью отдельных торговых компаний, заметно расширила свои колониальные владения, создав необходимые условия для начала крупномасштабной экспансии вглубь континента [3: с. 85].

В 1883–1885 гг. итальянцы, заручившись поддержкой лорда Р. Солсбери, оккупировали принадлежавшие Египту Зейлу и Бейлуль, а в феврале 1885 г. при молчаливом согласии английского консервативного кабинета высадились в Массауа.

Таким образом, в октябре 1884–1885 гг. правящие круги Италии, опираясь на дипломатическую помощь британского руководства, добились значительного расширения своих колониальных владений в Северо-Восточной Африке, захватив Бейлуль, Зейлу и Масауа. Путь к экспансии в Эфиопию был для Италии открыт.

В начале 1887 г. воодушевленные легкостью первых колониальных успехов итальянские войска заняли Саати, начав ускоренную подготовку к продвижению вглубь эфиопской территории. В ответ на действия итальянской стороны один из эфиопских расов — Алула направил командующему итальянскими войсками генералу Джене ультиматум, в котором потребовал освободить все захваченные ранее территории и вывести оттуда экспедиционные войска [2: с. 316]. Поскольку это требование не было удовлетворено итальянским командованием, отряды раса Алулы начали движение к Массауа. 26 января 1887 г. вблизи деревни Догали состоялось первое крупное сражение итальянского экспедиционного корпуса с эфиопскими войсками. Итальянский отряд численностью 500 человек потерпел полное поражение, встретившись с главными силами раса¹. После своего поражения итальянское командование, учитывая большое численное преимущество эфиопских войск, было вынуждено сконцентрировать основные военные силы в Массауа. Известие о поражении при Догали вызвало серьезное беспокойство римского кабинета. Правительство Ф. Криспи осознало необходимость использования более значительных сил для осуществления широкомасштабной африканской экспансии. В связи с этим итальянский парламент утвердил новые кредиты на ведение военных действий в Африке, приступив к организации специального африканского

¹ Потери итальянцев составили 23 офицера и около 400 солдат.

корпуса, предназначенного для захвата Эфиопии. В декабре 1887 г., когда подготовка итальянских военных сил была завершена, экспедиционный корпус под командованием генерала Сан-Марциано был отправлен в Африку. Итальянские войска вместе со вспомогательными отрядами, набранными из числа местного населения, насчитывали 25 тысяч человек (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2002. Л. 20). Итальянская агрессия в отношении Абиссинии становилась неизбежной.

Обеспокоенный ростом экспансионистских устремлений Италии и стремительностью развития событий в Эфиопии, русский посол в Каире А.И. Кояндер доносил министру иностранных дел Российской империи Н.К. Гирсу: «Из сведений, которые доходят сюда (в Каир — С.А.) из Массовы, можно заключить, что итальянцы готовятся предпринять осенью серьезную кампанию против Абиссинии и что заявления, сделанные в последнее время министрами короля Гумберта в итальянской палате депутатов, не совсем согласуются с их действиями» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2002. Л. 13). «В настоящее время в Массове, — продолжал русский дипломат, — находится будто бы больше 12 тысяч итальянского войска, к осени отряд этот предполагается довести до численности целого армейского корпуса. Это развитие сил указывало бы на намерение римского кабинета утвердить свое владычество не только на побережье Красного моря, но и внутри страны» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2002. Л. 13).

Новый итальянский главнокомандующий генерал Саллета не жалел усилий для успеха предполагаемой кампании, энергично снабжая экспедиционный корпус всем необходимым на случай новой осенней кампании, стремясь привлечь на свою сторону как «абиссинские полунезависимые племена, так и недовольные королем Иоанном элементы» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2002. Л. 13). В подобных «неравных условиях, — указывал А.И. Кояндер в донесении, — едва ли может быть сомнение в том, что итальянцы одержат верх над своими бесспорно храбрыми, но крайне плохо вооруженными соперниками» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2002. Л. 14). В заключение доклада министру Н. Гирсу А.И. Кояндер выступил с неутешительным прогнозом: «Если таков, в самом деле, план римского кабинета и если он будет приведен в исполнение, то Абиссинию в непродолжительном времени придется вычеркнуть из числа независимых государств африканского материка» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2002. Л. 15).

Дальнейший ход событий лишь подтвердил правильность выводов русского дипломата. Так, весной 1887 г. итальянцы установили блокаду красноморских портов, стремясь воспрепятствовать эфиопской морской торговле (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2002. Л. 8-10).

Одновременно с этой мерой, призванной, по мнению итальянского кабинета, нанести наибольший экономический ущерб эфиопской империи, правительство

Ф. Криспи, стремясь внести раскол в ряды эфиопских феодалов, заключило в октябре 1887 г. секретное соглашение с правителем Шоа Менеликом [3: с. 99], искавшим благоприятного случая взойти на эфиопский престол. По условиям этого договора Менелик обязался оказывать военную помощь Италии против Йоханнуса в обмен на отказ итальянского кабинета от аннексии шоанских земель. Итальянцы были уверены в преданности своего эфиопского союзника, полностью рассчитывая на его поддержку. Однако политическая ситуация в Абиссинии вновь изменилась — победа при Догали лишь усилила популярность императора Йоханнуса в эфиопском обществе, превратив его в национального героя и защитника отечества, в то время как тесные контакты правителя Шоа Менелика с итальянцами не снискали популярности последнему в условиях возросшего в результате победы при Догали самосознания эфиопского народа. Во всяком случае, на открытое выступление против императорской власти Менелик так и не решился, искусно лавируя между обеими сторонами и используя любую возможность для укрепления собственных позиций.

Между тем эфиопский император Йоханнус, сконцентрировавший 80-тысячную армию на севере страны, двинулся к Саати, готовясь к решительному столкновению с итальянцами, но в январе 1888 г. в Эфиопию вторглись суданские войска, и страна оказалась перед реальной угрозой войны с двумя могущественными противниками. Опасаясь войны на два фронта, император Эфиопии был вынужден пойти на мирные переговоры с Италией в обмен на прекращение ею военных действий и отмену блокады Массауа. Это дало возможность Йоханнусу перебросить армию на западные границы, где, впрочем, в марте 1889 г. он был смертельно ранен махдистами при Мэтаме. Но даже смерть эфиопского императора уже не могла помешать заключению мирного договора с Италией.

2 мая 1889 г. взошедший на императорский престол Эфиопии Менелик II подписал с Италией Уччиальский договор о дружбе и торговле. По его условиям между Италией и Эфиопией устанавливался мир, и обе стороны обменивались дипломатическими консулами и агентами, пользующимися дипломатической неприкосновенностью и привилегиями согласно нормам международного права. Италия также получала в Эфиопии права наиболее дружественной европейской державы. Однако итальянская сторона, выступавшая согласно договору в качестве «дружественного» Эфиопии государства, изначально стремилась придать ему сугубо колониальный характер. Особое значение для Италии имела 17 статья Уччиальского договора, толковавшаяся правительством Ф. Криспи как признание Эфиопией итальянского протектората. В эфиопском варианте договора, написанном на амхарском языке, утверждалось, что «Царь эфиопский может прибегать к услугам правительства Его Величества короля Италии во всех делах с прочими державами и правительствами [3: с. 102]. В итальянской же версии статьи договора вместо слова «может» использовалось слово «согласен», понимавшееся итальянским правительством как «должен». На основании подобной

«трактовки» правительство Ф. Криспи сразу по подписании договора поспешило информировать все европейские державы о признании императором Менеликом II итальянского протектората над Эфиопией.

Однако эфиопская сторона, не желавшая признавать подобного «протектората», была категорически не согласна с данной формулировкой и не рассматривала условия договора в качестве необходимых для соблюдения обязательств при проведении собственной внутренней или внешней политики. Вследствие этого, несмотря на миролюбивые заверения итальянского кабинета, непрочность заключенного соглашения вскоре стала очевидна обеим сторонам.

Италия, желая завладеть богатствами «Африканской Швейцарии», как называла Эфиопию российская пресса, и опираясь на английскую дипломатическую поддержку, стремилась во что бы то ни стало утвердить свое колониальное господство в этой стране. Уже летом 1889 г., нарушив подписанное ранее с эфиопским императором соглашение, итальянские войска захватили Кэрен и Асмару, а в начале 1890 г. оккупировали Адуа. Аппетиты новой колониальной державы стремительно возрастали. Экспансия в Восточной Африке приобретала все более агрессивные формы. Италия стояла на пороге «маленькой победоносной войны».

Итак, исходя из анализа международной ситуации и политики европейских держав в отношении Эфиопии в конце XIX – начале XX вв., следует отметить:

К середине 70-х гг. XIX в. в связи с открытием Суэцкого канала, ставшего важнейшей торговой артерией, соединившей Средиземное море с Красным, международное экономическое значение Эфиопии резко возросло, превратив ее из восточноафриканской периферии в объект экспансионистских устремлений европейских держав. В последние десятилетия XIX в. восточноафриканские страны, особенно Эфиопия и Сомали, становились ареной наиболее ожесточенного англо-франко-итальянского экономического соперничества; умело используя англо-французские противоречия, Италия, решительно осуществляла колониальную экспансию в красноморском регионе.

Соглашение Англии и Италии по вопросам проведения совместной колониальной политики в Восточной Африке также способствовало созданию необходимых политических условий для подготовки Италии к оккупации Эфиопии. Активизация колониальной политики и усиление экспансии Италии в Эфиопии в конце 80-х гг. XIX века продемонстрировали в свою очередь, непрочность Уччиальского мирного договора 1889 г., предвещая неизбежность его нарушения итальянской стороной.

Таким образом, с начала 90-х гг. XIX века стремившаяся максимально ослабить Эфиопию в политическом, экономическом и военном отношениях Италия и преследующая цель отразить угрозу собственной независимости Эфиопия готовились к решающему военному столкновению, что стало своеобразным прологом к итало-эфиопской войне 1895–1896 гг.

Литература

1. *Айзенштат М.П.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. / М.П. Айзенштат. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 217 с.
2. *Бартницкий А.* История Эфиопии / А. Бартницкий, И. Мантель-Нечко. – М.: Прогресс, 1976. – 592 с.
3. *Васин И.И.* Политика капиталистических держав в Эфиопии / И.И. Васин. – М.: Наука, 1974. – 104 с.
4. *Звягин К.С.* Основания устройства современной Абиссинии / К.С. Звягин. – СПб.: Типография Р. Голике, 1895. – 13 с.
5. *Макаров О.Л.* Европейцы в восприятии эфиопов. Британские военные и религиозные миссии первой половины XIX в. / О.Л. Макаров // Восток. – М.: Наука, 1992. – № 4. – С. 42–52.
6. *Цыпкин Г.В.* Эфиопия от раздробленности к политической централизации / Г.В. Цыпкин. – М.: Наука, 1980. – 309 с.
7. *Abir M.* Ethiopia. The Era of Princes / M. Abir – L.: Longmans, 1968. – 208 p.
8. *Lewine D.* Greater Ethiopia. The evolution of a Multiethnic Society / D. Lewine. – Chicago and London: Chicago University press, 1974. – 237 p.
9. *Salt H.* A Voyage to Abissinia / H. Salt. – L.: Frank Cass, 1814. – 316 p.
10. *Trimingham J.* Islam in Ethiopia / J. Trimingham. – L.: Frank Cass, 1965. – 299 p.
11. *Wylde A.* Modern Abyssinia / A. Wylde. – L.: Methuen, 1901. – 276 p.

References

1. *Ajzenshtat M.P.* Anglijskie partii i kolonial'naya imperiya Velikobritanii v XIX v. / M.P. Ajzenshtat. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 217 с.
2. *Bartnickij A.* Istoriya E'fiopii / A. Bartnickij, I. Mantel'-Nechko. – М.: Progress, 1976. – 592 s.
3. *Vasin I.I.* Politika kapitalisticheskix derzhav v E'fiopii / I.I. Vasin – М.: Nauka, 1974. – 104 s.
4. *Zvyagin K.S.* Osnovaniya ustrojstva sovremennoj Abissinii / K.S. Zvyagin. – SPb.: Tipografiya R. Golike, 1895. – 13 s.
5. *Makarov O.L.* Evropejcy' v vospriyatii e'fiopov. Britanskije voenny'e i religiozny'e missii pervoj poloviny' XIX v. / O.L. Makarov // Vostok. – М.: Nauka, 1992. – № 4. – S. 42-52.
6. *Czy'pkin G.V.* E'fiopiya ot razdroblennosti k politicheskoy centralizacii / G.V. Czy'pkin. – М.: Nauka, 1980. – 309. s.
7. *Abir M.* Ethiopia. The Era of Princes / M. Abir – L.: Longmans, 1968. – 208 p.
8. *Lewine D.* Greater Ethiopia. The evolution of a Multiethnic Society / D. Lewine. – Chicago and London: Chicago University press, 1974. – 237 p.
9. *Salt H.* A Voyage to Abissinia / H. Salt. – L.: Frank Cass, 1814. – 316 p.
10. *Trimingham J.* Islam in Ethiopia / J. Trimingham. – L.: Frank Cass, 1965. – 299 p.
11. *Wylde A.* Modern Abyssinia / A. Wylde. – L.: Methuen, 1901. – 276 p.

Д.Ю. Базаркина

Угроза терроризма как проблема международной безопасности

Согласно устоявшемуся представлению, «террористические атаки подразумевают наличие определенного коммуникационного измерения» [14: р. 450]. Появилось понятие «нового терроризма», который преследует своей целью подрыв общественного доверия, изменения в правительственной политике и влияние на исход избирательных кампаний. Б. Накос определила терроризм как «насилие с политическими целями, направленное против невоенного населения в попытке получить публичности... с целью создать цепь взаимосвязанных сообщений к наибольшей аудитории» [14: р. 450]. Терроризм стремится сеять страх в обществе, уничтожать противников, поражать символические цели и продвигать свои требования, мобилизовать сторонников на активные действия и получать поддержку со стороны. Преследование этих целей заставляет террористов не только совершенствовать тактику и технику террористических актов, но и искать все более результативные механизмы коммуникационного воздействия.

Мировой экономический кризис способствовал как оживлению протестного движения, так и возникновению двусмысленных ситуаций, в результате которых в странах Европейского Союза протестные демонстрации стали поводом для представителей властей заявить о возрождении ультралевого терроризма. Так, 12 июня 2010 г. в Берлине состоялась двадцатитысячная демонстрация протеста под лозунгами: «Мы не будем платить за ваш кризис» и «Капитализм — это и есть кризис». В ходе демонстрации раздался взрыв, в результате которого были ранены двенадцать сотрудников полиции. Позже выяснилось, что причиной взрыва стало не взрывное устройство, а легально купленный участниками акции фейерверк, а представитель одного из протестных движений (Attac) заявил, что демонстранты готовили «акции без применения насилия» [6]. Тем не менее, данный случай представляет благоприятную почву для провокаций со стороны террористических организаций и ставит под угрозу как мирное протестное

движение, так и положение молодежи в целом. При постоянном ухудшении экономической ситуации, даже при ее относительной стабилизации, как показали события в Греции, молодежь становится наиболее уязвимой аудиторией для коммуникационных атак терроризма.

В США и странах Европы периодически проводились исследования, доказавшие зависимость террористической угрозы от экономической ситуации. Так, в 2002 г. исследования А. Крюгера и Ж. Малековой доказали, что при увеличении показателя безработицы у террористических организаций появляется возможность вербовать исполнителей терактов из числа более образованных граждан. Специалисты проанализировали биографии 129 боевиков организации «Хезболла», погибших в Ливане в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и пришли к выводу, что «более высокий уровень безработицы — как среди населения в целом, так и среди выделенной возрастной группы — сопутствует появлению более образованных, опытных и зрелых террористов». В исследовании А. Крюгера и Ж. Малековой отмечается следующая тенденция: «увеличение безработицы на 1% повышает вероятность того, что смертник, который совершит атаку в следующем квартале, будет иметь определенный уровень академического образования, на 1,38%, что он будет старше 20 лет — на 0,62%, что он будет иметь предыдущий опыт террористической деятельности — на 0,81%. Эти цифры означают, что рост безработицы в соответствии со стандартным отклонением приводит к увеличению вероятности получить образованного террориста на 34,3%, зрелого — на 5,57% и опытного — на 33,5%» [3; 9]¹.

Возрастает при безработице и тенденция формирования «городской герильи»: «высокий уровень безработицы и высокая степень неравенства существенно усиливают вероятность того, что атаке подвергнется крупный населенный пункт. Увеличение безработицы по стандартному отклонению имеет результатом рост такой вероятности на 17,6%. Аналогичное обострение неравенства приводит к возрастанию шансов получить теракт в большом городе на 25,7%... Ухудшение экономических условий приводит к тому, что цели атак располагаются ближе к месту постоянного жительства террористов. Авторы исследования объясняют это тем, что в сложные для экономики периоды террористические организации особенно склонны посылать на задания опытных террористов. Выбирая близко расположенные «мишени», они снижают для смертника риск быть идентифицированным и пойманым израильской службой безопасности (а он велик, поскольку опытные террористы, как правило, уже подвергались арестам)» [3; 9].

Сходные данные приводятся в исследованиях, посвященных ультралевым террористическим организациям. В конце 1970-х гг. группа исследователей проанализировала биографии сорока наиболее известных западногерманских

¹ «Хезболла» считается террористической организацией в США, Великобритании, Нидерландах, Канаде, Израиле, Австралии и Египте; в вину ей ставятся террористические акции против гражданского населения и военных. В России «Хезболла» не считается террористической организацией.

«городских партизан». Оказалось, что 70% из них — выходцы из обеспеченных слоев (средний класс, верхушка среднего класса или даже более обеспеченные слои населения), чаще всего из интеллигенции. Две трети из этих сорока человек имели высшее гуманитарное образование [7]. Политолог И.Л. Морозов приводит процентный состав представителей мелкой и средней буржуазии в террористических группировках европейских стран. По этому показателю ФРГ выходит на первое место (84,5%), опережая Францию, Италию и Испанию [4: с. 36–37]. Таким образом, экономические кризисы и социальная незащищенность довольно часто заставляют образованную и интеллигентскую молодежь входить в экстремистские и террористические группы. Притом часто коммуникационная стратегия терроризма, независимо от его идейной направленности, выстраивается по сходным схемам. Дж. Майкл, специалист Университета штата Вирджиния, отмечает, что как ультраправые, так и исламистские экстремистские группы нередко выделяют в своей идеологии врага, на которого должны быть направлены атаки, по религиозному принципу: христианский фундаментализм — одна из важных разновидностей ультраправого движения в США и, так же, как исламизм, считает объектами для атаки представителей других религий. Оба движения, по свидетельству Дж. Майкла, пытаются выстроить свою собственную утопическую модель гомогенного общества, критикуют американскую политику на Ближнем Востоке, американские СМИ и глобализацию в целом. Особенно заметно сходство проявляется в отношении к американскому правительству как к бесперспективному институту, целиком подконтрольному еврейскому капиталу и сионизму, который рассматривает политику как средство реализации своих собственных корыстных интересов. Исследователь делает вывод, что данные сходства могут создать условия для сотрудничества ультраправых с исламистами в будущем [10: р. 2]. Его теорию об универсальном характере террористической идеологии частично подтверждают обращения членов западногерманской ультралевой организации «Антиимпериалистические ячейки» к исламистской риторике [2: с. 166], а также, к примеру, попытки «Фракции Красной армии» создать единый фронт вооруженной борьбы в сотрудничестве как с другими европейскими ультралевыми, так и с Организацией освобождения Палестины.

Не только экономические факторы повышают вероятность роста террористической активности. В связи с этим А. Крюгер и Ж. Малекова предостерегают: «Проведение связи между бедностью и терроризмом в тех случаях, когда оно не обосновано, является потенциально опасным, поскольку международное сообщество может утратить интерес к предоставлению помощи развивающимся странам в периоды, когда непосредственная угроза терроризма ослабевает, как это произошло сразу после окончания холодной войны, — пишут исследователи. — А увязывание предоставления помощи с терроризмом сопряжено с риском унижить многих людей в наименее развитых странах, которым в завалированной форме говорят, что им помогают, дабы удержать

от терроризма. Кроме того, когда предпосылкой предоставления зарубежной помощи становится террористическая угроза, это может создавать извращенную мотивацию, которая будет толкать отдельные группы на путь терроризма ради повышения шансов получить такую помощь» [3, 9].

В эпоху глобализации абсолютизировать экономические факторы возникновения терроризма не представляется возможным, так как террористическая пропаганда распространяется и на относительно экономически благополучных жителей Европы и США. Д. Пайпс, директор «Ближневосточного Форума», исследовательского центра по проблемам защиты интересов США на Дальнем Востоке, высказывает точку зрения, согласно которой именно распространение исламистской идеологии через систему образования формирует личность, готовую к террористической деятельности:

«В Докладе ЦРУ 2009 г. сообщается, что граждане пакистанского происхождения, рожденные в Великобритании (в рамках программы безвизового въезда имеющие право свободного въезда в Соединенные Штаты), являются наиболее вероятным источником терроризма для Америки.

Документально подтверждая и обновляя эти доклады, лондонский Центр социального единства (Centre for Social Cohesion), руководимый ... Дугласом Мюрреем (Douglas Murray), недавно опубликовал ... работу: «Исламистский терроризм: британские связи» (*Islamist Terrorism: The British Connections*), написанную Робин Симкоксом, Анной Стюарт и Хоурией Ахмедом (Robin Simcox, Hannah Stuart, Houriya Ahmed). Она содержит в основном подробные биографические сведения о двух типах нарушителей, виновных в так называемых «преступлениях, связанных с исламизмом» или ПСИ — то есть случаев, когда данные указывают на исламистские убеждения в качестве основного мотиватора.

Один список содержит информацию о 127 лицах, обвиненных в ПСИ или ПСИ-самоубийствах в Великобритании, другой — биографии 88 лиц, связанных с Великобританией, но принимавших участие в ПСИ в других странах. Исследование охватывает 11 лет с 1999 по 2009 гг.

Внутри Великобритании террористы представляют собой тревожный образец заурядности. Это — преимущественно молодые люди (средний возраст 26 лет) мужского пола (96%). Почти половина из них — из семей, происходящих из стран Южной Азии. Из тех, чей уровень образования известен, большинство училось в университете. Из тех, чьи профессии известны, большинство имело постоянную работу или учебу. Две трети из них были британскими гражданами, две трети не имели связей с нелегальными террористическими организациями, две трети никогда не выезжали за границу для участия в лагерях подготовки террористов.

Итак, большинство ПСИ совершаются рядовыми мусульманами, чьи умы были последовательно и мощно обработаны идеологией исламизма. Проблема противостояния и ликвидации террористов была бы легче, если бы ими становились лишь психопаты, но, к сожалению, это не так» [5].

Таким образом, именно коммуникационное сопровождение террористической деятельности и распространение террористической идеологии часто напрямую приводят к угрозам международной безопасности. «Новые», то есть электронные, СМИ позволяют сегодня максимально расширить аудиторию террористической пропаганды, создать определенную парадигму, систему ценностей, которая приводит к экстремизму. Так, экстремистская исламистская риторика используется на интернет-сайтах, предназначенных для детской аудитории. Awladnaa.net, детский интернет-сайт, прямой ссылкой связанный с официальным сайтом Мусульманского братства Египта, включает следующие положения:

- «Президент США Джордж Буш провозгласил крестовый поход против мусульманского мира, и наша цель — подготовиться к джихаду против врагов Аллаха»;
- «Ты знаешь, что евреи убили 25 пророков Аллаха, и вся их темная история полна преступлений — убийств и грабежей?»;
- «Ты знаешь, что евреи, захватившие нашу землю и наши святые места в любимой [нами] Палестине, собираются захватить колыбель мусульманского мира, основать Великий Израиль от Евфрата до Нила и раскопать могилу нашего любимого Пророка?»;
- Один из разделов сайта озаглавлен: «Детоубийство — часть еврейской религии» [11: р. 73].

Эти и подобные им воззвания перекликаются с риторикой ультраправых экстремистских группировок и также призваны снизить уровень критичности восприятия явления терроризма, настроить детскую и молодежную аудиторию исламских стран на выгодное авторам сообщения восприятие действительности.

Коммуникационное обеспечение террористической деятельности активно ведется и на территории Европейского союза. О восприимчивости части западной молодежи к исламистской риторике и террористической пропаганде в целом свидетельствует постоянный рост числа австрийцев в тренировочных лагерях Аль-Каиды, который с 2005 г. отмечает Ведомство по охране Конституции Австрии. В отчете ведомства за 2009 г. признается, что исламистские экстремистские организации активно вербуют австрийцев, а также отмечается процесс радикализации содержания интернет-сайтов мелких исламистских ячеек. Наряду с этим в 2009 г. отмечен рост числа акций как ультралевых, так и ультраправых организаций [13]. О планах Аль-Каиды по вербовке жителей Европы также сообщал в 2008 г. директор ЦРУ Майкл Хейден [1]. Возвращаясь к методу сравнения ультраправых и исламистских террористических групп Дж. Майкла, можно привести данные о радикализации неонацистских группировок в ряде стран Европейского Союза.

Среди публикаций Федерального ведомства по охране Конституции ФРГ наиболее актуальны на данный момент информационные издания, посвященные проблеме правого экстремизма. В них отмечаются два направления раз-

вития ультраправого движения: во-первых, сочетание различных методов организационной работы, которое позволяет в некоторой степени сплотить неонацистские организации, во-вторых, все большую склонность неонацистов к «акционизму», которая чревата угрозой насильственных акций.

Отмечается тенденция возрастания численности ультраправых по сравнению с предыдущими годами, а также тенденция постоянного выделения из числа правых радикалов так называемых «автономных националистов», что является последствием запрета деятельности неонацистских организаций в первой половине 1990-х гг. После запрета открытые выступления неонацистских организаций, имеющих четкую структуру, существенно затруднились. Выходом из создавшейся ситуации стало стихийное возникновение групп ультраправой молодежи для участия в демонстрациях и, в ряде случаев, в насильственных акциях, цель которых — устранение политических противников, а также активное противостояние действиям полиции. Отправной точкой для такого рода деятельности назван 2002 год, когда среди неонацистов возникли самоназвания «Свободные националисты» и «Свободные силы».

По свидетельствам экспертов, «различные неонацистские группы и активисты пропагандируют жесткую антипарламентскую политику и радикальные формы борьбы, открыто отказываясь от попыток объединения с политикой народного фронта, провозглашаемой Национал-демократической партией» [8: s. 2]. В этом и состоит опасность «свободных националистов». Подобные заявления в открытых публикациях силовых структур подразумевают возможность парламентской борьбы для неонацистских организаций, что представляет собой своего рода средство легитимации неонацистской идеологии в целом. Опасной провозглашается только деятельность неонацистских «хаотов», не признающих легальных путей политической борьбы, однако само явление неонацизма как следствия «системной ошибки» неолиберальной экономики и политики остается без внимания. Стоит отметить, что в ряде случаев вхождение в организованные неонацистские структуры в прошлом помогло «нейтрализовать» таких идеологов внепарламентской оппозиции, как Хорст Малер, в 1970-е гг. входивший в ультраправую террористическую организацию «Фракция Красной армии». Тем не менее, на очередном этапе развития автономных групп отмечается опасность именно неструктурированных, спонтанных молодежных выступлений. Актуальной проблемой признано и «омоложение» неонацистского лагеря, связанное, на наш взгляд, с последствием экономического, политического и социального кризиса в Европе.

За последние несколько лет, особенно с начала экономического кризиса, в Европе существенно повысилась популярность крайне правых организаций. Этот вывод следует не только из роста популярности таких политических организаций, как Британская национальная партия (British National Party — БНП), но и из возросшего значения таких подпольных неонацистских дви-

жений, как «Кровь и честь» (Blood & Honour — В&Н), которые поощряют и прославляют насилие, основывающееся на расовой нетерпимости.

На слушаниях в Отборочном комитете Министерства внутренних дел Палаты общин в сентябре 2009 г. Джон Йейтс, особый уполномоченный Управления лондонской полиции, заявил, что Великобритания предстала перед возрастающей угрозой со стороны неисламского экстремизма. Он сообщил комитету, что опасность со стороны поборников превосходства белой расы воспринимается британской полицией крайне серьезно, и привел некоторые примеры неонацистской террористической деятельности в Британии только в 2009 г.:

- В июле полиция Йоркшира разоблачила неонацистскую террористическую ячейку, имевшую обширные международные связи. Полицейские захватили наиболее крупный из предполагаемых террористических арсеналов, начиная со времен взрывов бомб ИРА в начале 1990-х гг. Сотрудники антитеррористических подразделений проверили более двадцати владений и захватили более 300 единиц оружия и 80 бомб. Аппаратные средства включали ракетные пусковые установки, гранаты, самодельные бомбы и большое количество огнестрельного оружия. Нескольким лицам были предъявлены обвинения, более 30 были допрошены во время инцидента.

- В сентябре Нейл Льюингтон, последователь «Крови и чести», был задержан на неопределенный срок за попытку начать серию взрывов бомб, направленных на цветное население Великобритании. В его квартире полиция обнаружила «фабрику по производству бомб» и неонацистскую литературу. В сообщениях из зала суда говорилось, что Льюингтон подражал своим «героям» — Дэвиду Коупленду¹ и Тимоти Маквеею².

- В мае Теренс Гэвен, член БНП, был арестован после того, как полиция совершила рейд на его дом. В январе 2010 г. он был обвинен в терроризме и приговорен к 11 годам тюремного заключения: в его доме был найден запас бомб, начиненных гвоздями и подшипниками, дробовиков, импровизированных взрывчатых устройств и пистолетов.

Однако, как считают представители силовых структур, важно не преувеличивать значения этих всплесков неонацизма, и Великобритания «не собирается превращаться в Четвертый Рейх». После обнаружения тайника оружия

¹ В 2000 г. Дэвид Коупленд, 24-летний инженер из города Фарнборо, признался на предварительном слушании, что он устроил в Лондоне в апреле 1999 г. три взрыва мин, начиненных гвоздями. По мнению следствия, террористические акты носили расистский характер.

² Тимоти Джеймс Маквэй – резервист армии США, ветеран войны в Персидском заливе, организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 года) террористического акта в истории Америки — взрыва в федеральном здании имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года, унесшего жизни 168 человек, включая 19 детей младше шести лет. Маквэй, симпатизирующий движению ополчения в США, искал способ отомстить федеральному правительству за осаду «Маунт Кармел», которая за два года до этого закончилась смертью 76 человек. Заодно он надеялся поднять восстание против федерального правительства, которое он называл тираническим.

в Йоркшире сэр Норман Беттизон, начальник управления полиции Западного Йоркшира, заявил: «наибольшие опасения все еще вызывают угрозы со стороны Аль-Каиды», однако полицейские регулярно «легко побеждают правых экстремистов» [12: р. 1–2].

Об угрозе насильственных акций со стороны ультраправых сэр Норман Беттизон также сказал, что полицейские Йоркшира не собираются ждать, пока такая кризисная ситуация, как описанные взрывы, станет достоянием общественного внимания. Если из роста британского радикального исламизма можно извлечь уроки, это, прежде всего, осознание того, что мы не должны просто ждать гибели людей. Действовать необходимо немедленно [12: р. 1–2].

Как показывают эти сообщения, как и их антиподы — «джихадисты», неонацисты агрессивны, тщательно законспирированы и готовы использовать насильственные методы, для достижения своих политических целей. Для минимизации угрозы со стороны как исламистских, так и европейских ультраправых организаций необходима выработка четкой системы превентивных мер [12: р. 1–2].

Все проанализированные в данной статье и другие многочисленные примеры экстремистской террористической деятельности свидетельствуют о необходимости выхода контртеррористической политики на новый уровень, когда актуальными становятся не только силовые операции и контртеррористическая пропаганда, но и использование средств коммуникационного менеджмента, комбинирующего механизмы открытого и скрытого управления с помощью коммуникаций, чтобы предотвратить деструктивное коммуникационное воздействие на граждан и общественные институты со стороны террористических организаций. Выработка критического отношения к террористической пропаганде, в том числе и «пропаганде действием», отсутствие паники и грамотная оценка ситуации позволят в несколько раз повысить сопротивляемость граждан и государственной системы в целом усилиям террористов по формированию выгодной им «картины мира».

Литература

1. Аль-Каида вербует европейцев // Телеканал «Звезда» на RuTube. — www.rutube.ru/tracks/577432.html?v=9a92bdae14178a403ee1c316c4027562 (Дата обращения: 18.01.2011 г.).

2. Базаркина Д.Ю. Ультралевый терроризм в ФРГ: Основные направления деятельности «Фракции Красной армии» (РАФ) и ее коммуникационное сопровождение (1971–1992 гг.) / Д.Ю. Базаркина. — М.: МЦСПИК – БФРГТЗ «Слово», 2010. — 276 с.

3. Ким А. Террор и бедность / А. Ким // Финанс. — № 34 (365). — 20–26.09.2010 г. — С. 16–18.

4. Морозов И.Л. Политический экстремизм — леворадикальные течения / И.Л. Морозов. — Волжский: Изд-во ВФ МЭИ, 2002. — 70 с.

5. *Пайпс Д.* Новый британский экспорт: исламистский терроризм / Д. Пайпс // National Review Online. 03.08.2010. — www.ru.danielpipes.org/article/8727 (Дата обращения: 18.01.2011 г.).
6. *Сумленный С.* Как в семидесятых / С. Сумленный // Эксперт. — № 25. — 28.06–04.07.2010. — С. 54–57.
7. *Тарасов А.* Вьетнам близко, или Партизанская война на берегах Рейна / А. Тарасов // Движение сопротивления им. Петра Алексеева. — www.dsipa.info (Дата обращения: 18.01.2011 г.).
8. «Autonome Nationalisten» — Rechtsextremistische Militanz. — Köln, Bundesamt für Verfassungsschutz, 2009. — 10 s.
9. *Krueger A.B.* The Economics and the Education of Suicide Bombers. Does Poverty Cause Terrorism? / A.B. Krueger, J. Maleckova // The New Republic. — www.tnr.com (Дата обращения: 18.01.2011 г.).
10. *Michael G.* The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right / G. Michael. — Lawrence: KS, University Press of Kansas, 2006. — 397 p.
11. *Seib Ph.* Global Terrorism and New Media. The Post-Al Qaeda Generation / Ph. Seib, D.M. Janbek. — Abingdon, Routledge, 2010. — 140 p.
12. *Standing E.* Blood and Honour: Britain's Far-Right Militants / E. Standing, A. Meleagrou-Hitchens. — London: The Centre for Social Cohesion, 2010. — 62 p.
13. Terrorcamps: Die Lizenz zum Töten. — Kurier. — 27.04.2010. — S. 1.
14. The Handbook of Crisis Communication. Edited by W. Timothy Coombs and Sherry J. Holladay. — Southern Gate, UK, Wiley-Blackwell, 2010. — 737 p.

References

1. Al³-Kaida verbuet evropejcev // Telekanal «Zvezda» na RuTube. — www.rutube.ru/tracks/577432.html?v=9a92bdae14178a403ee1c316c4027562 (Дата обращения: 18.01.2011 г.).
2. *Bazarkina D.Yu.* Ul'tralevyj terrorism v FRG: Osnovny'e napravleniya deyat'nosti «Fracicii Krasnoj armii» (RAF) i ee kommunikacionnoe soprovozhdenie (1971–1992 gg.) / D.Yu. Bazarkina. — M.: MCZSPIK – BFRGTZ «Slovo», 2010. — 276 s.
3. *Kim A.* Terror i bednost' / A. Kim // Finans. — № 34 (365). — 20–26.09.2010 g. — S. 16–18.
4. *Morozov I.L.* Politicheskij e'kstremizm — levoradikal'ny'e techeniya / I.L. Morozov. — Volzhskij: Izd-vo VF ME'I, 2002. — 70 s.
5. *Pajps D.* Novy'j britanskij e'ksport: islamistskij terrorism / D. Pajps // National Review Online. 03.08.2010. — www.ru.danielpipes.org/article/8727 (Дата обращения: 18.01.2011 г.).
6. *Sumlenny'j S.* Kak v semidesyaty'x / S. Sumlenny'j // E'kspert. — № 25. — 28.06–04.07.2010. — S. 54–57.
7. *Tarasov A.* V'etnam blisko, ili Partizanskaya vojna na beregax Rejna / A. Tarasov // Dvizhenie soprotivleniya im. Petra Alekseeva. — www.dsipa.info (Дата обращения: 18.01.2011 г.).
8. «Autonome Nationalisten» — Rechtsextremistische Militanz. — Köln, Bundesamt für Verfassungsschutz, 2009. — 10 s.

9. *Krueger A.B.* The Economics and the Education of Suicide Bombers. Does Poverty Cause Terrorism? / A.B. Krueger, J. Maleckova // The New Republic. — www.tnr.com (Data obrashheniya: 18.01.2011 g.).

10. *Michael G.* The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right / G. Michael. — Lawrence: KS, University Press of Kansas, 2006. — 397 p.

11. *Seib Ph.* Global Terrorism and New Media. The Post-Al Qaeda Generation / Ph. Seib, D.M. Janbek. — Abingdon, Routledge, 2010. — 140 p.

12. *Standing E.* Blood and Honour: Britain's Far-Right Militants / E. Standing, A. Meleagrou-Hitchens. — London: The Centre for Social Cohesion, 2010. — 62 p.

13. Terrorcamps: Die Lizenz zum Töten. — Kurier. — 27.04.2010. — S. 1.

14. The Handbook of Crisis Communication. Edited by W. Timothy Coombs and Sherry J. Holladay. — Southern Gate, UK, Wiley-Blackwell, 2010. — 737 p.

«Декабрь – 1941: за нами Москва»

Неисповедимы пути, как и формы проявления творческой мысли в творческом коллективе, каковым является многочисленное, разбросанное по десяткам столичных уголков наше университетское сообщество. Широки и разнообразны интересы. Не ограничено и неисчерпаемо поле инициатив. При всей регламентации жизни и труда, разделении — как в хорошем, сложенном оркестре — функций и задач каждого составляющего элемента – неотвратимый атрибут, именуемый у философов единством целого.

Особенно интересно бывает, когда линии жизни пересекаются, когда представляющие различные интересы и направления дел студенты и их педагоги оказываются в одном кругу, в одном зале, за одним большим столом. И тогда сразу забывается, кто это придумал и вообще что это такое — учебное занятие, воспитательный раут, организованный кафедрой плановый «круглый стол» или просто встреча старых друзей без всякого названия.

Именно в такой форме прошло совместное заседание кафедры всеобщей истории Института гуманитарных наук, Совета ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и студенческого политклуба «Открытая трибуна». Казалось, ничего необычного, заседали, как всегда, в своей же аудитории, те же привычные лица. Однако вместе с заведующим кафедрой вел заседание председатель Совета ветеранов гвардии полковник Д.А. Мякушев.

Встреча была традиционной. Ежегодно, в декабре, в очередную годовщину битвы под Москвой, ветераны приходят к студентам в гости. По материалам одной из таких встреч издательством МГПУ была выпущена книга. Встреча и на этот раз проходила под девизом: «Декабрь – 1941: за нами Москва». Докладчик — заведующий кафедрой профессор Е.И. Хаванов напомнил о том, что именно за героизм, проявленный при обороне столицы, кавалерийское соединение получило звание гвардейского. Как автор монографии «Продолжение легенды» о боевом пути конников, он рассказал и о других их подвигах, вплоть до сражения за Берлин.

Гвардии полковник Д.А. Мякушев рассказал о военно-патриотической работе ветеранов и призвал будущих учителей истории отстаивать правду о войне, защищать ее от искажений в интересах предателей и врагов России. Гвардии сержант А.С. Степанов вспоминал, как во время Курского сражения, в ходе одной разведывательной операции, он, тяжелораненый, целый день пролежал на «ничейной земле», между линиями немецких и наших окопов, пока не был замечен и доставлен в медсанчасть.

Во встрече принял участие профессор кафедры К.К. Шириня. В годы войны он оказался в составе авиаподразделения, которое обеспечивало радио-пропаганду над окопами немцев. Выучивший до призыва в армию немецкий язык, молодой солдат теперь непосредственно обращался к фашистам с самолета, с выключенным мотором пролетавшего по ночному небу над передовой противника.

Конечно же, были докладчики и от студентов. А завершилась встреча чтением стихов, рожденных здесь же, в университете.

*Пресс-группа студенческого политклуба
«Открытая трибуна»*

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ / REVOLUTIONARY MOVEMENTS

Г.Г. Касаров

Стачки рабочих в Саратовской губернии (июль 1914 г. – февраль 1917 г.)

В данной статье впервые в отечественной историографии наиболее полно проанализирована стачечная борьба рабочих Саратовской губернии в условиях Первой мировой войны. Статья подготовлена на основе имеющейся литературы и архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: стачки рабочих Саратовской губернии.

Kasarov, Georgyi G.

Workers' strikes in Saratov province (July 1914 – February 1917)

For the first time in the national historiography, the most detailed analysis of the strike movement of workers of Saratov province during the First World War is given. This article is prepared on the basis of available scientific literature and archival sources, which are put into scientific circulation for the first time.

Key-words: workers' strikes of Saratov province.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ / ECONOMY HISTORY

Д.А. Ковылин

Деятельность сельскохозяйственной кооперации в Кубанской области в начале XX века

В статье идет речь о деятельности сельскохозяйственной кооперации, различных направлениях ее работы, особенностях ее возникновения и развития на Кубани; прослеживается процесс взаимодействия казачества и сельскохозяйственной кооперации в Кубанской области. Автор приходит к выводу, что казачество Кубани играло заметную роль в повышении уровня аграрного развития региона, чему во многом способствовала и деятельность казаков в сельскохозяйственных кооперативах.

Ключевые слова: сельскохозяйственное общество; сельскохозяйственные товарищества; сельскохозяйственные кооперативные объединения; земледельческая артель; Кубанское казачье войско.

Kovylin, Dmitrij A.

The Activities of Cooperating Farming in Kuban Region at the Turn of the XX-th Century

The article is devoted to cooperative farming activities, different sectors of its work, the peculiarities of its origin and development in Kuban region; the author retracing the process of interaction between the Cossacks and cooperative farming in Kuban region. The author comes to the conclusion that Kuban Cossacks played an appreciable role in increasing the level of regional agricultural development, and their activities in farming cooperatives made for this process .

Key-words: farming company; agricultural associations cooperative farming units; agricultural crew; Kuban Cossack Army.

ИСТОРИЯ РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА / HISTORY OF RUSSIA OF PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

И.Л. Андреев

Дворянство и власть в XVII веке: проблемы «диалога»

В статье автор предпринимает попытку взглянуть на взаимодействие власти и служилого дворянства в XVII в. как на диалог сторон. Для этого исследуются мировоззренческие основы диалога, покоившегося на взглядах и представлениях о службе и их изменениях в продолжении столетия.

Ключевые слова: власть; дворянство; сословия; служба.

Andreev, Igor L.

Nobility and Power in the XVIIth Century: Problems of Dialogue

The author of the article tries to look at the interaction of power and nobility in the XVIIth century as a dialogue between parties . For this purpose he studies world outlook basis of the dialogue, which was based on views and ideas about service and their changes during the century.

Key-words: power; nobility; estates; service.

А.Д. Кубрик

Восприятие жилищных условий крестьянами Московской губернии в 1860–1870-е годы

В статье анализируются прошения 1860–1870-х гг., поданные крестьянами Московской губернии в различные присутствия в связи с их жилищными проблемами. Анализ показал, что русских крестьян в ту эпоху не волновали их жилищные условия: нет жалоб на тесноту, недостаточный комфорт и тому подобные неудобства, которые были, тем не менее, присущи русским крестьянским избам в то время.

Ключевые слова: жилищные условия; русские крестьяне; пореформенное время; избы.

Kubrik, Anna D.

Perception of the Housing Conditions by Peasants of Moscow Region in 1860–1870s

In the article the petitions of Russian peasants of Moscow region forwarded into different states structures in 1860–1870s connected with their housing conditions are analyzed . The analysis showed that Russian peasants didn't worry about their housing conditions in the post-reform

time. In the examined documents there aren't any complaints about coop up living, lack of comfort, and other inconveniences which nevertheless were inherent in Russian peasant's log hut in that time.

Key-words: housing conditions; Russian peasantry; the post-reform time; log huts.

ИСТОРИЯ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА / HISTORY OF RUSSIA OF THE SOVIET PERIOD

Н.В. Шалыгина

Немецкие спецпоселенцы на Русском Севере в 1946–1956 гг.

Статья посвящена советским немцам, выселенным в Архангельскую область в послевоенные годы. Проанализирован их состав, динамика численности, география расселения и трудовое использование. Источниковую базу составляют статистические материалы архива УВД Архангельской области.

Ключевые слова: немцы; спецпоселенцы; динамика численности; Архангельская область.

Shalygina, Nadezhda V.

German special settlers in the Russian North in 1946–1956s

This article is devoted to Soviet Germans evicted in Arkhangelsk region after the Second World war. The author analyzes their composition, population dynamics, geographical settlement and labor utilization. The analysis is based on the statistical materials of Internal Affairs Administration Archive of Arkhangelsk region.

Key-words: Germans, special settlers, population dynamics, Arkhangelsk region.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / HISTORY OF CULTURE

А.Б. Давыдова

Египетские артефакты на территории александрийского Серапеума

Находка на территории александрийского Серапеума египетских артефактов породила ряд научных дискуссий о том, для чего они доставлялись в новую столицу страны и устанавливались на территории Серапеума, каким — египетским или античным — был сам культ Сараписа, а также о внешнем облике храма.

С определенной степенью уверенности можно говорить лишь о том, что культ, по крайней мере в период эллинизма, носил смешанный, греко-египетский характер. Но определить, насколько были распространены в нем египетские элементы, крайне сложно. Однако некоторые обнаруженные на территории Серапеума объекты позволяют сделать ряд важных выводов о причинах выбора места для его строительства.

Ключевые слова: Александрия; Серапеум; историография.

Davydova, Alla B.

Egyptian Artifacts on the Territory of the Serapeum in Alexandria

Discovery of Egyptian artifacts on the territory of the Serapeum in Alexandria produced scientific discussions concerning the reason of these objects delivery to the new capital of the country and of their erection on the Serapeum's territory, and also the character of Sarapis' cult (whether it was Egyptian or Greek), and the outside part of the temple.

We may be sure to some extent that the cult at least in the Hellenistic period had a mixed Greek and Egyptian character. But it is very difficult to identify, to what extent the Egyptian elements were prevalent in it. However some Egyptian artifacts that were discovered on the territory of the Serapeum allow us to come to some important conclusions about the reasons the builders chose the construction place.

Key-words: Alexandria; Serapeum; historiography.

И.С. Барышев

Русская диаспора в Бразилии

В статье анализируются особенности русской диаспоры в Бразилии. Рассматриваются истоки русской эмиграции, причины, вызвавшие переселение российских граждан. Также особое внимание уделяется понятию «диаспора» и анализируется возможность причисления потомков русских переселенцев к русской диаспоре.

Ключевые слова: Бразилия; русская диаспора; волны эмиграции; Русская Православная Зарубежная Церковь (РПЗЦ).

Igor S. Bary'shev

Russian diaspora in Brazil

The article analyzes peculiarities of Russian diaspora in Brazil. The sources of Russian emigration, the reasons that caused the relocation of Russian citizens are considered. Special attention is paid to the term «diaspora» and the possibility of reckoning Russian emigrants descendants among Russian diaspora is analyzed.

Key-words: Brazil; Russian Diaspora; waves of emigration; Russian Orthodox Church Abroad (ROCA).

ИСТОРИОГРАФИЯ / HISTORIOGRAPHY

И.Б. Куликова

Поле жертвоприношений и Поле тростника: к историографии проблемы

В статье дается краткий историографический обзор монографий и статей, посвященных исследованию различных аспектов проблемы Поля жертвоприношений и Поля тростника. В результате автор приходит к выводу о недостаточной изученности этих районов загробного мира и выделяет перспективные направления дальнейшей работы.

Ключевые слова: Историография древнего Египта; древнеегипетская религия; Поле жертвоприношений; Поле тростника.

Kulikova, Irina B.

The Field of Offerings and the Field of Reeds: to the Historiography of the Problem

The article is devoted to a historiographical overview of monographs and articles concerning the different aspects of the Field of Offerings and the Field of Reeds problem. The author comes to a conclusion that these localities were studied insufficiently and points out perspective areas of further research.

Key-words: Historiography of Ancient Egypt; religion of Ancient Egypt; Field of Offerings; Field of Reeds.

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ /
HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS***С.А. Агуреев***Политика европейских держав в Эфиопии
в конце XIX века и Россия**

Статья посвящена политике европейских держав в отношении Эфиопии и формированию интереса России к этой стране в конце XIX века. Автор на основе архивных материалов и дневников российских исследователей Эфиопии делает вывод, что интерес российской общественности к Эфиопии обуславливался ростом экономического и геополитического значения зоны Красного моря в этот исторический период.

Ключевые слова: Восточная Африка; Красное море; император Менелик II; Уччиальский договор.

*Agureev, Stanislav A.***The Policy of European Countries in Ethiopia
in the End of XIXth Century and Russia**

The article is devoted to the Policy of European countries in Ethiopia and to the forming of interest of Russia in this country at the end of XIXth century. The author comes to a conclusion that the interest of the Russian public in Ethiopia was brought about by the increase of economical and political importance of the Red Sea area in that time, based on the archive documents and the diaries of Russian researches of Ethiopia.

Key-words: East Africa; the Red Sea; emperor Menelic II; Uchial agreement.

**ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ /
CONTEMPORARY HISTORY***Д.Ю. Базаркина***Угроза терроризма как проблема международной безопасности**

В статье анализируются закономерности возникновения и развития политического экстремизма, прежде всего, под влиянием террористической пропаганды. Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы Министерства образования Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм; международная безопасность; коммуникации; коммуникационный менеджмент.

*Bazarkina, Daria Yu.***Threat of Terrorism as One of the Main Problems of the International Security**

The author tries to analyze the laws of occurrence and development of political extremism, first of all, under the influence of terrorist propaganda. The article was prepared within the limits of the realization of the Federal Target Programme «Scientific & Pedagogical Personnel of Innovative Russia» in 2009–2013 of Ministry of Education of the Russian Federation

Key-words: terrorism; international security; communications; communication management.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2011, № 1 (7)**

Агуреев Станислав Александрович — старший преподаватель кафедры всеобщей истории МГПУ, кандидат исторических наук (stas.agureev@mail.ru).

Андреев Игорь Львович — доцент кафедры отечественной истории МГПУ, кандидат исторических наук (andreev@mgpu.ru).

Базаркина Дарья Юрьевна — старший преподаватель кафедры журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова, кандидат исторических наук (bazarkina-icspsc@yandex.ru).

Барышев Игорь Сергеевич — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (lark-walk@mail.ru).

Давыдова Алла Борисовна — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (dawidov@mail.ru).

Касаров Георгий Георгиевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (kasarov@mgpu.ru).

Ковылин Дмитрий Александрович — докторант кафедры отечественной истории МГПУ, кандидат исторических наук (dakov77@rambler.ru).

Кубрик Анна Дмитриевна — соискатель кафедры отечественной истории МГПУ (akubrik@yandex.ru).

Куликова Ирина Борисовна — соискатель кафедры всеобщей истории МГПУ (kulikova_ira@yahoo.com).

Шалыгина Надежда Валерьевна — аспирант кафедры отечественной истории Северного Арктического федерального университета (САФУ) (nvsh78@yandex.ru).

**Authors / МСРВ Vestnik,
Series «Historical studies», 2011, № 1 (7)**

Agureev Stanislav Aleksandrovich — PhD of History, assistant professor in Department of General History, МGPU (stas.agureev@mail.ru).

Andreev Igor Lvovich — PhD of History, Associate Professor in Department of Domestic History of Russia, МGPU (andreev@MGPU.ru).

Bazarkina Darja Yurevna — PhD of History, assistant professor in Department of Journalism, Sholokhov Moscow State University for Humanities (bazarkina-icspsc@yandex.ru).

Baryshev Igor Sergeevich — Post-graduate in Department of General History, МGPU (lark-walk@mail.ru).

Davydova Alla Borisovna — Post-graduate in Department of General History, МGPU (dawidov@mail.ru).

Kasarov Georgi Georgievich — PhD of History, professor in Department of Domestic History of Russia, МGPU (kasarov@MGPU.ru).

Kovylin Dmitrij Aleksandrovich — PhD of History, Doctoral Candidate in Department of Domestic History of Russia, МGPU (dakov77@rambler.ru).

Kubrik Anna Dmitrievna — Applicant for PhD, in Department of Domestic History of Russia, МGPU (akubrik@yandex.ru).

Kulikova Irina Borisovna — Applicant for PhD, in Department of General History, МGPU (kulikova_ira@yahoo.com).

Shalygina Nadezhda Valerjevna — Post-graduate in Department of Domestic History of Russia, SAFU (Arkhangelsk) (nvsh78@yandex.ru).

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета ГОУ ВПО МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Статья объемом не менее 0,5 а.л. и не более 1 а.л. (40 тыс. знаков) должна быть напечатана на бумаге формата А4.; поля страницы: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм; выравнивание по ширине; абзацный отступ — 15 мм; в тексте, таблицах, формулах и иллюстрациях следует применять шрифты: Times New Roman, Arial, Courier New, кегль — 14, межстрочный интервал 15 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набирают: латинскими буквами в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом.

2. К статье должна быть приложена ее электронная версия на следующих носителях: CD-R; CD-RW; DVD-R; DVD-RW; USB flash в форматах Microsoft Word, RTF. Весь текст рукописи должен быть сохранен в одном файле.

3. Перед названием статьи (не более 7 слов) указываются инициалы и фамилия автора (авторов). После названия статьи должна следовать краткая аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении. Ключевые слова и словосочетания (не более 5) разделяются точкой с запятой.

4. В конце каждой статьи следует список литературы на русском и на английском языках. Литература дается в алфавитном порядке. Ссылки на нее оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [10: с. 81], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, приведенного в конце статьи, а вторая — номер страницы источника; кроме этого может указываться том, параграф, книга. Например: [5: Т. II, с. 60], [5: § 5, с. 60], [5: кн. 5, с. 60].

5. **Рисунки, графики, схемы** должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

Выделения в тексте делаются светлым курсивом, жирным курсивом и жирным шрифтом. Подчеркивания исключаются!

6. **Библиографические ссылки на электронные ресурсы** нужно делать внутритекстовые в круглых скобках. Например: (Русское православие: [сайт]. URL: <http://www.orhto-rus.ru/>), (URL: <http://www.bashedu.ru/encicle.htm>).

7. **Библиографические ссылки на архивные документы** следует делать внутритекстовые ((НБА РКП.Ф.1.0п.19 Ед.хр.8); (БГАДА. ф. 210 (Разрядный приказ. Разрядные вязки. Вязка 1.4.1) № 10. Л. 1-64)).

Иностранные издания в списке литературы идут после русских изданий и следуют тем же правилам оформления.

8. **Примечания.** Если примечания даются в конце страницы, то нумерация ограничивается пределами страницы. Если идет сквозная нумерация через весь текст, то примечания помещаются в конце статьи. В этом случае вначале идет раздел «Примечания», а затем раздел «Литература».

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

10. К статье прилагается информация об авторе (авторах) (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы) на русском и английском языках, контактный телефон и электронный адрес.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (7), 2011

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Составитель:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Р.Д. Смирнова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 20.04.2011 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 8 усл. печ. л. Тираж: 1 000 экз.